

Марко Миссироли

ВЕРНОСТЬ

18+

**Ожидается экранизация
от NETFLIX**

Annotation

На живописных улочках Милана, где с легкостью можно заблудиться в лабиринте домов, ресторанов и чувств, разворачивается действие романа Марко Миссироли «Верность».

Карло очень любит свою жену. Но у его студентки Софии трогательные ямочки на щеках, и Карло не может перестать думать о ней.

Маргерита очень любит своего мужа. Но у ее физиотерапевта Андреа такие сильные руки, и Маргерита не может перестать думать о нем.

В вожделении, признаниях, страхах и изменах они пытаются выковать свою жизнь, которая порой кажется бессмысленной, сложной и пугающей. Чего каждый из них желает на самом деле? И смогут ли они сохранить верность самим себе?

- [Марко Миссироли](#)

-

- [notes](#)

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [4](#)

- [5](#)

- [6](#)

- [7](#)

- [8](#)

- [9](#)

- [10](#)

- [11](#)

- [12](#)

- [13](#)

- [14](#)

- [15](#)

- [16](#)

Марко Миссироли

Верность

Посвящается Мадделене и Сильвии Миссироли

*Заблуждения – вот что позволяет нам жить
дальше^[1].*

ФИЛИПП РОТ. Американская пастораль

– Твоя жена следила за мной.

– Моя жена?

– До самого университета. – София посмотрела на него. –

Профессор?

Он уставился на дверь аудитории.

– Кажется, она на улице.

Карло Пентекосте подошел к окну и сразу же узнал амарантовое пальто Маргериты – она носила его буквально со второго дня весны. Его жена сидела на каменном парапете и читала – все тот же томик Немировски, – скрестив ноги и придерживая свободной рукой рюкзак. Стояли последние мартовские дни, и весь Милан ни с того ни с сего окутало туманной дымкой.

Карло обернулся к студентам. София усаживалась и раскладывала вещи, блокнот и миндальные орешки во втором ряду. Благодаря тонким чертам и плавным движениям, смягчавшим выступающую линию бедер, она выглядела моложе своих двадцати двух лет. Сейчас она смотрела на него так же пытливо, как в кабинете ректора, куда их вызвали после того, как первокурсница застала их в женском туалете на первом этаже: он склонился над ней и ласкал то ли шею, то ли что-то еще – первокурсница путалась в версиях. Этого вполне хватило, чтобы по университету поползли слухи, будто у профессора Пентекосте интрижка с одной из студенток.

Забыв о лекции, он накинул куртку и спустился по лестнице. Замешкался в вестибюле и вернулся в туалет. Он заходил сюда, чтобы все объяснить сначала коллеге, а потом и ректору. И каждому дотошно

показывал, как произошло то, что он окрестил недоразумением: вот он вошел в мужской туалет, помочился, вышел из кабинки, ополоснул руки и лицо, воспользовался сушилкой, и тут из женского туалета донесся грохот падающего тела. Дверь на женскую половину была приоткрыта, и он увидел свою студентку Софию Казадеи практически без чувств – что он подразумевал под «практически»? Склонившись над ней, он несколько раз позвал ее по имени, потом помог сесть, а затем и встать – тут он показал ректору, как именно, – ненадолго прислонив ее к стене в углу. Это длилось пару минут, не больше, потом девушка пришла в себя, и он помог ей умыться: первокурсницу он даже не заметил.

Прежде чем подойти к жене, он остановился и проверил мобильник: Маргерита не предупредила, что собирается зайти. Она все еще читала на парапете, когда он к ней подошел.

– Твое пальто видно за километр, – сказал он, кивнув на окно аудитории.

– Да вот, решила дать передышку сухожилию. Я как раз собиралась к тебе. – Захлопнув книгу, она поднялась. – Ты забыл это, – сказала она, протягивая флакон.

– Ты принесла мне лекарство от аллергии?

– Мне хватило твоего приступа на прошлой неделе.

– Не стоило так нагружать ногу.

– Я приехала на метро, – уточнила она, расправив капюшон его куртки. – На твоём месте сегодня я проводила бы занятия на улице. В тумане есть своя прелесть.

– Кто же меня тут будет слушать? – Он приобнял ее за талию, как в день их первого знакомства, на ужине у сестры. Изгиб поясницы наводил на мысль о подтянутом теле. – Поднимешься? Мне пора начинать.

Маргерита обожала его руки, так непохожие на руки преподавателя. Он помог ей надеть рюкзак, и они вместе направились ко входу.

– Ты правда пришла сюда только ради...

– Я пришла, потому что пришла. – Кивнув на часы, она сделала ему знак поторапливаться.

Улыбнувшись, он зашел внутрь.

Как только силуэт Карло растаял на лестнице, Маргерита с поникшим видом прислонилась к стеклянной двери. Почему у нее не хватило смелости подняться с ним в аудиторию? Почему у нее кишка тонка, как говаривала мать, зайти внутрь и пройти в *тот* туалет? Почему сейчас ее трясло? Ей хотелось задержаться, однако усилием воли она заставила себя отойти от двери, вышла за ворота и застегнула пальто. Остановившись, она зажмурилась и попыталась зацепиться мыслями хоть за что-нибудь, чтобы не впасть в отчаяние: вспомнила о предстоящих пятидесяти минутах и ощутила себя другой. Другой, интригующей. А вспомнила она о записи «Физиотерапия» в еженедельнике, в перспективе сулившей приключение. Она это чувствовала и лелеяла в себе это средство от неуверенности, пока шла от университета к остановке такси. Нога беспокоила ее с самого утра. Зарождаясь в области лобка, боль растекалась почти до колена – это началось после пробежки в тренажерном зале три месяца назад. С тех пор пришлось пересмотреть свои привычки, и это отнюдь не доставляло ей радости: сменить каблуки на кроссовки, отказаться от осмотра квартир в домах без лифта, не бегать за детьми.

Достав телефон, Маргерита увидела сообщение от хозяйки квартиры на корсо Конкордия: *«Дорогая Маргерита, я все подписала, теперь дело за вами»*, – и от сотрудницы: *«Ключи у нас, можем выставлять на продажу»*. Был и пропущенный звонок от мамы. Она не перезвонила и так и стояла с телефоном в руке: в этот раз сдержавшись и не зайдя в «Фейсбук». Всякий раз, когда перед глазами возникала страничка Софии Казадеи, в голову лезли странные образы: кафе, где та работала, бар, в котором завтракала по утрам, район, в котором жила, – вот бы там побродить. Когда подошла ее очередь, она назвала таксисту адрес «ФизиоЛаб» на виа Капуччини, 6, откинулась на сиденье и закрыла глаза. Таксист предупредил, что придется объехать дорожные работы, Маргерита согласилась и перестала думать о чем бы то ни было. Иногда она поглядывала на мелькавший за окном город с его переполненными тротуарами и консьержками в парадных. Затем вспомнила о пропущенном вызове и перезвонила.

– Мама?

– Я как раз собиралась звонить сантехнику.

– Что случилось?

– Все этот, – она набрала побольше воздуха, – этот хренов бойлер!

– Кстати, здравствуй.

– Люблю я крепкое словцо, но твой отец говорил, что мат не для женского рта, – и умолкла. – Я звонила, чтобы спросить, что там с квартирой на корсо Конкордиа.

– Мне только что ответили.

– Ну и как тебе?

– Там нет лифта, но в целом очень интересный вариант. Я свожу туда Карло, прежде чем выставлять ее в агентстве.

– А как нога?

– Что ты делаешь, когда тебя мучают подозрения?

– Я так и знала, что ты плохо себя чувствуешь.

– Что ты обычно делаешь в таких случаях?

– Какие именно подозрения?

– Просто подозрения.

– Подозрения – это улика.

– Мама, это же не «Один день в суде»!

– Это жизнь, моя девочка. Ты ничего не хочешь мне рассказать? – нерешительно добавила она.

– Я уже приехала. Пока.

– Доченька, – ее голос просветлел, – обо всех своих подозрениях ты сможешь поговорить завтра.

– Черт, только не это!

Мама фыркнула:

– Ты уже полгода собираешься, я с таким трудом выбила для тебя время: 10:30, виа Виджевано, 18, кнопка F.

– Напомни, как тебе удалось меня на это уговорить?

– Туда ходил Дино Буццати. Заруби себе это на носу.

– А ты заруби себе на носу, что скоро день рождения моей свекрови.

– Я не пойду.

– Еще как пойдешь!

– Нет. А вот ты, как будет желание, забегай навестить свою мать.

После папиных похорон мама, не сомкнув глаз, три дня просидела в кресле, где он обычно читал по воскресеньям газету. Затем задалась вопросом: «Ну и для кого мне теперь готовить?» Некоторое время она избегала разговоров о человеке, который приучил ее к привычному распорядку, воскресным базарчикам, «Тексу Виллеру^[2]»

и сдержанности. Он любил тишину, и чтобы заглушить горечь утраты, Маргерите с матерью пришлось наполнить квартиру шумом: препираться по пустякам, звонить друг другу, не унывать.

Расплатившись с таксистом, Маргерита вышла напротив здания «ФизиоЛаб». Она вся покраснелась от нетерпения. Открыла рюкзак и проверила, на месте ли купальник, гель для душа, полотенце и расческа. Назвав свое имя администратору, Маргерита прошла в раздевалку и натянула под шорты купальник – ей пришлось купить новый, как только она узнала, в чем состоит лечение, – завязала волосы и, прихватив телефон с наушниками, вышла из раздевалки с мыслью, что в последний раз ее косметолог сделала свою работу кое-как. Взяла бутылку воды – подарок центра – и прошла в реабилитационный зал. Пунктуальный Андреа был уже на месте. Пожав ей руку, поинтересовался, как нога, она по привычке ответила, что по-разному. Глухо стукнула перегородка, и она внутренне приготовилась к очередному сеансу в этом закутке наедине с серьезным двадцатилетним парнем, который пытался вылечить ее от почти хронического воспаления. Он махнул рукой в сторону кушетки, Маргерита коснулась пояса и посмотрела на Андреа, после его утвердительного кивка сняла шорты. Физиотерапевт взял прибор, приложил к внутренней поверхности бедра, поднялся к паху и прошелся по лобку с умеренной силой. Во время процедуры Маргерита обычно впивалась взглядом в край перегородки и старалась медленно дышать. Этого десятиминутного разогрева – так он это называл – ей как раз хватало, чтобы преодолеть смущение. Затем она расслаблялась. Твердость Андреа, его умелые руки и опущенный взгляд успокаивали ее. Она тоже смотрела в сторону, за исключением момента, когда он – как сейчас – откладывал прибор и задирал еще выше ее купальник: тогда Маргерита принималась искать в нем хоть малейшие признаки возбуждения, выходящие за рамки врачебной этики. Она пыталась уловить неуверенность в движениях его пальцев, ощупывающих лобок в поисках сухожилия. Большим, средним, иногда указательным пальцем он надавливал, будто нащупывал почву. На первом сеансе он подробно объяснил, как будет проходить лечение: снятие воспалительного процесса медицинскими приборами, лечебный массаж и комплекс упражнений в тренажерном зале. Потребуется двадцать пять сеансов, не считая контрольных осмотров и

УЗИ, итого – две тысячи восемьсот двадцать евро. Она не могла или почти не могла себе этого позволить, поэтому попробовала было обратиться в городскую поликлинику, однако, отупев от сидения в очередях, пошла на сделку с совестью и остановилась на том, что ее отец назвал бы вариантом *попроще*. Проще было отвалить три тысячи за сиделку-физиотерапевта, проще было, не блистая в школе, подарить себе Interrail^[3], проще было с мозгами архитектора довольствоваться местом агента по недвижимости. Проще, вероятно, было принять терапевтические манипуляции за похоть.

И теперь, когда физиотерапевт касался ее с нужной силой в почти запретном месте, и она вот-вот собиралась сказать, где притаилась болевая точка, Маргерита вдруг вспомнила: муж, дверь туалета, здание университета под номером 5, первый этаж, женский туалет. Вот где притаилась *болевая точка*, не дававшая ей покоя вот уже два месяца. Увильнувшись, по привычке последних недель, от досаждавшей ей мысли, она решила взглянуть на это с другой стороны. Она – внимательная и заботливая дочь? А могла бы быть куда менее заботливой. Она – агент по недвижимости, не тративший время попусту между осмотрами объектов? А могла бы и тратить. Она – пациентка, которая не поддается соблазну трех опытных пальцев? А могла бы и поддаться. Всякий раз, вспоминая о том туалете, она *могла* отвлечься от подозрений, направив мысли в иное русло.

Андреа спросил, болит ли там, где он массирует. Чтобы воплотить фантазии в жизнь, стоило только произнести: немного правее. Помассировав правее, Андреа довел бы ее до оргазма, святые небеса. Однако она ответила:

– Немного левее.

Он сместился влево.

– К вечеру боль усиливается?

– Смотря в какой день.

– Ты делаешь упражнения?

– Смотря в какой день. – Она устроилась поудобнее. – В принципе, я послушная пациентка.

– Все так говорят.

– Все?

– А потом дают задний ход.

– В смысле?

– Проще уйти от проблемы, чем ее решить. – Он слегка надавил. – Тут есть уплотнение, чувствуешь?

Маргерита ничего не ответила. Она – одна из *тех* посетительниц центра: купленный по случаю купальник, жемчуг в ушах, квартира в центре, отнюдь не примерный муж – одним словом, послушная пациентка.

– Вижу, ты любишь свою работу.

Андреа уменьшил силу нажима.

– Хочу сказать, ты молодец. Тебе же часто это говорят?

– Бывает.

Отодвинувшись от нее, он обошел кушетку и принялся массировать ступню, неспешно продвигаясь вверх.

Маргерита ощущала, как он без спешки подбирается к паху, прорабатывая сухожилие сантиметр за сантиметром. Интересно, каков он в постели? Может, грубый, а может, неопытный. На какое-то мгновение она даже подумала о двух пустующих апартаментах, куда могла бы его привести: квартира на вьяле Саботино, 3, которую никто не хотел брать в аренду из-за слишком высокой стоимости услуг кондоминиума, и трехкомнатные апартаменты на виа Бадзини, 18 с небольшим джакузи.

– Немного правее, – удивившись сама себе, вдруг прошептала Маргерита.

Он помедлил:

– Правее?

– Чуть-чуть.

Он знал – правее нельзя. Кончиками пальцев он нащупал болевую точку и хорошенько ее проработал. Сместиться правее было рискованно, разве что самую малость: опустить мизинец, чтобы ощутить тепло, влажность и мягкую плоть, а затем сразу же убрать его, ни на секунду не прекращая работы. Он никогда так не поступал, хотя коллеги с серьезным видом показывали ему, как это делается. Как только на горизонте появлялась *интересная* пациентка с тендинитом, они расталкивали друг друга локтями, чтобы ее заполучить. Маргерита попала к нему из-за своей кажущейся неприметности. Милая, почти безликая. А вот тело таило в себе немало сюрпризов: дело было не только в гармонично развитых мышцах, гибких и сильных ногах, гладких бедрах, но и в том, как она приноравливала свое сухожилие,

суставы да и всю себя для этих пятидесяти минут лечебных манипуляций. Он любил ее молчание, позволявшее ему сосредоточиться на работе, Маргерита производила впечатление человека, который то ни о чем не думает, то полностью погружен в свои мысли. Поэтому он избегал смотреть на нее, будто боялся спугнуть их ход. Он ощущал ее скорее обонянием: от нее исходил доселе незнакомый ему запах – почти молочный, – который исчезал лишь под струями душа.

Андреа взглянул на часы: оставалось еще пять минут. Помог согнуть ей ногу, спросил, где усиливается боль при сгибании, и понял, что нужно снять небольшую контрактуру около бедра. Положив лодыжку себе на плечо, он принялся массировать заднюю поверхность бедра, двигаясь вдоль мышцы. Почувствовав зажим, углубил нажатие. Маргерита застонала, как на первых сеансах, это походило скорее на мычание, чем на крик. «Потерпи», – сказал он и нажал еще раз, чтобы насладиться этим стоном. Значит, он такой же, как его коллеги? Андреа решил ускориться, пока не занемела рука. Затем опустил ногу на кушетку.

– Позанимайся на орбитреке. Потом Аличе сделает с тобой упражнения.

– Аличе?

– Сегодня мне нужно уйти пораньше. Увидимся завтра. Не нравится мне это воспаление.

– Завтра?

– Да, если можешь.

Она задумалась.

– Могу в девять. – Маргерита села и спустила ноги на пол. – Куда ты сегодня убегаешь?

Андреа уже убирал перегородку.

– Прости, конечно, это не мое дело, – продолжила она, натягивая шорты. – Просто свободные полдня в Милане – такая редкость.

– Да нет, я буду занят.

– Правда? – Маргерита смущенно улыбнулась. – Извини, это сильнее меня, – добавила она, направляясь мимо Андреа к орбитреку в тренажерном зале.

Андреа проводил ее взглядом, затем прошел в раздевалку. Быстро переоделся, и уже выходя из «ФизиоЛаб», не думал больше ни о

Маргерите, ни о других пациентах. Прежде у него не получалось отключаться: он постоянно размышлял, как помочь клиентам, прикидывал, сколько времени уйдет на лечение, продумывал, как усовершенствовать процедуры. Затем мало-помалу научился выбрасывать все из головы. Престижные миланские улицы по соседству с виа Капуччини, столпотворение на корсо Буэнос-Айрес, жуткие пробки на окружной: Милан – трудный город. Определение *трудный* приклеилось к нему с самого детства. Трудный ребенок – мало говорит. Трудный ребенок – не слушает учителя. Трудный подросток – подрался с одноклассником. Трудный подросток – бросил свою собаку. Трудный парень – то не встречается с девушками, то встречается, но не с теми. Трудный парень – Андреа Манфреди. В тот день, когда мама сказала, что ее сын такой же трудный, как и Милан, – только на первый взгляд, – Андреа осознал, как это здорово, когда тебя понимают.

Сейчас, прогуливаясь мимо виллы Инверници с ее нереальными фламинго в фонтане, мимо роскошных, почерневших от смога зданий в стиле модерн, он свернул к Порта Венеция и шагал в толпе среди геев, африканцев и непримечательных миланцев вдоль трамвайных путей, заросших свежей зеленью, по вьяле Пьяве, и хотел «быть как все». Пройдя около километра в своей почти пижонской манере – руки в карманах, плечи опущены, – он вышел к пьядца Триколоре и сел на девятый трамвай. Сошел на Порта Романа – в прошлом городской окраине, а нынче популярном районе. Тут прошло все его детство: родители вот уже двадцать три года держали газетный киоск напротив церкви Сант-Андреа. В этом киоске он отработал шесть лет кряду во время летних каникул и даже пару зим, чтобы заплатить за учебу. Он знал, как сделать так, чтобы газеты хорошо продавались, у него даже была своя философия оформления витрины: среди серьезных журналов вставлял «чужака» – то комиксы «Марвел», то иллюстрированный журнал о животных, то альбом Панини. Отец не вмешивался, но затем все переставлял. Он всегда все переставлял. Вот и сейчас склонился над ящиком с подержанными выпусками «Урании» по два евро и складывал их ровной стопкой.

– Я никуда не пойду, – сказал он, заметив Андреа.

– Вот старый упрямец! – Мама показалась в дверях и кивнула сыну. Андреа придержал отца за руку и помог разогнуться. У того был

затуманенный взгляд, и Андреа не отпускал его, пока мама передавала ему медицинскую карту с заключениями врачей.

– Жду от вас новостей.

Перейдя дорогу, они миновали церковь. Шли бок о бок, словно хотели согреться, тут старик опять заупрямился:

– Я никуда не пойду.

– Ты же ждал своей очереди целых два месяца.

– Ты совсем как твоя мать.

– Это просто осмотр.

– Да отстань ты!

– Ну, поступай как знаешь.

Так и было с тех пор, как посетители бара «Рок» нашли его на земле у киоска: он держался за левую руку и жаловался на боли в груди. Из больницы он вышел с тремя шунтами и заявлением, что, мол, Ватикан – это кардиналы, а не папа римский, «Интер» – футболисты, а не Моратти, и все это едва не отправило его на тот свет. Потом добавил: и киоск. Врачи ему не перечили, четырехчасовой сон угробил его сердечную мышцу. Поэтому теперь он спал на час дольше, не орал перед экраном во время трансляции «Спортивного воскресенья», не беспокоился по пустякам и не курил тайком мамины «Мальборо». Он перестал тревожиться о завтрашнем дне. Андреа справится сам. Мария справится сама. Ему оставалось теперь только одно: поступать так, как он считал нужным.

– Сходи на прием, и забудем об этом.

– Заведи себе собаку и отстань от меня.

Андреа шел за ним следом до самой скамейки у детской площадки. Они сели, из-за тумана солнце почти не проглядывало, поэтому отец застегнул рубашку до самого верха, джинсы были ему велики, и ноги в них болтались на манер маятника.

– Заведи немецкую овчарку и успокойся.

На скамейке напротив сидела девушка с кожаным рюкзаком на коленях, доставала оттуда что-то съедобное и клала в рот. Она показалась Андреа чем-то расстроенной.

– Или маремму, – отец выпрямился и схватился за плечо.

– Сам заведи.

– Тогда отвяжись от меня. – Он потер плечо.

– Что с тобой?

– Засиделся в неудобном положении.

Андреа уставился на свои ладони. Широкие и гладкие, безымянный палец длиннее указательного. Соединив руки, принялся их растирать, как делал всегда, когда был в чем-то не уверен, краем глаза поглядывая на отца – тот все еще держался за плечо. Стараясь не обращать на него внимания, Андреа смотрел на печальную девушку, которая то и дело бросала на него робкие взгляды. На детской площадке латиноамериканские няньки негромко переговаривались между собой. Он поднес ладони к лицу. Они все еще пахли Маргеритой.

– Где болит? – спросил Андреа, опустив руки.

– Синьора Вентури больше не заходит за «Коррьере делла сера».

Видите ли, ее муж теперь читает на компьютере.

– Плечо?

– После моей смерти сразу же продай киоск.

– Плечо, и все?

– И шея немного.

– Обопрись хорошенько и опусти руки вдоль туловища.

– Сразу же продай киоск, понял?

– Сделай, как я тебе говорю.

Отец не шелохнулся. Тогда Андреа обошел вокруг скамейки и помог ему откинуться. Начав массировать, он удивился тому, насколько отец похудел, и даже испугался сделать ему больно. У них были похожи только носы – со стороны и не скажешь, что родственники. София перестала смотреть в их сторону, доела орешки, подняла и надела рюкзак. Она ушла со второй полупары Пентекосте, села на девяносто первый троллейбус и сошла, едва в окне завиднелся парк Равицца. С тех пор как она уехала из Римини, ей не хватало простора. Полгода назад, полная надежд, она прибыла на Центральный вокзал в предвкушении, что ее жизнь круто изменится, однако не поменялось ровным счетом ничего: она так и осталась двадцатидвухлетней провинциалкой, совершавшей поступки, в которых сильно раскаивалась.

София прошла по траве и вышла на дорогу, взглянув в последний раз на окутанных туманом старика и массиравшего его парня. Район Порта Романа ее успокаивал, дома с низкими крышами и сплошные магазинчики, проходя мимо церкви, она остановилась и решила, что

стоит извиниться перед Пентекосте. Ведь она подошла к нему на глазах у всего курса и дала новый повод для сплетен. София хотела признаться, что его жена вовсе не следила за ней – просто им было по пути. Но что же делать, если он вдруг спросит, почему она соврала? Она и сама не знает, как так вышло. Заметив жену профессора в метро, София, смешавшись с толпой, украдкой наблюдала за ней, а затем шла следом до самого университета на приличном расстоянии. Увидев, что та осталась на улице, куда-то присев, София поднялась в аудиторию и подошла к профессору, чтобы сказать ему эту маленькую ложь. И пока она говорила, ее переполняло чувство справедливости: ведь после недоразумения в туалете он ее избегал, не обсудив с ней даже ее вторую работу, которую она сдала ему два месяца назад. Первый ее рассказ он раскритиковал как неубедительный.

– Неубедительный?

– Да, неубедительный.

Поэтому она написала второй рассказ, от руки на семь страниц, о том, что произошло с ее мамой в «Фиате Пунто». Рассказ назывался «Такие дела». Когда она отдала его профессору в среду утром, тот возразил, что не принимает работы, выполненные по собственной инициативе. Она долго теребила бумагу в руках, затем все же оставила семь листков у него на столе и всю лекцию не спускала с них глаз, пока не убедилась, что вместе с ноутбуком и книгами профессор положил к себе в сумку и ее рассказ. При этом он избегал смотреть на Софию, как и тогда, в кабинете ректора, сторонясь ее соучастия, – видимо понимал, что все и так будет зависеть от ее слов.

София держалась его версии: в туалете почувствовала себя плохо, профессор только помог ей подняться на ноги. Ректор заверил их, что считает инцидент исчерпанным, и не стал бы выяснять подробностей, если бы на этом не настоял сам Пентекосте. Для того чтобы выработать общую линию поведения, за два дня до разговора с ректором они встретились в баре в китайском квартале и продумали всю хронологию действий с точностью до мелочей. Продумали и отрепетировали, оставшееся время провели в разговорах о том о сем. На выходе из бара – он оплатил счет – они попрощались, София дошла пешком до Монументального кладбища, достала телефон и выключила запись, затем достала наушники и прослушала все один, два, три раза. Ее решение записать встречу лишний раз доказывало, что яблоко от

яблони недалеко падает. Защищать, оборонять и ограждать себя от действительности с ее вечными неприятностями было навязчивой идеей ее семьи. Книгами на жизнь не заработаешь: лучше получить диплом менеджера по туризму. Продолжай заниматься танцами: может, тебя возьмут в известную труппу. Оставь в покое парней, которые старше тебя. В Милане ты только зря теряешь время. Пятьдесят одна минута и тридцать семь секунд этой записи значили лишь одно – она была *такой же*. И все-таки одна вещь принадлежала только ей – тембр голоса Пентекосте. Плавная речь, слегка открытое *о*, поначалу застенчивый, а затем веселый смех волновали ее. Может, все же она была *другой* – испытывала удовольствие, наслаждаясь монологом на двадцать первой минуте:

– Принесите нам бутылку минеральной воды, пожалуйста. София, ты что-нибудь будешь? Нет? Хорошо, тогда только минералку, спасибо. Так вот, я говорил, что после того, как мне вырезали гланды, мне было года четыре, родители подарили мне цыпленка. Мы назвали его Альфредо, он жил этажом ниже у бабушки с дедушкой, в коробке. Альфредо был исключительно воспитанным, почти не пищал. Когда нас оставляли одних, я выпускал его на кухню: было забавно наблюдать, как он пытается подпрыгнуть, оторваться от пола, но, пожалуй, самым интересным было посадить его в коробку, чтобы сразу же выпустить на свободу. Прошло больше тридцати лет, и теперь я понимаю, что меня интересовал именно этот переход – из коробки на кухонный пол – момент, когда его лапки начинали робкое, но вместе с тем неудержимое движение вперед. В общем, дело было совсем не в том, что мне просто хотелось выпустить его из коробки. Меня привлекала эта трансформация. Интересовали изменения, которые претерпевает тот, у кого появляются новые возможности, – понимаешь, о чем я?

Слушая этот монолог, когда Пентекосте произносил «движение», София нажимала на «стоп», отматывала назад и слушала заново. Шипящая *ж* и робкая *е*. Движение, цыпленок, Милан, учеба в университете, работа в кафе, куда она сейчас и направлялась, свернув в узкую улочку между базиликой Сан-Надзаро-Маджоре и садами Чедерна. На работе, когда выдавалась свободная минутка, София пересматривала лекции по видам повествования и записывала новые идеи в тетрадку. Кафе было уютным – паркет из протравленной

древесины, меню для веганов и коронное блюдо кускус, – ей платили в час девять евро чистыми. Она увидела объявление в университете, ее взяли после двухдневного испытательного срока, но попросили потренироваться рисовать сердечко и узоры на пенной шапке капучино. Работая по шесть смен в неделю, иногда сверхурочно, и откладывая то, что оставалось от аренды за жилье, она надеялась вернуть отцу хоть часть из семи тысяч евро, потраченных на учебу. Сегодня, как обычно, София положит в карман сорок пять евро, разложит кунжутные батончики у кассового аппарата, болтая с Халилем о его Иордании, разрисует уголки доски, где они записывали меню, будет приветливой с клиентами: чтобы не думать о том, что это тот предел, что ждет ее в будущем.

В кафе было человек пять посетителей. София на ходу съела бутерброд с лососем и авокадо, переоделась в каморке, ослабила фартук так, чтобы не давило по бокам, сняла часы и положила в карман щепотку каменной соли – тетя уверяла, что даже толика соли помогает от сглаза. Подошла к Халилю и хорошенько закатала ему рукава рубашки.

– Я так скучаю по Римини, – сказала София, похлопав его по плечу.

– Прошло еще мало времени.

– Полгода – это немало.

– Для Милана?

– Сегодня я на кассе, ладно?

Они встали рядом: она – с чеками, он – около кофемашины. Когда посетителей не было, они либо молчали, либо вместе заполняли перечень дел, так вышло и на этот раз. София взяла стикеры и стала записывать. *«Помыть витрину»*. *«Выбросить мусор»*, – отозвался Халиль. Она: *«Подготовить все для завтрака»*. Он: *«Проверить рабочий график»*. Она: *«Нарезать фрукты»*. Он: *«Помолиться пять раз»*.

– А ты разве не христианин?

– Когда тебя с детства окружает девяносто четыре процента мусульман, знаешь, это накладывает свой отпечаток!

Она улыбнулась.

– А теперь, девушка из Римини, твоя очередь, и покончим с этим списком!

– Я уже написала.

– Нарезать фрукты? Да благослови бог твою душу!

Хлопнула дверь, София повернула голову и увидела жену Пентекосте. Она вошла и закрыла за собой дверь. София метнулась к кофемашине и попросила Халиля подменить ее на кассе, повернулась спиной, намочила тряпку и стала протирать рабочую поверхность. Жена профессора приблизилась и, прочитав меню на стене, заказала зеленый смузи.

Халиль уточнил, какой – маленький, средний или большой.

– Маленький, пожалуйста.

– Присаживайтесь за столик, мы вам его принесем.

София оставила тряпку и положила по центру разделочную доску. Достала из холодильника яблоко, фенхель, базилик, лайм, имбирь и принялась все нарезать. Прервавшись на секунду, обернулась и увидела, что жена Пентекосте сидит на стуле у витрины. Закинув ингредиенты в соковыжималку, прокрутила смесь семь раз. Наполнила стакан, вставила трубочку и крышку, отдала Халилю и скрылась в каморке. София прислонилась к стене и закрыла глаза руками. Простояв так какое-то время, поняла, что пора возвращаться. В зале Халиль как раз переключал радио.

– Все в порядке?

Однако София не спускала глаз с синьоры Пентекосте, которая, сняв амарантовое пальто, цедила через трубочку свой смузи и листала журнал. Лицо ее при этом было серьезным и сосредоточенным.

Халиль снова поинтересовался:

– Все хорошо?

Утвердительно кивнув, София выбросила из соковыжималки остатки фруктов. Итак, она столкнулась с женой профессора второй раз за день. До этого они пересекались только однажды – на празднике в честь начала нового учебного года. Софии она казалась привлекательной: в тот раз на ней была рубашка мужского кроя и туфли-лодочки на высоком каблуке – на таких не побегаешь. С того времени она не растеряла своего шарма: локон каштановых волос ниспадал на глаза, а скрещенные ноги, казалось, отдыхали одна около другой, в ней было что-то от Вирны Лизи. София обожала старые киноленты с Вирной Лизи – пересмотрела их почти все вместе с мамой. Отведя взгляд, София взяла журнал и вписала туда дневную

выручку. Затем подсчитала недельный расход обезжиренного молока – и решила впредь заказывать упаковкой меньше. И тут до нее донесся скрип стула о паркет. София подняла голову – к ней приближалась синьора Пентекосте.

– Можно с тобой поговорить?

София положила ручку:

– Со мной?

Женщина кивнула.

Халиль посмотрел на них:

– Да, конечно, иди.

София взялась за фартук, прошла мимо кассы и направилась к двери. Синьора Пентекосте поблагодарила Халиля и проследовала за Софией. Они оказались на небольшой, мощенной булыжником площадке, в ста метрах от университетских стен.

– Ты София и учишься на курсе профессора Пентекосте, так?

Девушка кивнула.

– Я хотела узнать тебя поближе, – женщина поставила сумку и рюкзак на землю, затем откинула челку с глаз. София поняла, что роднило их с Лизи – этот взгляд, смешливый и серьезный одновременно. – Я хочу услышать твою версию.

Двое парней возле входа в кафе едва их не задели.

– Мою версию чего?

– Ты прекрасно знаешь, о чем я.

– Ох, – выдохнула София и принялась тереть край фартука, – профессор же уже сказал, что...

– Я хочу, – перебила синьора Пентекосте, – услышать это от тебя.

– Мне стало плохо, и профессор мне помог.

– Правда?

– Правда.

– А что было до этого?

Туман почти рассеялся, хотя казалось, что он вот-вот опустится снова.

– До этого – это когда?

– До случая в туалете.

– Ничего.

– Ничего в каком смысле?

– Ну, просто лекции. Иногда он водил нас куда-нибудь, чтобы обсудить наши работы.

Мимо них прошел мужчина с колли на поводке.

– Это его метод.

– Да, метод Пентекосте.

София взглянула на колли – пес обнюхивал двух других собак около клумбы.

– Профессор ведет нас в какое-нибудь интересное место и...

– Проводит там что-то вроде занятия.

– Да.

– Куда он водил тебя?

– В буфет.

– Куда захаживал Бьянчарди? В Брера?

София кивнула.

– И все?

– Один раз мы ходили в китайский квартал. – София вынула руки из фартука и опустила их вдоль тела. – Это допрос?

– Да нет, – синьора Пентекосте попыталась улыбнуться. – А зачем вы туда ходили?

Римини. Отец и синий халат их магазинчика. Желтый маяк в самом конце набережной – пора возвращаться.

– Нас было несколько человек, и профессор хотел, чтобы, ну... – София прочистила горло, – хотел, чтобы мы написали рассказ об этом месте.

– Значит, ты была не одна?

– Да, – соврав, она опустила голову и уставилась вниз.

– Ты права, наш разговор смахивает на допрос.

– Да ладно.

– Кстати, я Маргерита, – синьора протянула ладонь.

София пожала руку – ладонь оказалась мягкой.

– Мне нужно было с тобой поговорить, надеюсь, ты понимаешь.

Ты же понимаешь?

София кивнула: конечно же, она понимала. Каким-то странным образом она чувствовала свое сходство с этой женщиной – выступающие бедра при общей худощавости, видимо поэтому он и не сдержался.

– Тогда до свидания, – София было направилась обратно.

– Эй! – Синьора Пентекосте повесила сумку на плечо.

София взглянула на нее.

– Прости меня за назойливость.

В полном замешательстве Маргерита сдвинулась с места. И к чему это «прости», корила она себя. Не стоило произносить последнюю фразу. А что ей оставалось? Главное было не сойти за бедняжку, одну из тех дрожащих, брошенных на произвол женщин, сказала она себе, замедлив шаг напротив индийской закуской, – но тогда почему она так поступила? Может, потому, что лет десять назад она была такой же, как София, а теперь стала как все *те*, по словам физиотерапевта. Маргерита остановилась и убедила себя, что в такой ситуации поступила бы, как и София Казадеи, должна была так поступить – заманила бы в ловушку мужчину, который только этого и ждал. Она осмотрела свою правую руку: каким было ее рукопожатие? Было ли оно достаточно твердым? Рука была потной, засунув ее в карман, Маргерита зашагала вперед в твердой уверенности, что завершила некое дело. Может быть, теперь ее перестанет преследовать сцена в туалете: он, склонившись над девушкой, напористо целует ее, изучая языком, или она на коленях, а он перед ней со спущенными штанами. Естественно, Маргерита не высказала ему это в лицо, заметила лишь, что он сам виноват в поднявшейся шумихе: сам настоял, чтобы ректор узнал его правду, чтобы жена узнала его правду, чтобы все узнали его долбаную правду. Карло обрушил на них свою риторику – это ее бесило больше всего. Маргерита ускорила шаг и почувствовала покалывание в ноге; когда она дошла до пьядца Дуомо, сил у нее практически не осталось.

Маргерита послала сообщение в офис, предупредив, что сегодня не вернется. Затем, немного поколебавшись, все-таки спустилась в метро и направилась в единственное место, где ей хотелось оказаться. Купив билет в автомате, она прошла на платформу электричек, следующих в северном направлении. Достала томик Немировски и прижала книгу к себе. «Французская сюита» – роман, где жизнь так и бьет ключом: хотя эти страницы и последний гимн жизни, и предчувствие того, что Аушвиц вскоре разобьет все мечты автора. Она вошла в вагон метро, повторяя в голове слова телеграммы, которую отправил издателю муж Немировски, после того как жену схватила

полиция: «Ирен сегодня отбыла в Питивье (Луаре). Надеюсь, сможете срочно вмешаться точка. Звонить бессмысленно».

Маргерита не выпускала книгу из рук до станции Луи Пастера, там она вышла из метро и очутилась в районе своего детства. Прежде тут обитали только миланцы, а теперь гудел рой из двадцати семи наций, в основном студентов, – разношерстная толпа поднимала ей настроение. Маргерита слегка сбавила шаг и повернула на виа делле Леге с ее китайскими ресторанчиками и марокканскими лавками. Тут она была настоящей – до всех своих увлечений, когда ее еще все устраивало. Дом ее детства располагался на углу, молочную лавку на первом этаже сменил бар, которым управляло тунисское семейство, у них был кофе «Шлу» и быстрый интернет. Маргерита достала было ключи, но передумала и два раза позвонила. Домофон крикнул, и она сказала:

– Это я.

– Кто я?

– Твоя дочь.

Толкнув дверь, она преодолела один пролет – мама уже поджидала ее на лестничной клетке.

– Что случилось?

– Приходили по поводу бойлера?

– Не меняй тему.

– Я что, не могу зайти к тебе просто так? Расскажи про бойлер.

Напрягшись, мама проскандировала по слогам:

– Все из-за де-ком-прес-си-и. В баке низкое давление.

Маргерита чмокнула ее в щеку – оказалось, родительница пользовалась «Oil of Olaz». Она была такая миниатюрная, что смотрела на всех снизу вверх.

– Кушать будешь?

Маргерита прошла в гостиную. Кресло отца уже не стояло у книжного шкафа, а телевизор беззвучно вещал на канале «Rai Uno».

– Ну, солнышко, рассказывай.

– Просто хочу побыть тут с тобой немножко.

– Как Черчилль, который взял отгул в разгар Второй мировой?

Она присела рядышком. Она всегда притихала, если у дочери на сердце кошки скребли. Когда Маргерита была еще юной, в минуты душевного смятения мама целовала ее в макушку, теперь же, после

замужества дочери, стала более осторожной в проявлениях близости: присаживалась рядом, поправляла воротник ее блузки, отряхивала рукою пальто.

– Знаешь, солнышко, хочу тебе сказать, я уже не читаю, как прежде, – сказала она, забрав из рук дочери томик Немировски, и кивнула на книжный шкаф. – Я поняла, что читала только ради твоего отца.

– Тебе было с ним так скучно?

– Наоборот, чтение нас сближало, – ответила она, поправив дочери челку. – Если ты не хочешь говорить, тогда я скажу, что с тобой.

– Да ничего, я же уже сказала.

– Если мне приснился ПANNELЛА^[4], значит, что-то не так!

– Мама! – Маргерита невольно улыбнулась. – Далась тебе эта политика!

– Я прожила жизнь с человеком, который голосовал за Берлускони^[5]. Знаешь, что он мне ответил на вопрос: «Почему?»

– Ну?

– Что он за Сильвио из-за «Drive In»^[6].

– Еще бы! Полуголые девицы!

– Смотри на это проще, девочка моя. – Она уселась на диван. – Полуголые девицы, как-никак, отличное развлечение!

– Бог с ним.

Мама подняла взгляд.

– Значит, у тебя проблемы с мужем.

– Не хочу об этом говорить, – и уставилась на балконную дверь. Балкон находился на одном уровне с гостиной; когда она была маленькой, отец частенько распахивал дверь настежь и разрешал ей кататься на трехколесном велосипеде туда-сюда, пока мама что-то шила, примостившись в углу. Она штопала так же, как и читала, – с точностью и скоростью хирурга, и ее заработок был ничуть не хуже, чем у мужа-железнодорожника.

– Не хочешь говорить – ну и ладно, – сказала мама, поцеловав дочь в плечо. – Но знай, что твой муж иногда сюда забегает.

– Мой муж?

– Только не говори ему об этом.

Она вышла на кухню и вернулась с двумя кусками пирога.

– Со шпинатом. Если хочешь, разогрею.

Маргерита откусила кусочек.

– И что здесь делает мой муж, когда иногда забегает?

– Перекусывает, перебирает книги на полках, иногда берет что-нибудь почитать. Он приходит по четвергам. Твои подозрения как-то связаны с четвергами?

– Да нет, дело не в четвергах.

– Все будет хорошо, солнышко.

– Зачем он сюда приходит?

– Я недурно готовлю. Но думаю, причина в твоём отце.

– Пожалуйста, не будь банальной.

– А ты не будь неблагодарной, – парировала она, положив руки на подлокотник кресла. – Кажется, ты забыла, что отец для него сделал.

– Не забыла, – перебила ее Маргерита, – но не нужно утрировать.

– Ты недооцениваешь Карло.

– Вот тут ты ошибаешься, – нервно рассмеялась она.

Они ели в тишине, как обычно, неспешно пережевывая пищу и время от времени стыдливо поднося руку ко рту. Мамина стряпня: все из хороших и простых продуктов, сдобренных легким соусом. Они доели пирог, болтая о выцветших обоях на стене, затем мама забрала тарелку и поставила на стол, подняла дочь на ноги и обняла ее.

– Это не подозрение, мама. Это молоденькая студентка.

– И что?

– Это какое-то наваждение.

Мама выгнулась дугой, чтобы посмотреть ей в глаза:

– Значит, как сказал бы Мегрэ, улики у тебя нет.

– Не нужны мне никакие улики.

– Мудрое решение, доченька, – произнесла она, постукивая указательным пальцем по груди Маргериты. – И вот что я тебе скажу: твой муж не мастак в таких делах.

– Думаешь?

– Как и твой отец.

Как и отец, который поехал в Турин на курсы повышения квалификации на три дня. Впервые он не ночевал дома, мама ей призналась, что шила и днем и ночью, пока он не явился с двумя подарками: зимней шапкой и пазлом «Яркая радуга». Он вернулся в отличном настроении с двумя презентами и с новым шарфом на шее.

Когда Маргерита ушла в свою комнату, она слышала, как родители о чем-то быстро-быстро говорили. А говорили они о том, что вышло наружу лишь годы спустя: мама окрестила это *недопониманием*.

Может, *недопониманием* было и то, что сейчас происходило с ней. Положив подбородок на мамину голову, Маргерита обвила ее шею руками. Сказала, что ей пора; под тиканье настенных часов мама проводила ее по длинному коридору, увешанному гравюрами с видами Милана, с полом из мраморной крошки и вешалкой из красного дерева. Восхищаясь маминой мебелью, Маргерита понимала, что скоро все придет в негодность и понадобится ремонт. Обернувшись на пороге, Маргерита поцеловала мать – ее волосы пахли лаком.

– Думаешь, я могла бы вскружить голову кому-нибудь из «Drive In»?

– Мне кажется, там были только девушки, – мама стала серьезной. – Не переживай, еще как могла бы! – улыбнулась она. – Завтра у Буццати ты прояснишь все свои подозрения, или наваждения, или что там, черт подери, у вас происходит.

– Думаешь?

– Уверена. Дай мне знать, что там с квартирой на корсо Конкордия.

Она поправила на дочери пальто.

– Знаешь, папа ведь отложил для тебя пару лир.

– Вы же копили на эту квартиру.

– Мы из тех, кто всю жизнь снимает жилье, – и послала дочери воздушный поцелуй с лестничной клетки.

Маргерита ответила ей тем же. Спускаясь по ступенькам, на выходе из подъезда она почувствовала, как ей недостает отца. Она быстро прошла по виа делле Леге и своему кварталу, свернула на вьяле Монца и оказалась на пьядцале Лорето. Думала она об отце – кустистые брови и сигарета во рту, маленькие кусачки в руках, которыми он все чинил, как он делал вид, что убирается на кухне, а сам наблюдал, учит ли Маргерита латынь. Говорили, он даже поезда ремонтировал с сигаретой в зубах. Шутки про «Милан» или Гаэтано Ширеа, хотя тот и играл за «Ювентус». Потом успехи Маргериты в лицее и, наконец, зять, который стал *«славыным сынком»*. Как-то отец сказал Карло: помогай нашим женщинам, если можешь. Это случилось в тот день, когда врачи из клиники «Humanitas» нашли у него

затемнение в легком. «Затемнение? Какое?» – спросил этот дородный человек, глотавший слова и не пожелавший присесть, даже когда ему объявили диагноз. Нужно дообследоваться, ответили ему. Вернувшись домой, он принялся приводить в порядок документы в своей папке.

Всякий раз, тоскуя по отцу, Маргерита искала общества мужа. Взглянув на часы, она позвонила в агентство и предупредила, что заскочит за ключами от апартаментов на корсо Конкордия. Затем набрала Карло:

– Есть интересный вариант, хочу посмотреть его вместе с тобой. Прямо сейчас.

Настойчивость стала ее второй натурой, едва она поняла, что нужно трезво оценивать свои потребности. Маргерита была бережливой и легко сводила концы с концами, являя собой пример того, как довольствоваться насущным без излишней жертвенности. Муж поддерживал ее в этом. Снимать квартиру в семьдесят квадратов с крошечной ванной ради ежемесячной скидки в триста евро в виде компенсации за такое неудобство. Планировать отпуск на год вперед и без конца мониторить рейсы, чтобы найти прямой перелет по приличной цене. Готовить еду из того, что осталось в холодильнике.

Оставив за спиной корсо Буэнос-Айрес и ненавистные районы Милана с вереницей магазинов, Маргерита свернула на виа Спонтини – ее агентство располагалось как раз посередине. Открыв свое дело три года назад, Маргерита взяла на работу Габриэле и Изабеллу. Несмотря на прошлогодний финансовый кризис в Америке, дела шли недурно. Оказавшись в офисе, Маргерита отметила, что Изабелла поехала на осмотр двух объектов, а Габриэле говорит по телефону. Он протянул ей ключи, Маргерита улыбнулась и сразу же вышла, направившись в сторону вьяле Монте Неро, – через двадцать минут она будет на месте, если не подведет нога.

Апартаменты на корсо Конкордия располагались на последнем этаже в доме без лифта, Маргерите пришлось долго обхаживать хозяйку, чтобы их заполучить. Восемь месяцев они вместе ходили на пилатес, идея будущей сделки родилась в раздевалке – если, конечно, у хозяйки хватит духу перебраться на Майорку к жениху. Когда Маргерита попала в квартиру – ее пригласили на чашку чая для неофициального просмотра, – ее поразил свет. На все остальное – две просторные спальни, гостиную, кухню-студию и два балкона – она

даже не обратила внимания. Хозяйка призналась, что за сто семнадцать метров общей площади с учетом района и состояния жилья она надеется получить пятьсот пятьдесят тысяч евро. Хозяйка угостила Маргериту чаем, который на деле оказался фруктовым отваром, и норвежским песочным печеньем. Она призналась, что всем женщинам после пятидесяти перемены в жизни только на пользу: в ее случае речь шла о переезде к любимому, который помог ей пережить развод. Маргерита кивала, пила чай и муссировала проблему с лифтом: все-таки четыре этажа и такое количество ступенек отпугнут многих покупателей. Затем она поведала о своей малогабаритной ванной на два квадрата, в которой ей приходилось мыться каждый день, обрисовав в картинках все трудности одновременного пользования душем и шампунем. Маргерита улыбалась, даже смеялась, понимая, что выставляет себя в невыгодном свете – владелица перспективного агентства недвижимости живет черт знает где. Такая откровенность быстро растопила лед и дала толчок доверительным признаниям: хозяйка поделилась с Маргеритой, что у ее испанского друга проблемы похлеще, чем малогабаритная ванная. После продажи квартиры они бы зажили на Майорке припеваючи. После того как Маргерита повредила сухожилие, они больше не встречались, а обменивались вежливыми сообщениями до тех пор, пока хозяйка не сообщила, что, руководствуясь исключительно своим *чутьем*, выбрала именно ее для продажи квартиры.

Пришло время показать квартиру и Карло, хотя он заявил, что полмиллиона для них – заоблачная цифра. Маргерита ответила, что цену можно и сбить, нужно только придерживаться плана. Они обсудили это едва ли не в шутку, а затем случай в университете затуманил их перспективы на будущее, хотя Маргерита ни на минуту не переставала мечтать об этой квартире. Воображение рисовало ей солнечный свет в гостиной, огромный книжный шкаф, возможность принимать больше двух гостей за один раз, то, как она попивает вино на балконе и нежится в ванной. Подойдя к дому номер восемь, Маргерита была вне себя от возбуждения. Она зашла в подъезд, поздоровалась с консьержкой и присела на ступеньке лестницы А. Ощупала ногу, вспомнила об Андреа, достала книгу Немировски и, зарывшись в нее с головой, с улыбкой прошептала: «Дорогая Ирен, ты бы так долго не вытерпела». Это подняло ей настроение.

– Этот роман тебя доконает.

Подняв голову и заметив приближающегося мужа, Маргерита встала.

– Я тебя заждалась.

– Я пришел, как только смог, – и поцеловал жену. – Значит, это здесь, – Карло поправил капюшон куртки, завернувшийся вовнутрь.

– Хозяйка передала ключи раньше, чем я планировала.

– А если мне понравится?

– Даже думать об этом не хочу.

Маргерита сделала ему знак идти следом.

– Тогда будем и дальше снимать жилье.

– Тогда дуй на работу.

– Да ладно тебе, я же пошутил, – и схватил ее за руку. Они попали во внутренний дворик. – Где вход?

Дом находился прямо перед ними, посреди двора. Отстранившись от мужа, Маргерита достала ключи и открыла железную дверь подъезда. Перед ними замаячила лестница. В подъезде стоял запах штукатурки, они поднимались друг за другом, делая передышку на каждой лестничной клетке.

– Тяжело без лифта, – Маргерита держалась за перила, на четвертом этаже ее нога нещадно заныла.

– Постой тут, пока я подниму жалюзи.

– Я тебе помогу.

– Жди здесь.

Она исчезла внутри и скоро появилась.

– Теперь заходи.

Карло, в котором было метр девяносто росту, вошел чуть ли не на цыпочках, он походил на обнюхивающую все собаку, сначала скользил по мебели взглядом, а затем рукой: тронул раму у зеркала в одной из комнат и скол на спинке кровати, застыл у абажура, а затем снова принялся бродить – его медлительность говорила одновременно и о маниакальном внимании, и о внезапной рассеянности. В гостиной стояли стол, восемь плетеных стульев, диван, на котором лежало покрывало с тремя декоративными слонами. Карло посмотрел на нее:

– Ужас.

– Давай сначала все осмотрим.

– Ужас.

– Думаешь?

– Просто ужас.

Маргерита смотрела на мужа, стоявшего у окна в лучах солнечного света. Ее поражала естественность, с которой он подчинял себе ее инстинкты. Как и муж Немировски, Михаил, который почти силой увез Ирен в деревню под Парижем, после того как однажды утром она прошептала: «Мне приснились синие полевые цветы и сирень. Там не было войны».

Маргерита приблизилась, остановилась, он все еще стоял у окна. Преодолев нерешительность, обняла его сзади. Она претендовала на это тело – великолепное и робкое – со дня их знакомства, ведь оно помогло ей переступить через собственную стыдливость. Они переспали через неделю – она сама пригласила его зайти после дневной прогулки с мороженым, – ей казалось странным разрушать своими руками некое препятствие: будто со стороны слышать собственные стоны и ловко управлять мышцами, приноравливаясь к незнакомому телу. Разбухшая головка члена, напряженный, удерживающий ее рот, раскрывшиеся ноги и пульсация в предвкушении наслаждения. Она осознала, что это и есть *он*, по тому, как покорилась ему. Это было очевидно практически сразу. С того дня им удавалось поддерживать взаимное влечение: они занимались сексом в необычных местах и в неподходящее время, разжигая друг в друге обоюдный интерес. Ей хотелось, чтобы это случилось и сейчас: в лучах невероятного света, в этой слишком дорогой для них квартире. Животная страсть перечеркнула бы все недоразумения: заняться бы сексом прямо на этом столе и дожидаться, когда муж вытеснит в ее голове образ физиотерапевта. Ей хотелось переспать с ним, ей так этого хотелось; однако он, скорее всего, переспал с Софией Казадеи. Эта мысль выматывала ее даже сейчас, когда она обвивала его грудь, не позволяя себе спуститься ниже: а вдруг девчонка делала то же самое? Отстранившись от мужа, она пробормотала, что эта квартира никогда не станет их домом.

Он обернулся:

– Ну и где мы найдем такой свет?

– А где мы найдем пятьсот пятьдесят тысяч?

– Ты же сказала, что можно сбить цену.

– Максимум на пятьдесят тысяч.

– 2009 год на дворе, везде кризис.

– Ну и что?

– Тут нет лифта.

– Ну и что?

– Ну так у нас же есть план?

Она поправила волосы за уши.

– Этот план сплошное зло.

– Зло – это интересно.

– Я не твоя студентка.

Жена всеми силами старалась вывести его на чистую воду. «Зло – это интересно» – эффектное начало для лекции. Всякий раз, когда Маргерита подходила к этой теме вплотную, он искал пути отступления: незаметное подергивание век, неожиданный поворот разговора, грустная шутка или же физическая капитуляция – поэтому из гостиной он прошел на кухню, обнаружил в холодильнике запечатанную бутылку воды, ему захотелось ее выпить, но он закрыл дверцу, прошел на другую половину и замер на пороге первой спальни, пытаясь найти смысл в своих действиях.

Высунувшись в коридор, он крикнул:

– Хозяйке же нужны деньги, верно?

Маргерита сделала ему знак говорить потише.

– Ее приятель по уши в долгах.

– Ну вот тебе и выход!

– Деньги твоих родителей – это не выход.

– Не меняй тему. Твой хитрый план – вот наш выход.

Она сама объяснила ему, что единственный выход в сложившейся ситуации – это морочить хозяйке голову: врать о несуществующих покупателях и раздувать трудности сделки. Так хозяйка снизила бы свои запросы, и можно было бы приступить к торгу. На это ушло бы от трех до шести месяцев. Конечно, существовал риск, что хозяйка передаст квартиру кому-то другому, но в этом случае можно сменить тактику. Все это она поведала ему перед сном – перед сном их союз порождал на свет соблазнительные планы.

– Карло, не могу я так поступить.

Не могу открыть собственное агентство недвижимости. Не могу ухаживать за собственным отцом. Не могу выйти замуж. Не могу – два слова, означавшие, что все она прекрасно могла, да еще и как. За годы

брака Карло понял, что за этим *не могу* скрывается страх показаться наглой. До недоразумения. С тех пор она в самом деле перестала *мочь*. Как несколько часов назад, когда не захотела подняться с ним в аудиторию – какое счастье! – оставшись на улице с поникшей головой. Или несколько недель назад, когда перестала донимать его вопросами, а проводит ли он лекции вне университета, с кем, сколько на них бывает студентов. Или когда положила конец небольшим излишествам: туши для ресниц и утренним танцам голышом по воскресеньям. Это были робкие проявления бунта: даже ночью, когда она пристраивалась на краешек кровати, вместо того чтобы с веселым деспотизмом разлечься посередине. И потихоньку, как только матрас начинал проседать по краям, жена рассказывала ему об этой квартире с ее волшебным светом. Их единственной надеждой был нотариальный акт? Он пытался уйти от ответа на этот вопрос, как старался отмахнуться от фактов, которые день за днем роились в его голове: он – заложник своего ненаписанного романа. Он шесть часов в неделю преподает, но на самом деле занимается тем, что составляет туристические буклеты и ежемесячно тайком получает от родителей деньги. Просто олицетворение образа настоящего мужчины.

Прежде ему удавалось напустить туману на эти данности, однако теперь они не давали ему покоя. Они донимали его, пока он осматривал гостиную и поглядывал краем глаза на жену.

– Маргэ, эта квартира просто создана для нас.

– Ты правда так думаешь?

Он кивнул, проводил жену к дивану с декоративными слонами, помог прилечь и уложил ее голову к себе на колени. Карло гладил ее лицо, и она, казавшаяся еще более миниатюрной, наконец расслабилась – ее глаза смотрели в потолок, нога свесилась с дивана. Сейчас перед ним было тело его жены: там, у окна, оно от него ускользало. Такое случалось время от времени, и он не понимал, в чем кроется причина – в *недоразумении* или же нет. Побыв с ней вот так, Карло каким-то образом почувствовал, что Маргерита утром не следила за Софией Казадеи.

Маргерита взяла мужа за руку:

– Обещай мне, что ничего не расскажешь своим родителям.

– Обещай мне, что ты все расскажешь своей маме.

– Может, ты это сделаешь сам?

И, набрав побольше воздуха, продолжила:

– Не к ней ли ты бегаешь исповедоваться по четвергам?

Карло посмотрел на нее, и ему стало не по себе, как и тем январским вечером, во вторник, когда он вошел в гостиную и сказал Маргерите, смотревшей «Назад в будущее»:

– У меня неприятности в университете.

– Какие неприятности?

– Со студентом, – он произнес это слово в мужском роде.

– А почему ты мне об этом рассказываешь?

На секунду он замолчал:

– Потому что мне нечего скрывать.

– В каком смысле скрывать?

И выдал ей свою версию происшедшего.

Она скрестила руки:

– Похоже на сюжет романа.

– Какого романа?

– Ну, того нобелевского лауреата, из ЮАР.

– Ты меня обвиняешь?

– Или другого романа.

Она посмотрела на него:

– Что там было в начале? Свет моей жизни, огонь моих чресел?

Он сел на диван:

– Я рассчитывал на твое понимание.

– А я на твое.

И отвернулась к телевизору: на экране ученый из фильма «Назад в будущее» пояснял, как работает машина времени на плутонии, темной ночью персонажи толпились на парковке, и Марти готовился отправиться в 1955 год. И тут Маргерита сказала, что верит ему, и пошла спать, оставив его одного на диване.

Сейчас Карло тоже сидел на диване и сердился на самого себя: жена раскрыла его визиты по четвергам к теще, и он опять почувствовал, что попался. Хранить секрет, утаить ото всех хотя бы малую часть своей жизни: этому он научился еще подростком, чтобы ненадолго убежать от родителей, – куда же подевалось это его умение?

Карло сказал, что ему пора на работу – нужно доделать еще полкаталога по Таиланду, но для начала хотел убедиться, что она и в самом деле хочет эту квартиру.

– Ох, – Маргерита вся подобралась, – конечно, я ее хочу.

– Правда хочешь?

– Ну, тут нет лифта и цена о-го-го.

– Ты хочешь ее?

– Да, но...

– Ты хочешь эту квартиру?

– Да, если бы...

– Ты ее хочешь?

Она улыбнулась:

– Да! Боже! Как же я ее хочу!

Они сели рядом и прижались друг к другу. Карло осторожно отстранился и взглянул на жену. Как же она красива, когда счастлива! Поправив воротник его рубашки, Маргерита сказала, что он может идти. Несколько минут он медлил, затем поднялся, чтобы поцеловать ее на прощание. Его уход напоминал бегство: из квартиры, которая похоронит его в долгах, от попытки решить проблему с женой деньгами, от клейма зрелости.

Держась за перила, он почти бегом преодолел девяносто шесть ступенек и спустился вниз, пересек дворик и остановился только тогда, когда очутился на корсо Конкордия. Прислонившись к стене, он вспомнил Даниэле Букки, своего друга детства: они вместе учились в начальной и средней школе, а затем и в лицее. Теперь его друг, забросивший футбольные бутсы, обзавелся тремя детьми и держал прачечную где-то в провинции Брианца. Жил он в панельном доме в местечке Кабьяте – всего-то семь тысяч душ – и в последний раз признался Карло по телефону, что всем доволен. Всем доволен: жена и дети здоровы, да и прачечная не доставляет хлопот – на жизнь хватает. Они потеряли друг друга из виду после того, как у Даниэле появился первенец: вначале созванивались раз в неделю, затем раз в месяц, и всякий раз их голоса звучали все более отчужденно.

Образ молодого, с редкими усиками Даниэле навсегда осел в каком-то уголке его памяти. Карло сдвинулся с места и решил не возвращаться сегодня на работу – ему ничего не хотелось, разве что проветрить голову и написать Софии. Взглянув на телефон, он увидел пропущенный звонок от сестры, оставив его без внимания, пролистал контакты до буквы С.

Написать Софии, позвонить ей, поболтать о том о сем, сделать вид, что звонит для того, чтобы узнать, почему она собрала свои вещи и ушла утром с пары; он мог бы рассказать ей, что думает о ее втором рассказе, о котором он так долго и постыдно молчал: семь страниц о последней поездке с мамой в «Фиате Пунто» тем майским днем по дороге в Сантарканджело, песня Орнеллы Ванони и последние минуты перед аварией. Он мог сказать ей правду: рассказ брал за живое. Закончив чтение, он задумался о названии «Такие дела», отодвинул листы и взял блокнот, куда так и не удосужился записать ни одной законченной вещи, потом с досадой его захлопнул. Теперь он мог ей позвонить, чтобы рассказать, как ему понравился рассказ, он бы не стал спрашивать, зачем она придумала, будто Маргерита следила за ней.

Он так ей и не позвонил. Направляясь к Дуомо с телефоном в руке, около Сан-Бабила Карло набрал номер сестры. Он сообщил, что, скорее всего, его теща не придет на день рождения. Черт, для мамы это так важно, опечалилась сестра, по поводу подарка: она бы остановилась на морском котике «Swarovski». Хорошо, пусть будет котик, он попробует переубедить тещу, в остальном как дела? Сестра ответила, что справляется, Мамаду ходит на собеседования, затем она посвятила его в тонкости производства подгузников – с каждым днем они становятся все тоньше и тоньше, почти как трусики, впитывают мочу литрами, не пропуская ни капли, просто невероятно! Болтовня сестры его успокаивала, он слушал о том, как Нико карабкался на мебель, а затем плюхался на подгузник – бух, и от этого буха содрогался весь дом; если бы у него был такой непоседливый карапуз, он бы ее понял. Как дела у него? У Маргэ? Карло мог на ходу говорить с сестрой по телефону, не произнося ни слова, он рассказал ей о квартире на корсо Конкордия, сестра ответила, что отец им с радостью поможет. Не нужно лезть к отцу в кошелек. Ни к кому она в кошелек и не лезет, просто упомянула отца – они ведь одна семья, в тридцать пять лет он еще не свыкся с мыслью, что родился в богатой семье? А она, Симона, свыклась, даже слишком. Она вот родила Нико при неработающем муже, что в этом плохого? Приходите вечером на ужин, обсудим вашу будущую покупку, пригласила сестра. Спасибо, но у него накопилась кипа студенческих работ на проверку. Возле церкви Сан-Бабила он поинтересовался, вспоминает ли сестра то время, когда

они были детьми. Почему он об этом спрашивает, удивилась она, вроде им еще далеко до старости. Так вспоминает или нет? Иногда, ответила она, особенно как они с Валерией Пари по пути из школы сворачивали в магазинчик, чтобы купить упаковку «Haribo», леденцов и жевательных крокодильчиков, потом за обедом она не могла проглотить ни ложки – мама просто бесилась; он, вероятно, скучает по тем годам. Да, согласился Карло, ему тоже нравилось то время. По сути, так оно и было, стоило только постараться удержать их всех вместе: сестру и Маргериту, Нико и Мамаду, родителей и Валерию Пари, Даниэле Букки и Софию – все частички бесконечной мозаики. Попрощавшись с сестрой, он вышел к Дуомо с обратной стороны, вечерами резное окно в форме розы напоминало ему комиксы Бонелли. Он обошел собор, не оборачиваясь, пересек площадь и остановился. Он мог бы пойти в университет и зайти в кафе к Софии, сесть за последний столик у окна и подождать, пока закончится ее смена или когда у нее появится свободная минутка.

Карло присел на ступеньки собора, здание ратуши напротив стояло в лесах, двое парней внизу возились с электрической лебедкой. И как ему только пришло в голову приставать к ней в туалете? Но все-таки это случилось. Тем утром он проснулся с тяжелой головой, быстро умылся, в спешке оделся, на бегу выпил кофе с Маргеритой, вышел из дома и перед университетом забежал в редакцию, чтобы наметить текущие задачи в рабочем графике. Его взяли в университет, потому что у отца были связи в административном совете: как сказали отцу, они искали молодого человека, увлекающегося литературой. Техники повествования, шесть часов в неделю. Услышав от отца об этой перспективе, Карло сразу же согласился, не задаваясь вопросом, берут ли его по протекции или нет.

Тем утром он пришел в аудиторию, как обычно, на полчаса раньше, помнил, что занял свое место на кафедре и ничем особым не занимался, пока собирались студенты. Хотел было попросить Маргериту заскочить к нему в обеденный перерыв, но так этого и не сделал, будто находился во власти необъяснимого беспокойства, мучившего его с самого пробуждения. Затем стали появляться студенты, он перемолвился парой слов с Джанлукой из Лечче – большим поклонником русской литературы и Микки Мауса: в тот день он собирался отмечать свой день рождения в «Пластике», может,

профессор составит им компанию? Карло ответил, что слишком стар для «Пластика»; а рассказ он уже закончил? София пришла одной из последних – в голубых джинсах и полусапожках. Села в третьем ряду и включила ноутбук, неловким движением опрокинула пенал и вздрогнула от раздавшегося грохота. Пару раз он уже встречался с ней за пределами университетских стен: первый раз с группой, а второй – наедине, чтобы обсудить ее первый рассказ. Именно тогда, объясняя, почему рассказ вышел неубедительным, он обратил внимание на ее свежевывмытые волосы – запах шампуня оказался ему незнаком и будоражил обоняние. Положив руку ей на спину, якобы чтобы успокоить, он потихоньку добрался почти до затылка.

– Прости, – сказал он, отдернув руку.

– С какой стати? – ответила она.

С этими словами «с какой стати» он несколько дней мастурбировал в рабочем туалете, пытаясь понять, какое влияние эти три слова окажут на его брак.

«С какой стати?» – эхом отдавалось в его голове; теперь он прибежал к нему всякий раз, когда Маргерита, по его словам, «уходила в подполье»: когда пропадала из поля зрения или до такой степени погружалась в себя, что ее приходилось буквально выкуривать обратно, как, впрочем, и его – Карло это прекрасно сознавал – из литературной горячки. Такие уходы в себя были для них делом рискованным. Однако после *с какой стати* что-то поменялось, и он не предпринял ничего, чтобы все исправить: он разглядывал свою правую руку в том месте, где почувствовал тепло спины и шеи Софии Казадеи – у основания пальцев. Он ощутил жар другого тела и постарался вобрать это тепло за те секунды, пока длилось прикосновение, чтобы затем превратить все в воспоминание и мысленно к нему возвращаться в трудные минуты: *с какой стати* – когда он наблюдал за Софией, слушавшей его лекции, *с какой стати* – когда пробуждался безвольный эрос, *с какой стати* – раздражали и волновали его чувства. *С какой стати, с какой стати, с какой стати.*

Он испытал облегчение, осознав, что эти мысли ничуть не затрагивают его брак. Рука на спине Софии не посягала на его семью – это было параллельным измерением, флером воображаемого адюльтера: это не имеет значения. А точнее: это не имеет большого значения.

Вы говорите, не имеет значения, профессор Пентекосте? Задаваясь этим вопросом, он признавал, что испытывает определенные затруднения в присутствии этой двадцатидвухлетней девушки с плавными движениями и кротким голосом, точно знавшей свое место. Значит, из-за мимикрии молоденькой студентки он потерял контроль над собой. Первый звонок прозвенел еще за несколько недель до случая в туалете, когда он заметил, что во время лекции проводит взглядом по рядам, задерживаясь на каждом из студентов, кроме нее. Это его обеспокоило, поскольку бросало тень как на преподавателя: все еще не имеет значения, профессор Пентекосте? Так-таки и не имеет значения – скупить все шампуни, чтобы с третьего захода узнать, что ее волосы в тот день, когда они обсуждали рассказ о танцах, пахли не «Pantene», не «Garnier Ultra Dolce», а «Head&Shoulders»? Когда он это обнаружил, то так и застыл под душем, выдавливая шампунь капля за каплей. Вы уверены, что это не имеет значения, профессор Пентекосте?

Затем в то утро он выдал студентам самостоятельную работу минут на сорок. Некоторое время стоял на кафедре и наблюдал за галдящими студентами, обеспокоенными нежданной проверочной: ему так захотелось стать одним из них – ухватиться за идею, из которой вырастет фраза, абзац, страница, еще страница, глава, еще глава и, наконец, целая книга. В действительности ему нечем было похвастаться: он постоянно задавался вопросом, как так вышло, что он, подвизавшийся на поприще литературы, так и не написал ничего стоящего: историю или хотя бы набросок, хоть коротенький рассказ – ничего. Набросав несколько черновиков, он оставил это дело и тешил свое самолюбие, слушая собственный голос в аудитории, мало-помалу убеждаясь, что этот звук, то бишь преподавание, и есть его роман. При этом он понимал, что не стоило связывать этот роман со студентами: они сводили на нет его вдохновение, для них-то любое упражнение могло перерасти в законченный рассказ. Чем дольше он стоял за кафедрой, тем четче вырисовывалась перспектива, что кому-нибудь из его студентов улыбнется удача – публикации, успех, может, его даже упомянут в благодарственной речи на вручении какой-нибудь премии: «Все это только благодаря Карло Пентекосте, спасибо, профессор!» Всякий раз, когда личные амбиции наступали на горло преподаванию, его донимала мигрень, в голове будто гудело; так было и тем утром,

когда он вышел в коридор, выдав студентам задание. Он пристроился около кофейного автомата и сжал виски руками, дабы ослабить боль. Минут через десять он увидел, как София вышла из класса. Он поднялся, всматриваясь в фигурку у лестницы: видимо, она направлялась в вестибюль. Он пошел к ней, уже зная, что снова коснется ее спины. Приблизившись, он так и сделал, вновь нежно дотронувшись до памятного тепла.

– Что-то случилось?

Она не шелохнулась.

– Не выйдет из меня писательницы.

– Ты это поняла из-за самостоятельной работы?

– Нет, я всегда это знала.

– София... – он убрал от нее руку.

– Нужно просто посмотреть правде в глаза.

С этого момента он помнил все происходившее со странного ракурса, будто смотрел на все свысока: студентка не спеша спускается по лестнице, профессор, замерев на краю все той же лестницы, наблюдает за ней и поглаживает руку, которой касался ее минутой ранее. Он решает пойти следом, видит, как она направляется к туалету, мигрень все усиливается, трепещущий на шее пульс зашкаливает, накатывает приступ страха. Тот мужчина – не он, и все же это он – входит в туалет и видит студентку, которая стоит у ручкомойника и смотрит на него.

– София, я все понимаю, – сказал он.

Она спустила воду и умыла лицо, прикрывая глаза костяшками пальцев, с которых капала вода, пока он не протянул ей бумажное полотенце. Карло дождался, когда она промокнет лицо, и положил руки ей на плечи. Нажав чуть сильнее, он почувствовал, как мнется ткань блузки под его пальцами. Провел руками по спине, спросив, не докучает ли ей. Почти неуловимым жестом она дала понять, что все в порядке: он понял это по ее отражению в зеркале. Опустил руки еще ниже, обхватил талию ладонями. Потихоньку прислонился к ней, затем прижался крепче и наконец разглядел, как на ее лице зарождается удовольствие, которое прежде он лишь пытался представить. С этого момента он был не в состоянии четко описать, что произошло дальше. В женский туалет он вошел сам или его заманила она? Неловкие объятия. Такие уж и неловкие? С трудом сдерживаемое дыхание, она,

льнувшая к нему с шепотом: «Не надо», и уста, их сплетенные уста, и, наконец, ее обмякшее тело.

Она соскользнула к его ногам, – София, – нагнувшись, он подхватил ее с запрокинутой головой, – София, – хорошенько потряс и прислонил к стене, лаская ее щеку, – София, эй! Вздогнув, она пришла в себя, Карло помог ей встать на ноги. Обнявшись, разгоряченные, они прислонились к стене, переводя дух и выжидая. Он вывел ее наружу и только сейчас заметил, что дверь была приоткрыта. Перед тем как подойти к рукомойнику, чтобы намочить ей лоб, он хорошенько осмотрелся. Карло был в ярости из-за того, что упустил такой шанс. Шанс раздеть ее, стянуть трусики, спустить штаны и, сидя на унитазе, войти в нее, может, зажать ей рот, чтобы обуздать возбуждение. Это уязвило его. Он испытывал глухую досаду, что-то сродни тревожности. Тем временем София пришла в себя и робко улыбнулась отражению в зеркале.

– Не знаю, что со мной было, – прошептала она.

– Ничего, ничего не было, – пробормотал он, заметив, как она кивает в ответ, распуская и вновь собирая волосы. Подобравшись, чтобы окончательно прийти в себя, она сказала:

– Вернемся в класс.

Остальные детали ускользали от него даже теперь, на пьядца Дуомо, пока он наблюдал, как лебедка с двумя рабочими ползет вверх по зданию ратуши. Ему было тревожно. Он не только боялся, что Маргерита его изобличит, но и мучился от унижения, что не смог довести начатое до конца. Не смог трахнуть студентку, не смог потом притвориться, что ничего не было, ни перед ректором, ни перед отцом, ни перед Маргеритой, ни перед сестрой, ни перед кем бы то ни было – и только и делал, что оправдывался за то, чего по сути и не было.

Не упади она в обморок, он бы выдумал что-нибудь, чтобы ретироваться и сказать самому себе: я верный муж. Откуда он знал это? Уж откуда-то знал. Точь-в-точь как те парни с лебедкой на ратуше знали, что нужно прокручивать стальной трос, чтобы он не запутался во время подъема. Они цепляли ведро с жидким цементом на крючок, осторожно выравнивали его, а затем уже поднимали – без этой предусмотрительности трос бы запутался. Он внимательно наблюдал за ними – им могло быть как двадцать, так и пятьдесят лет: обожженная солнцем кожа, бандана с модным узлом на затылке.

Запустив лебедку, уставшие и увлеченные, они ждали, вперив взгляд в небо, почти как дети, играющие с бульдозерами и самосвалами в песке. Он подумает о них перед сном – о бандане и обгоревшей коже, перед сном он всегда думал о вещах, которые его успокаивали. О Даниэле Букки с его прачечной, неторопливо сортировавшем белье перед стиркой, о сестре, о том, как она держит ребенка, стоя у плиты, о коллеге из редакции, который купил сервиз на фишки из супермаркета «Esserlunga». О Софии Казадеи – как она потирает руки, когда нервничает, и о том, что уж она-то нашла себя в жизни, не прилагая к этому усилий. Всякий раз, когда он вспоминал о ней перед сном, он думал и о Маргерите: с благодарностью смотрел на нее, свернувшуюся калачиком в постели, – темный силуэт с ровным дыханием. Он хотел любоваться Софией, а любовался женой, с горечью думая о том, чему не суждено сбыться. Ведь и этот спор можно было разрешить: «В сердце каждого мужчины и женщины таится Эдем, где нет места смерти и войнам, там дикие звери и олениа вместе резвятся в мире и согласии. Нужно только отыскать этот Рай». Теща подсунула ему томик Немировски с тканевой закладкой именно на этой странице: дикие звери и олениа вместе резвятся, нужно только отыскать этот рай.

Поднявшись со ступенек Дуомо, он посмотрел вверх – Мадонна казалась совсем крошечной. И тут на него снизошло понимание: весь внешний мир, с его событиями, реалиями и ходом истории, заслонило собой внутреннее время – со своими наваждениями, близкими отношениями, подлостями, словно за пределами собственной экосистемы все предметы куда-то улетучились. Он направился в сторону университета: ему было необходимо поговорить с ней в последний раз.

Засунув руки в карманы и опустив голову, он шел очень быстро. Оказавшись на месте, сквозь витрину рассмотрел парня за кассой и спину Софии среди толпы посетителей. Повертел телефон в руках – нужно было позвонить маме, чтобы обсудить обед в честь ее дня рождения, и ввести в курс дела коллегу из редакции по поводу сверстанных материалов. Отложив телефон, показался из-за витрины и стал выжидать, когда она его заметит.

Там, где он стоял, кусок брусчатки выбился из ряда, и он каблуком пытался вправить его обратно. За этим занятием его и застала София.

– Я не могу оставить Халилиа одного.
– Я на минутку. – Он уставился на ее веснушки. – Мне нужно с тобой поговорить.

– О чем?

– Просто поговорить.

Однако она будто не слышала и без конца вертела ручку.

Он подошел ближе:

– Я прочитал твой рассказ.

– Зачем вы пришли? Зачем вы все сюда приходите?

– Кто это все?

– И потом, мне уже все равно, профессор. Хотя спасибо, что прочитали.

– Может, снова перейдем на ты?

– Мне нужно идти.

– София, – и сделал еще один шаг навстречу, – я поверил каждой строчке.

– Поверил?

– Авария, твоя мама, твои чувства. Хочу сказать, – набрав побольше воздуха, он продолжил: – Ты была настоящей.

– Я просто написала то, что помню.

– Правда в литературе – это именно то, что ты помнишь.

Пожилая женщина лет шестидесяти что-то искала в сумке и уронила на землю кошелек. София наблюдала за тем, как, подобрав его, женщина вошла в кафе.

– Профессор, ваша жена не следила за мной.

Некоторое время они стояли, не проронив ни слова. Университетский гомон опоясал их невидимым кольцом.

– А зачем ты это сказала?

– Не знаю.

Прочистив горло, он спросил:

– А если бы сегодня утром я начал выяснять отношения с женой?

– Ну, всплыла бы старая история.

– Старая история?

– Профессор, мне нужно идти.

Он коснулся ее руки:

– Старая история, говоришь?

– Да, старая история.

– В туалете ничего не было.

– Да?

– И это правда.

– Правда то, что ты помнишь, ведь так?

– А что ты помнишь? Ну, давай!

Она взглянула на него:

– Знаете, в день аварии мы с мамой поехали в церковь, где они с отцом поженились. Это каменная церквушка Пьеве в Сантарканджелоди-Романья. Место запущенное, внутри деревянный крест, солнечный свет ложится на него красивыми, почти серебряными бликами. Мама призналась, что вспоминает о Пьеве каждый раз, когда грустит. «Значит, сегодня тебе грустно?» – спросила я у мамы за рулем. Она промолчала. Уже какое-то время они с отцом не разговаривали, он спал этажом ниже, в квартире, когда-то принадлежавшей бабушке, а нам досталась квартира наверху. Ее прозвали «женским царством». Однажды вечером, увидев свет, я зашла к ней в комнату, она читала что-то, что отец написал ей когда-то очень давно: одна фраза на салфетке из бара «Филон», в котором они встречались перед работой, когда им было лет по двадцать. Она дала мне ее прочитать: «*A te dug me che t ci bula!*» На диалекте это значит «Ты – красивая, это говорю тебе я!». Знаете, что меня поразило больше всего? Восклицательный знак. Мой отец и восклицательные знаки – вещи несовместимые. Тогда я поняла, что они были счастливы. И в тот день, когда мы направлялись в место, где они поженились, на моих глазах мама в последний раз попыталась все вспомнить. Правда – это то, что мы помним, а мама стала все забывать. Она устала и, откинувшись на сиденье, стала напевать песню Ванони, потом я поняла, что это была «Помада и шоколад». Это последнее, что я помню о маме. Ванони и хриплый мамин голос. Остального не помню. Не помню, как подумала, что стану такой же, не помню, как вцепилась в руль в попытке выровнять машину. Не помню, нарочно ли она не справилась с управлением и выкрутила до предела руль, чтобы покончить раз и навсегда с этой грустью. Это не моя история. Как не моя история и преподаватель, лапавший меня за задницу.

Карло пинал ногой кусок брусчатки, из университета выходили студенты и шли им навстречу. Ему захотелось присесть, он

присмотрел ограждение около тротуара. Сел и уставился на концы своих «оксфордов».

– Профессор, мне пора.

Он так и не поднял головы, догадавшись по звуку шагов и хлопнувшей двери, что она ушла.

Андреа провел с отцом в киоске остаток дня, мама отправилась домой пораньше на метро. Вечером Андреа попросил ключи от машины, припаркованной рядом. Когда он включил зажигание, отец забарабанил в стекло:

– Ты там поаккуратнее.

– Скажи маме, что запишешься на прием.

– Я же сказал, хватит об этом.

– Ты все-таки ей скажи, – и помахал рукой на прощание. – Машину верну вечером.

Контрактуры, от которых ему удалось избавить отца, все еще ощущались на кончиках пальцев. Потерев руки, Андреа не спеша вел машину: минут за двадцать пять он наверняка покроет восемь километров, отделявших его от собаки. За рулем он ни о чем не думал, представлял, как направляется к южному выезду из Милана, или в Пьяченцу, или в Парму, или в Тоскану – он никогда еще не ездил дальше Флоренции.

По дороге ему не пришлось сбрасывать скорость. Кое-где туман еще стоял плотной стеной, и дом был едва виден. Припарковавшись у обочины, он открыл калитку и трижды постучал в дверь. Открывшая дверь девушка говорила по телефону, она пригласила его внутрь и сделала знак помолчать. Он очутился на кухне, из телевизора доносилась реклама, пахло сигаретами и лаком для ногтей, по коридору он прошел к двери, выходящей на задний двор. Дверь была приоткрыта, Андреа распахнул ее настежь и услышал собачий лай. Собака, становясь на задние лапы, так и норовила сорваться с цепи.

– Эй, Цезарь, тихо, не балуй!

Но дог не унимался.

– Тихо, я сказал!

– Он весь день не в себе. – Девушка вышла на порог с сигаретой в руках, ее ногти алели свежим маникюром.

– Это из-за тумана.

– Подойди к нему.

– Не стоит.

Андреа присел на корточки, пес успокоился и подошел. Тот его погладил.

– Кажется, ему занесли инфекцию, – сказала девушка и зашла в дом.

Андреа осмотрел лапу дога: след от укуса еще не затянулся. Однако его больше встревожила припухлость на левом боку. Он провел по ней рукой, затем положил ладонь и слегка надавил:

– Тихо, Цезарь, тихо.

Пес его послушался, и Андреа смог обследовать его мышцы и кости. Он знал, что животные прячут свои хвори лучше, чем люди. Тихое поведение – вот что его настораживало. Рассказывая о том, как прошел его день, – полдня, проведенных с отцом, который прогулял прием к врачу, чтобы сходить в парк, совсем как Цезарь, – он внимательно осмотрел лапы пса. Ты в парк хочешь, Цезарь? Хочешь, а? Завтра ходим. А сейчас будь хорошим мальчиком и лежи смирно, он погладил его до самого хвоста – обрубленной запятой, – коснулся брюха, и тут пес отскочил, Андреа подозвал его и продолжил аккуратно ощупывать. Поднял больную лапу, затем поставил ее на землю – она плохо держала вес. Возможно, все кончено, и от Цезаря отстанут. Перед тем как еще раз осмотреть лапу, он поднял голову и увидел, что туман окутал их со всех сторон.

– Не бойся, иди сюда.

Пес беспокойно завертелся – двор наполнялся людьми.

– Как он? – спросили у Андреа.

Не глядя на них, Андреа ответил:

– Он не готов. Цезарь не сможет больше драться.

– Что значит не готов?

– У него тендинит, воспаление.

– А что значит «не сможет больше драться»?

– Проблемы с лапой.

– Вы слышали, что сказал господин врач?

– Джулио, перестань, – девушка обернулась к своему брату, тридцатилетнему типу с гладковыбритыми щеками и зализанными волосами, под клетчатой рубашкой которого виднелись покатые плечи.

Андреа все это время гладил пса.

– Вы же говорили, что сегодня привезете другую собаку.

– Да есть одна – там, в машине. Овчарка, но так – стремная.

«Стремная» для них означало, что собака, скорее всего, трусовата. Даже Андреа научился это определять: растопыренные лапы, умоляющий взгляд, визг после первого укуса, попытки накинуться на хозяина по дороге на ринг.

В общем, так вели себя животные, подпорченные безоблачным прошлым.

– Сейчас проверим, – брат девушки зашел в дом, вышел с деревянной палкой и помахал перед догом. Вцепившись в палку, пес принялся ее вырывать, ему мешала цепь, но он и не думал ослаблять хватку.

– Эй, эй! Спокойно, спокойно!

– Да готов он, готов, – отозвались остальные.

Уставившись на девушку, Андреа поднялся на ноги. Он узнал о собачьих боях год назад, когда она попросила у брата разрешения привести и его: так майским вечером он впервые попал в Кьяравалле. Дог против дога, один из хозяев прервал бой – его псу сильно повредили лапу, собак растащили, деньги потерял не только хозяин, но и кое-кто из зрителей. На ринге остались три кровавые дорожки. Андреа почувствовал изнеможение. Израненная плоть, насилие – вернувшись домой, он лег в кровать и так и не смог уснуть.

– Цезарь не будет драться. Его нужно лечить, так он скорее придет в форму.

Андреа повернулся к девушке.

– После боя, – ответили ему.

Когда они познакомились – на вечеринке «Prozac+» в «Магнолии», – у нее уже был Цезарь. Дога принес домой ее брат.

Он был послушным щенком, потом все внезапно изменилось: его стало опасно держать не только дома, но и во дворе. На девушку Цезарь бросился только раз, злобно зарычав, когда та сделала резкое движение, повернувшись перед его мордой; к счастью, он был на цепи. Бросался Цезарь и на брата. Они держали его в старом доме, кормили по очереди; когда получалось, за ним присматривал и Андреа. Он догадался, что пес так реагирует на резкие движения и занесенную над мордой палку. Девушка говорила, что любит Цезаря и *таким*; кстати, *таким* она любила и Андреа. Это только все осложняло.

Андреа подошел к Цезарю и схватился за конец палки, торчавшей из собачьей пасти.

– Ну же, брось ее. – И вытащил палку. – Не трогайте его.

– Пусть попробует в последний раз, – сказала девушка. – Слышишь, Андреа, в последний.

– Что это еще за новости? Какой последний раз? – встрял ее брат.

– В последний раз, – повторила она. – Если он ни на что не годится, сам же будешь ныть, что выбросил деньги на ветер.

– Ладно, – согласился брат и дал знак спустить пса с цепи. – Сегодня увидим.

Андреа выпустил палку из рук, отошел в сторону и стал ждать, пока брат девушки наденет на собаку поводок, – однако у него ничего не вышло. Девушка присела на корточки и попыталась успокоить пса.

– Андреа, – позвала она, – попробуй ты.

Но он лишь отошел на несколько шагов.

– Ну, шевели задницей, – прикрикнул брат. – Давай уже.

Андреа зашел в дом, прошел на кухню и сел на диван. Потертые подушки, запах старья, продавленный диван – здесь он признался девушке, что ему довольно и ласки, на большее он не способен ни с ней, ни с другой. Уткнулся затылком в углубление спинки.

Когда она вошла, Андреа уставился в потолок.

– Цезарь там с ума сходит. Можешь подойти?

Он покачал головой, и девушка застыла как вкопанная – фигура, сотканная из нитей, с распущенными по плечам волосами.

– Мой брат, конечно, сволочь, но он хорошо к тебе относится.

– Он опять его избил, у него весь бок вспух.

– Это было давно.

– Он опять его избил, – он взглянул на нее, затем прикрыл глаза.

Как же он устал.

Девушка присела рядом и провела рукой по его ноге, затем ущипнула и улыбнулась:

– Получим деньги и съездим на море дня на три. Только ты и я.

– На что?

– На море! Это же классно.

– Значит, будем продолжать? – Андреа встал с дивана, прошел по коридору и открыл дверь на задний двор. Увидел, что остальные,

сбившись в кучу, курят в углу. Подошел к собаке, цепь позвякивала, как колокольчик. – Цезарь, иди сюда.

Дог залаял и не сдвинулся с места, залаял снова и, как только Андреа приблизился, резко дернулся.

– Спокойно, это же я.

– Он просто взбесился, – прокомментировал брат.

– Иди сюда, Цезарь, это же я. – Присев на корточки, Андреа протянул к нему руку, дождался, пока пес подойдет и обнюхает его, затем потрепал дога сначала по шее, потом по голове. – Эй, дружище!

Когда, произнеся это, он убрал руку, дог вцепился в нее зубами. Девушка закричала, и остальные кинулись в сторону дома с палками в руках.

– Андрé, Андрé!

– Все в порядке, – Андреа посмотрел на ладонь: на месте укуса между большим и указательным пальцем зияла дыра, из которой хлестала кровь. – Не трогайте его, все в порядке.

Андреа оттащили подальше, девушка сбегала в дом за тряпками и перекисью.

– Не шевелись, дай посмотрю.

Она промыла и перевязала рану.

– Моя работа... – пробормотал он.

– Не волнуйся.

– Моя работа... Что теперь будет?

Пошевелил большим пальцем, затем указательным – боль была терпимой.

– Что теперь будет?

– Сейчас отвезем тебя в больницу.

Однако он, сжав тряпки, заторопился внутрь; футболка и штаны были в крови и грязи. Войдя в туалет, Андреа открыл кран с холодной водой. Подставил рану под струю – собака прокусила руку в двух местах, – осторожно ощупал место укуса: сухожилия и фаланги в порядке, а вот приводящая мышца большого пальца – нет. Пока кровь капля за каплей стекала, образуя черную лужицу, Андреа шевелил пальцами, сначала каждым по отдельности, затем всеми вместе.

– Поехали в больницу, – сказала девушка. – Не упрямясь!

– Делай, как тебе велят, – отозвался брат с порога туалета. – Вот долбаная собака! Весь вечер угробила.

– Ты избил его. – Андреа убрал руку из-под крана и двинулся на него: – У него весь бок раздуло.

– Эй ты, защитничек животных, ты ж первый...

– Ты избил его.

– Ты ж первый кайфуешь от этого. Что, не так?

Оттолкнув его, Андреа прошел к холодильнику, нашел в морозилке мясо для Цезаря, обернул в тряпку и приложил к ране. Присел на стол и попросил девушку:

– Прогони их!

– Они отвезут тебя в Сан-Дonato.

– Пожалуйста, прогони их, – и поднял руку над головой; кровь почти остановилась. – Прогони их!

Послушавшись, она попросила всех уйти. Никто не проронил ни звука, затем брат сказал, что сегодня они выставят на ринг овчарку, сидевшую в багажнике. Когда компания прошествовала мимо, Андреа, смотревший в сторону, услышал:

– Как ты достал уже всех!

Ладонь стала фиолетовой, кровь уже не била фонтаном, девушка принесла новую тряпку и наблюдала за ним, не говоря ни слова. Тут он поднялся.

– Ты куда?

Он не ответил.

– Ты куда?

Он шел изгонять своих демонов.

Двор виднелся свинцовым квадратом, туман еще не рассеялся, Цезарь притаился под навесом. Он трусил из одного конца двора в другой, цепь, отражавшая свет уличного фонаря, змеей тянулась за ним следом.

Андреа стянул с себя окровавленную майку, обнажив рельефные мышцы плеч, спины, торса и белую кожу. Наклонился, спрятал раненую руку под ногой и приготовился ждать. Дог подошел. Поначалу только дышал сквозь сжатые челюсти, затем залаял.

– Иди сюда, дружище.

Девушка отпрянула назад, взяла в руки палку и замерла.

– Иди же, Цезарь, дружище.

Дог, припадая на больную лапу, обошел двор по периметру и остановился посередине. Приблизился и застыл в нескольких

сантиметрах от Андреа. Тот задрожал и протянул к нему здоровую руку, Цезарь ее обнюхал, и Андреа принялся рассказывать, что ему было совсем не больно и лучше бы дог покусал Джулио, им нужно обязательно договориться и вдвоем покусать Джулио, а, Цезарь? Он же не против? Он же не против, если они договорятся и на неделе хорошенько проучат этого Джулио? Затем потрепал его по шее и туловищу до самого хвоста. Он гладил его до тех пор, пока ему не полегчало. Цезарь, шумно дыша, посмотрел на него и сел, будто в ожидании кормежки. Андреа пообещал, что скоро навестит его, и осторожно поднялся. Затем шагнул назад в разделившую их туманную дымку.

– Ты ненормальный, – сказала девушка, когда они возвращались в дом.

– Мне нужно вернуть машину отцу.

– Я тебя провожу.

После паузы продолжила:

– Сегодня переночую у тебя.

Ладонь еще кровила, и боль не утихала.

– Не надо, справлюсь сам.

Она опустила руки:

– Ну, как хочешь.

Девушка села за стол и уставилась на клеенчатую скатерть.

– Кристина.

– Прививку от бешенства ему делали, – сказала она, не отводя взгляда от поверхности стола.

– Кристина! – он натянул перепачканную футболку и подошел к ней. Девушка отодвинулась.

– Не отключай хоть телефон.

Андреа поцеловал ее в щеку, немного подождал чего-то – он сам не знал чего, – а затем ушел.

В такие вечера ему ее не доставало. Он лежал на кровати в своей двушке на виа Порпора, обнимал вторую подушку, устроив на ней укушенную руку, пощипывал наволочку и представлял, что она рядом, – это успокаивало. Кристина заставляла его почувствовать себя тем, кем он не мог стать. Какое-то время он следовал за ней, куда бы ее ни тянуло, особенно после развода родителей: в магазины подержанных вещей, на море, в Лондон – они были на стадионе

«Уэмбли» и рассказывали друг другу разные глупости. Вместе им было спокойно. Он это осознал на диване в том старом доме: после того как она его раздела и он предоставил ей свободу действий; после того как они переспали и Кристина спросила, чего он хочет от жизни. Он ответил, что хочет собственный физиокабинет. Она внимательно на него посмотрела и снова задала свой вопрос. Он замолчал и ничего не ответил.

– Ты что, педик? – однажды услышал он в свой адрес.

Массируя большие грудные мышцы и квадрицепсы, широкие спины и мощные плечи, он старался не думать об этом. Педик. Кристина не давала ему посмотреть правде в глаза. Поэтому он и не позволил ей этой ночью остаться у него: с ней он бы не смог обдумать то, как укус Цезаря отразится на работе. Утром он снял повязку и обнажил рану: она была свежей и при малейшем движении начинала кровить, рука распухла. Обработав место укуса, он тщательно забинтовал запястье. С трудом побрился, съел йогурт и принял обезболивающее, запив таблетку апельсиновым соком из бутылки. Его знобило, голова гудела, и ломило кости. Он медленно оделся, сложил в рюкзак рабочую одежду: штаны и футболку. Спустился с третьего этажа и вышел на холод. Нырив в метро, он думал о том, нашел ли отец ключи от машины в почтовом ящике, посмотрел на телефон и успокоился – отец не звонил. Отправил сообщение Кристине: «Мне лучше, иду на работу».

По пути он думал, что скажет в «ФизиоЛаб». Он мог бы заняться аппаратным лечением, отложив на время полноценные сеансы, или же перейти в тренажерный зал. Девушки-администраторы заохали, как только он вошел в здание на виа Капуччини, 6. Андреа объяснил, что порезался дома. Через зал ожидания направился в раздевалку, и тут его окликнули. Обернувшись, он увидел в кресле Маргериту.

Она поднялась:

– Сегодня я вовремя. Представляешь?

Он не сдвинулся с места, только показал перевязанную руку.

– Боже, что случилось?

– Порезался.

– Ты был у врача?

С усталым видом он кивнул.

– Не стоило тебе сегодня выходить на работу.

– Не стоило.

Андреа опустил голову, Маргерите показалось, что он ей доверяет. Наконец-то она увидела его в истинном свете. Был ли он в ее глазах мальчишкой? Отнюдь. Перед ней стоял взрослый мужчина, казавшийся старше своих лет, только на сей раз в минуту слабости. Проснувшись этим утром, она решила покончить со своими сомнениями, ей хотелось поверить мужу – в конце концов, у нее было на это полное право, после того как она весь вечер провела, составляя хитроумный план по покупке слишком дорогой для них квартиры. Она рано пошла в кровать и долго пролежала без сна. Когда пришел муж, она спросила, счастлив ли он. Свет уже не горел, темнота им не мешала. Маргерита почувствовала, как тень Карло, опустив затылок на изголовье, ответила:

– Кажется, да.

Это *кажется* было правильным словом. Она любила его именно за это, потому что ей тоже *казалось*. Быть ни в чем не уверенными и вместе плыть по течению – брак, дорогое жилье, престижная работа – в этой кровати, которая уже давно дала течь, сколько других тел, а, Карло? Сколько упущенных возможностей? Сколько студенток и физиотерапевтов? Сколько начатых и незаконченных книг? Сколько? Так они и лежали в тишине, пока не заснули. Перед тем как погрузиться в сон, она думала об отце, а вот о чем думал он – неизвестно.

Когда Андреа вышел из раздевалки, Маргерита проследила за ним взглядом, они кивнули друг другу, затем он прошел на стойку регистрации, поболтал с девушками и скрылся во врачебном кабинете, где ее осматривали в первый раз. Через четверть часа он еще не освободился, а она уже и так на сорок минут выпала из графика. Проинформировав об этом администраторов, она сказала, что подождет на улице. Прислонившись к стене здания, Маргерита пробежала глазами список встреч, назначенных на сегодня. Придется перенести Буццати – нужно предупредить маму. Пролистав блокнот, она прикинула, когда можно будет связаться с хозяйкой квартиры на корсо Конкордия. Она планировала названивать ей регулярно, чтобы ставить в известность обо всех потенциальных покупателях, исчезавших в никуда из-за слишком высокой цены. Она бы помариновала ее чередой надежд и разочарований, не доводя до

уныния, и постаралась бы еще крепче с ней сдружиться. Маргерита принялась намечать липовые показы в ежедневнике, затем увидела Андреа, шагавшего ей навстречу. Приблизившись, он извинился и сказал, что сегодня ею займется другой парень.

– А ты?

Он показал ей руку, которая теперь была плохо перебинтована, да и лицо его стало другим – изнуренным вместо мертвенно-бледного.

– Что тебе сказал врач?

Он постарался улыбнуться, когда приоткрылась автоматическая дверь и девушка-администратор позвала:

– Андреа, тебя ищет доктор.

– Передай ему, что я все понял.

Тут появился и доктор и, поздоровавшись с Маргеритой, коснулся рукой Андреа, но тот вежливо отстранился.

– Сходи в больницу, это не шутки.

– Я понял.

– Граци или Капелли тебя отвезут.

– Сам справлюсь.

– Ну смотри.

Доктор с девушкой скрылись за дверью, Андреа попросил Маргериту:

– Подойди к секретарю, тебе назначат другое время.

– Не волнуйся, – ответила она и потрогала его лоб. – Да у тебя жар.

Казалось, он с трудом стоит на ногах. Отстранившись, он проговорил:

– Прости, – и направился к выходу.

Маргерита пошла за ним следом, держась поодаль, пока они шли по корсо Венеция, дождалась, когда он минует бастионы, и догнала его у ворот парка на виа Палестро.

– Если не сбавишь скорость, тебе придется меня лечить еще лет десять.

Она запыхалась. Андреа обернулся:

– Я иду домой.

Взмокший и дрожащий, он прислонился к ограждению метро.

– Подожди, – Маргерита порылась в сумке и протянула ему платок. – Где ты живешь?

- На Лорето.
- Моя мама тоже. Где именно?
- Виа Порпора.
- Я вызову такси.
- Чего ты хочешь?

Маргерита отбросила челку со лба:

– Я хочу отвезти тебя домой. Обещаю, потом уйду, – и указала рукой на таксистов у обочины.

- Я поеду на метро.
- Мне тоже в ту сторону, мое агентство на виа Спонтини.
- Это же намного ближе.
- Тоже мне проблема!

Они сели в такси. Всю дорогу по корсо Буэнос-Айрес Андреа смотрел в окно, положив перевязанную руку на живот, его голова покачивалась в такт движению автомобиля. Где-то на середине пути он сказал, что, наверное, у него заражение, врач из «ФизиоЛаб» прописал антибиотики.

- А почему он отправил тебя в больницу?
- Потому что он параноик.

Андреа прислонился виском к окну, его кожа блестела от пота, казалось, он задремал. Маргерите пришлось растормошить его, когда таксист, подъехав к виа Порпора, спросил номер дома:

- Сто тридцатый, – пробормотал Андреа.

Такси остановилось, Маргерита заплатила и вышла, обошла машину с другой стороны и, открыв дверцу, помогла выбраться Андреа. Это она переняла от матери: стремление помогать другим, не забывая при этом о собственных желаниях. Карло называл это манипулированием, она – альянсом или чем-то еще, в чем ей не хотелось копаться. Усадив Андреа на ступеньки подъезда, она попросила у него рецепт и, сбегав в аптеку на другой стороне улицы, вернулась с упаковкой Амоксициллина. Он сидел в том же положении, в котором она его оставила. Попросила ключи. В подъезде пахло пылью, на лифте они поднялись на третий этаж. Взяв ключи, Андреа открыл замок и скрылся в примыкавшей к коридору комнате.

- А таблетки?

Спросив разрешения, Маргерита проследовала за ним и увидела его ничком лежащим на кровати.

– Тебе нужно выпить таблетки.

Осмотревшись кругом, Маргерита прошла на кухню. Из раковины, забитой грязной посудой, выудила стакан, ополоснула его, наполнила водой и отнесла Андреа. Открыв упаковку с таблетками, дала ему одну, подождала, пока он ее выпьет и снова ляжет.

– Скажи, кому мне позвонить? – спросила она, но Андреа уже задремал. Только теперь она поняла, где находится.

Тиканье настенных часов, шумное дыхание, жесткий край матраса, на который она присела. Она смотрела на сильное нездоровое тело, сбитые подушки – на одной были пятна крови. Ей хотелось снять с него обувь и хорошенько укрыть. Почти голые стены – только одна гравюра с хайку и три полки с книгами по анатомии и комиксами «Марвел»: на обложке первого был Человек-факел. Вещи громоздились на стуле, сквозь приоткрытую дверцу шкафа виднелись две пустые вешалки. Тут бурлила горячая кровь, и она знала, что имя этой горячности – молодость.

Поднявшись на ноги, Маргерита стянула с него обувь и укрыла. Андреа было заворочался, но затем вернулся в прежнее положение. Она нашла сумку и взяла телефон, сунула его в карман и прошла через коридор на кухню. Там она обнаружила двухместный диван, небольшой сундук, на котором стоял маленький телевизор, и плюшевую собаку на холодильнике. Это была немецкая овчарка с блестящей шерсткой, на шее у нее был красный ошейник с надписью: «Молчуну, рассказывающему классные истории. К.». Маргерита потрогала игрушку – она была мягкой – и посадила ее в позу сторожевого пса. Подошла к раковине, перемыла чашки, стаканы и тарелки, затем сложила их на полку. Вымыв посуду, вытерла руки тряпкой, висевшей на окне, и принялась искать в списке контактов Доменико Пентекосте – за врачебными консультациями Маргерита предпочитала обращаться к свекру, – потом передумала, нашла номер мамы, снова передумала. Застыла у окна: напротив вырисовывались два жилых дома, на одном из балконов красовалась цветная вертушка. Поднеся руки ко рту, она сказала себе, что стоит попробовать. На цыпочках вернулась обратно, подошла к пустой половине кровати и осторожно села. Затем легла.

Посмотрела в потолок, затем повернулась и взглянула на него. Рельефные мышцы и сонное лицо. Так вот какво это. Лежать рядом с

другим мужчиной. Прогнувшийся под ее весом матрас, кисловатый запах и так мало времени, чтобы им насладиться. А смогла бы она? Маргерита приблизилась к нему головой. Замерла, прислушиваясь к сонному дыханию и стараясь дышать вровень с ним. Затем поднялась – она бы смогла – и вышла из комнаты. Заперлась в туалете – продолговатой клетушке с кремовой плиткой и клеенчатой шторкой вокруг ванны, прислонилась к стене и позвонила маме.

Когда зазвонил телефон, Анна выбивала на балконе персидский ковер.

– Девочка моя, только не говори, что ты прогуляла свидание с Буццати, – запричитала она, положив выбивалку на стул. – Что значит «нарисовалась проблема»? Ты знаешь, чего мне стоило организовать для тебя эту встречу? Господи, это же ради твоего будущего! – и замолчала.

– Что у тебя за проблема? Нет, нет, нет, сейчас же рассказывай! Как можно позвонить маме, буркнуть «проблема», и на этом все?

Анна снова затихла.

– Ладно, ладно, дай мне знать. Я сама разберусь с Буццати и компанией, но поклянись, что с тобой все в порядке, поклянись, слышишь!

Схватившись за занавеску, она примяла ее. Попрощавшись с дочерью, Анна так и осталась стоять с телефоном в руке, затем положила его на стол.

– Тебе показалось, – прошептала она.

Вышла на балкон, внесла ковер в квартиру, прислонила его к дивану и побежала в ванную. Подкрасила ресницы, припудрила скулы и поправила сережки. Анна была похожа на Джессику Флетчер и гордилась этим – так сказал Франко, когда они смотрели «Она написала убийство». Остановив свой выбор на классической рубашке и свободных штанах, она сунула в сумку старую майку Маргериты. По пути в метро она размышляла, как стоит поступить. На то, чтобы добраться до Навильи, уйдет минут двадцать: она явится на встречу с пятнадцатиминутным опозданием – Франко, из-за твоей дочки у меня проблемы. Они с мужем никогда не опаздывали. Пунктуальный, как швейцарские часы, железнодорожник и швея, загодя выполнявшая все заказы. Они опоздали только в одном – завели ребенка, когда им уже стукнуло по тридцать шесть.

Бодрым шагом она добралась до станции Луи Пастера: вокруг виднелись исписанные граффити дома и китайские химчистки. Уже на эскалаторе она достала из сумки книжку и, едва войдя в вагон, принялась за чтение. Это был сборник рассказов, разрекламированный одной радиопередачей. Автор, Андре Дюбюс, остался без ног: его переехал встречный автомобиль, когда он остановился помочь двум братьям-автомобилистам, у которых заглохла машина. Сначала его бросила жена, потом дети, другие писатели жертвовали деньги на его содержание. Анна купила эту книгу в магазине на корсо Буэнос-Айрес. Андре Дюбюс – американец в инвалидной коляске с французским именем – писал рассказы без неожиданных развязок. А кто сказал, что они должны быть? Они поспорили об этом с Маргеритой, но ее дочь выходила из себя из-за всякой ерунды, а кто, как не мать, знает, кого она произвела на свет.

Когда Анна вышла из метро, на станции Порта Генуя никого не было. Она направилась вдоль виа Видженова, с трудом поборола соблазн заглянуть в магазинчик с кольцами из чеканного серебра и ускорила шаг. Вход в дом находился напротив парковки, раньше тут причаливали лодки. Много лет назад этот адрес ей дала женщина из ателье, с которой они вместе работали. Записав фамилию Ланди и номер телефона в блокнот, Анна так ни разу им и не воспользовалась, пока был жив Франко. Через два месяца после похорон она записалась на прием, своей очереди ей пришлось ждать целых три недели. Первым делом ее спросили, хочет ли она узнать, каково сейчас на том свете ее мужу. Однако ее интересовало другое. Она хотела узнать свое будущее, черт побери! Всякий раз нажимая на кнопку звонка – а это был уже двенадцатый визит, – она была взвинчена до предела.

Она постаралась привести сюда дочь, потому что на последнем сеансе синьора Ланди сама о ней заговорила – точнее, о своих предчувствиях. Дабы уговорить свою девочку, которая месяцами пресекала все ее попытки и обзывала болтушкой, Анна приплела Дино Буццати: якобы он частенько ходил к Ланди, когда та была еще неопытной гадалкой. Ну а Буццати-то чего хотел от карт? Да кто ж его знает, доченька, наверное, совета в делах любовных. Представляешь, ему ведь предсказали, что он женится на Альмерине. Неужели это правда? Конечно! Но это была неправда, она всегда была сторонницей маленькой лжи во благо и поступала так даже со своим мужем.

На лифте Анна поднялась на пятый этаж. Дверь была приоткрыта, но ей не позволили войти.

– У дочери неотложные дела, я очень извиняюсь, но мы об этом узнали в последний момент, – она сжала сумку. – Вместо нее пришла я, извините за опоздание.

Девушка проводила ее в зал с обоями в цветочек, на стенах висели три рисунка с видами Милана – дворики и шлюз Конка дель Навильи – и пазл в рамке «Леди и Бродяга». В углу примостился радиоприемник сороковых годов с позолотой и ручкой из ореха, глядя на который Анна всегда представляла поющего Тенко. Она так и не присела; когда ее позвали, она пыталась дозвониться до Маргериты. Анна прошла за девушкой по коридору в маленькую кухню: синьора курила за столом, рядом со стаканом чинотто стояла пепельница и блюдо с монетками. Шейный платок скрывал шею гадалки до самого подбородка.

– Дочку задержали на работе. Спасибо, что приняли меня.

Холодильник шумел, магниты на дверце сползли на самый край.

– Значит, делаем полный расклад?

– Давайте сделаем расклад на мою дочь, хорошо?

Она вытащила из сумки майку и протянула гадалке. Та положила майку на стол, оперлась на нее локтем и принялась тасовать карты с сигаретой в руках.

– А я ведь не знаю даже имени, – сказала она, положив сигарету в пепельницу и тасуя карты.

– Ее зовут Маргерита.

– Не дочери, ваше.

– Анна.

– Удобное имя, – проговорила она, прикрыв глаза, – читается с обеих сторон.

– Да, – смущенно улыбнулась Анна.

– Руки не беспокоят?

– Да так, – потеряв руки, Анна положила их на колени.

Гадалка внимательно на нее посмотрела и протянула колоду. Анна сдвинула левой и придвинулась поближе, синьора принялась раскладывать карты пирамидой – двенадцать и последняя сверху. В этот раз сверху оказался паж денариев.

– Это к деньгам?

Гадалка сделала ей знак замолчать.

Анна прикусила язык и прислушалась к жужжанию холодильника, это напомнило ей, как год назад гадалка вытасила четверку мечей и сказала, что видит печаль. «Вы могли бы объяснить?» – спросила она, почувствовав ком в горле. Гадалка пояснила, что ее жизнь прошла своим чередом, но она не добилась того, чего хотела, – что-то ей помешало. Анна прослезилась. Она-то знала, что *именно* ей помешало: семейные хлопоты, табурет и кухонная плита, раскроенная ткань, которой нужно придать форму, брызжание мужа. Именно это, в то время как *иная сила* побуждала ее вырваться с виа делле Леге и вступить в Радикальную партию – и чтобы Франко ее не упрекал. Перестать шить на дому – как она хотела открыть магазинчик с собственным именем на витрине! Пройтись по Санкт-Петербургу – колыбели революции и городу запретной любви. Петь с бокалом вина в каком-нибудь заведении в Брера. Это был идеализм? Возможно. Что это было?

Прокашлявшись, гадалка сказала:

– Вижу, с Маргеритой все в порядке... Вижу перемены, – она перебирала одну карту за другой. – Новое место. Или офис.

– Они подыскивают квартиру. Нашли неплохой вариант.

– Подходящий вариант, – она взяла сигарету и глубоко затянулась. – Квартира хорошая.

– А здоровье?

– Вы про женское здоровье? Хотите внуков?

– Мне это неважно.

– Это важно для всех, у кого есть дочки.

– Мне важно, чтобы она была довольна.

– Так оно и есть.

– Тогда хватит.

Вздохнув, Анна спросила:

– А ее нога? Помните, я говорила, что она повредила ногу.

– Так – мелкие неприятности, – синьора взяла туз кубков и положила по центру стола, перетасовала колоду и разложила двенадцать карт вокруг.

– И последнее про Маргериту: если у нее есть домашние животные, нужно от них избавиться. Кошки, собаки, попугайчики.

– У нее их нет.

– Правда?

– Насколько я знаю – да. А почему?

– Скажем так, вижу несчастные случаи.

– О господи! Какие еще несчастные случаи?

– Передайте ей, чтобы не заводила животных, и все будет хорошо.

Анна кивнула:

– А зять?

Гадалка потушила сигарету и, пробежав взглядом по картам, указала на туза мечей:

– С ним все хорошо. Меня беспокоит не он.

– А что вас беспокоит?

– Им стоит завести детей, для них это важно, видите? – и вытянула из-под двойки жезлов пажу мечей.

Анна откинулась на спинку:

– Это пусть уж решают сами.

Касаясь карт, словно клавиш рояля, гадалка внимательно посмотрела на нее:

– Анна, вы молитесь?

– Нет.

– От молитвы вреда не будет.

– Хорошо, сделаю, что смогу.

Пошарив в сумке, она нашла кошелек и достала пятьдесят евро и один цент. Монетку положила на блюдце.

– Простите за опоздание. – Поднявшись, она уж было собралась уходить, но тут, набрав в грудь воздуха, поинтересовалась: – А про Буццати это правда? Дино Буццати приходил к вам?

Синьора кивнула.

– Каким он был?

Гадалка взяла сигарету.

– Красивый мужчина. Обожал короля кубков.

– Короля кубков?

– Да, любил импровизацию.

Не оборачиваясь, Анна попятилась назад, следом за девушкой прошла через кухоньку, взглянула напоследок на старый радиоприемник и вышла из квартиры. Пока она ждала лифт, ей вспомнились кадры из «Похитителей велосипедов», когда отчаявшийся главный герой идет к гадалке, чтобы узнать свое будущее. Он пробирается в начало длиннющей очереди, гадалка

взывает к Богу, и герой получает туманный вердикт. Вытащив из сумки телефон, Анна набрала номер дочери. Маргерита взяла трубку, когда лифт спустился на первый этаж:

– Твоя мать идиотка, это я тебе говорю! Алло? Слышишь меня? Теперь слышно? Ты где?

Вышла из лифта:

– В «Фатебенефрателли»? В больнице?!

Анна застыла посреди вестибюля:

– С тобой все хорошо?

Вышла на улицу:

– Сейчас буду. Нет, нет. Сейчас приеду. Ну и что, что друг? Какое отделение? Нет, нет, потом расскажу. Я идиотка, и точка. Еду.

Отключив телефон, она вспомнила об остановке такси неподалеку – под дубом на пьядца 24 Мая – и направилась туда с сильно колотившимся сердцем. Король кубков и импровизация. Маргерита и Карло должны завести ребенка. Никаких домашних животных. Буццати был красивым мужчиной. Нужно молиться. Моя дочь в больнице. Мысли беспрерывно лезли ей в голову. Если прежде от подобных атак ее спасала кропотливая работа швеи, то теперь ее воображение рисовало заманчивую картинку: витрины с пирожными в кондитерской «Кова». Лучистая глазурь, плотный марципан, яркий мармелад были для нее краше драгоценностей: дома они ели сладости только по праздникам. Франко предпочитал фруктовые корзинки, Маргерита – эклеры с кремом, а ей доставались бисквитные пирожные «дипломатичи» – как же она их полюбила! Каждую неделю, если Анна отправлялась в центр за покупками, она шла по виа Монтенаполеоне и сворачивала в «Кова», где за столиками восседали синьоры в роскошных мехах. Заказывала кофе и пирожное с двойным слоем ликера алкермес. Внутри пахло сладостями, она садилась в уголок и смаковала кусочек за кусочком, потом расплачивалась одной купюрой и сыпала сдачу в сумку.

Она уже пожалела, что позвонила Маргерите и сейчас неслась в больницу, хотя проблемы были не у ее дочери: в который раз она поставила во главу угла не собственные желания. Итак, на заднем сиденье такси, по пути в «Фатебенефрателли», Анна мысленно перечислила три *своих* желания на сегодня, как всегда, только три, и отсортировала их по степени важности. Третье место – поболтать с

Карло. Второе место – найти предлог, чтобы не идти на день рождения сватьи. И, как обычно, на первом месте – выкинуть безделушки Франко. Отыскать их было непросто. На следующий день после похорон Анна вытащила все из шкафов – Маргерита и Карло, как могли, старались отвлечь ее от этого занятия, – и она провозилась до глубокой ночи. Перевернув дом вверх дном, Анна отправилась спать, а когда проснулась через три часа и увидела, что противоположная кровать рядом с ней пуста, то оделась и снесла все в подвал. Свитера и майки, пальто и обувь, все альбомы «Панини», кроме тех, что про Текса, все диски, трубку и часы. Она спускалась в подвал раз девять, сваливая большую часть вещей на рабочий стол.

Отставив в сторону коробку с инструментами, она наткнулась на деревянный ящик, обернутый простыней. Внутри лежали старые комиксы, в основном про Дьяволика и капитана Мики. Пролистав капитана Мики, она нашла двадцать одну открытку, отправленную на рабочий адрес мужа. Милано-Мариттима, Виареджо, Альпы, даже Мадрид с Будапештом и одна, всегда разная, фраза, она помнила их все, но повторяла только одну: *«Тебе бы понравились заливы, благоухающие хвоей. Твоя Клара»*. И штамп Бормио, 8 августа 1976 года – Маргерите было тогда два года. На всех открытках стояла одна и та же подпись, последнюю отправили 2 июля 1986 года. Прочитав их все, Анна минут сорок просидела в подвале на земляном полу. Затем положила все на место и поднялась наверх, стараясь не думать о том, что внизу остался ящик, который нужно непременно выкинуть. Поначалу она отложила это до завтра, затем до послезавтра и так постепенно привыкла сосуществовать с деревянной коробкой, хранившей двадцать один секрет. Она предприняла попытки узнать правду, расспросив бывшего сослуживца мужа, и даже позвонила в гостиницу «Дож» в Милано-Мариттима с открытки от 6 июля 1979 года. Однако к чему ей было знать правду?

Анна порылась в памяти: не считая поездки в Турин на курсы, Франко почти не отлучался из дому. А телефон? В счетах не было ничего необычного, за исключением того времени, когда Маргерита в средней школе часами висела на телефоне, прикрывая рукой телефонную трубку. Что еще? Франко был скуп на ласку, дорогих подарков не делал. По воскресеньям ходил на стадион, иногда катался на велосипеде. За всю неделю отсутствовал дома каких-то пару часов –

он проводил их со своей Кларой? Когда он умер, она почти не плакала. И пока другие гадали, когда же она зарыдает горькими слезами – еще как зарыдает! – никто даже не подозревал, насколько эта находка отсрочила ее слезы. Не теряя надежды найти что-то еще, Анна вытряхивала ящики, опустошала шкафы, снова и снова вычищала квартиру, старалась вспомнить всех присутствовавших на похоронах – ни намек на незнакомку. Она была замужем за хорошим человеком, слово «хороший» ее определенно успокаивало. Анна повторяла его снова и снова. Эта Клара была бегством от действительности, если она вообще существовала. Как и та студентка для зятя или, может, для дочери, да для кого угодно – у нее-то и повода никогда не было. Годы замужества, роды и материнство, сшитые точно в срок платья, приготовленная с любовью еда, скрытый, но живой интерес к политике – в целом неплохое противоядие от тоски.

Попав в больницу, Анна спросила, где находится амбулаторное отделение.

– Анна!

Обернувшись, она увидела Карло возле кофейного автомата с телефоном в руке.

– А ты как здесь очутилась?

– А ты?

– Я не понял, что происходит, – он подошел к ней и обнял.

Анне нравилось, когда зять ее обнимает, она даже к этому заранее готовилась, прогибая спину в пояснице.

– Где Маргерита?

– Пойдем, – взяв под руку, Карло повел ее к лифту. – Это ее физиотерапевт. Его покусала собака, пошло заражение, дальше я не понял. Она его сюда привезла.

Анна поднесла руку ко рту.

– Как покусала собака? У вас есть животные?

– В смысле?

– Держитесь от них подальше!

Анна вышла из лифта и проследовала за зятем в отделение, они зашли во вторую дверь слева. В палате было шесть коек, Маргерита сидела рядом с той, что стояла ближе к окну, на ней спал парень с перевязанной рукой.

– Ты и правда приехала, – улыбнулась Маргерита.

Анна пожала плечами.

– Мам, прости, что пропустила сеанс.

Анна приласкала дочь, положив ей руку на плечо. Затем спряталась в уголке, прислонившись спиной к окну, и стала наблюдать за писавшим что-то в телефоне зятем и дочкой, которая не сводила глаз с этого незнакомого парня. Она поинтересовалась, что случилось, Маргерита ответила, что расскажет позже, с минуты на минуту должна прийти его девушка.

– А родители?

– Он запретил им звонить.

Анна приблизилась к молодому человеку, тот приоткрыл веки и взглядом перепуганного, отчаявшегося ребенка посмотрел сначала на нее, затем на Карло, потом снова закрыл глаза.

Карло тоже на него смотрел, но потом стыдливо отвел взгляд. Вернулся к телефону, написал: «Если ты не против» и отправил сообщение. Затем встал и сказал, что ему пора и что отец просил держать его в курсе. Поцеловав жену и тещу, Карло заторопился прочь: он так страстно желал Софию, что просто не мог нормально жить, как будто одна половина его естества противилась другой. Ему было интересно, до какого предела он сможет пойти. Что же его так влекло к ней? Задница. Что еще? Голос, необходимость слышать его в минуты возбуждения. Что еще? Противозачаточная таблетка – он заметил упаковку в ее вещах: мысль кончить внутрь приводила его в замешательство. Что еще? Возможность овладеть новым телом, молодым телом. Понять, сможет ли он на этот раз. Он уже несколько не боялся, что про это узнают, он словно получил на измену законное право. И мог позволить себе соединить в замкнутую систему отношения с женой и любовницей. Какое неправильное слово – любовница. Какое неправильное слово – измена. А чему, собственно, он *изменит*? Кому помешает, если он переспит с другой и получит, а может быть, и подарит, мимолетное удовольствие? Встанет и оденется без всех этих нежностей и любовных ритуалов, которые сплывали их брак годами и в которых он ни разу не усомнился. Сохранять брак, строить отношения, быть преданным – слова, которые в литературе являются признаком наивности и которые теперь связывают ему руки. Он подозревал, что это чувство вины и что именно оно удерживает его на грани. Сколько раз он представлял себе, как возвращается домой

через три-четыре часа после секса с другой, еще влажные рецепторы члена оглушены новизной соития, и, пока открывает замок домашнего очага и целует Маргериту, старается выиграть драгоценные минуты, чтобы заново привыкнуть к своему браку.

Заново привыкнуть – именно это вызывало сомнения. Тот, кто вынужден привыкать заново, был по ту сторону баррикад, а значит, нарушил равновесие. Нарушить равновесие: хорошее воспитание, семейство Пентекосте, католическая школа, рождественские подарки в мерцании свечей, зажженных мамой в элегантном костюме. Карло был человеком, который вечно ищет фамильные алиби, и это притом что именно сестра сказала ему, что измена помогла ей найти себя. А она что, потерялась? Нет, просто хотела жить в свое удовольствие. Однако сестрица родила ребенка от первого встречного и живет припеваючи на папашины деньги. Теперь и он претендовал на малую толику этого удовольствия.

Тем утром из больничной палаты он трижды написал Софии. Она не отвечала, он не отставал. Карло попросил о встрече, чтобы обсудить ее рассказ: неправильно бросать все на полпути. Во втором сообщении он пригласил ее выпить вместе пива и поболтать. В третьем он написал: «Если ты не против» – и добавил пару слов о том, что сейчас он в больнице помогает абсолютно незнакомому парню. Чем дальше она отмалчивалась, тем труднее ему было держать себя в руках. Ему грезилась попа Софии Казадеи, округлая и белоснежная, высвобожденная из джинсового плена; живот, гладкий до самого лобка; скорее всего, маленькое и уютное лоно. Ведь и правда, он ничем не отличается от таких предсказуемых мужских персонажей его любимых романов – Маргерита права. Выйдя на улицу, он взглянул на часы – у него осталось всего десять минут, чтобы добраться до офиса, – и тут в кармане завибрировал телефон, на экране высветилось: «Я бросаю учебу. Спасибо за все, профессор. Возвращаюсь домой, в Римини».

Отослав сообщение, София прислонилась головой к окошку скоростного поезда «Белая стрела». Эсэмэска поставила крест на всем – Милане, учебе, писательстве, надеждах, что и для нее звезды сойдутся на Севере. Согласно ее собственной трактовке, она пережила приключение, прояснившее ситуацию: она – бездарная молодая особа, написавшая историю о том, как обстоят дела. Ее жизнь – храм,

который ей только предстоит построить, сказал Халиль, когда они прощались в кафе и София призналась, что решение уехать приняла сгоряча. Он постарался ее урезонить, однако она сказала, что сильно скучает по отцу. Тогда Халиль замолчал, вернулся к кофемашине, выпустил из агрегата пар и помыл его. Затем подошел к ней и обнял. В конце смены София сняла фартук, позвонила начальнику и рассказала о своем желании вернуться в Римини. По пути домой Милан словно провожал ее, будто знал, что она уезжает. То, что здесь можно затеряться на любой улочке, здания на пьядца Миссори с торчащими между шпилями гарпиями, железные трамваи, несущиеся по трамвайным путям напрямик к Дуомо, куда-то вечно спешащие прохожие – ей будет так этого не доставать. Она поняла это позже, когда в своей комнатенке на Острове собирала чемодан, заталкивая внутрь тряпки, ноутбук и купленные за эти месяцы книги, которые она все-таки решила оставить, чтобы вернуться за ними позже, пока не истечет аренда. Покончив со сборами, она села на кровать. Окинула взглядом голую комнату: сейчас она понимала, что уезжает, чтобы не сдать. Если она полюбит большой город, то день за днем позабудет и Адриатику, и папины тапки, оставленные в столовой. А если поддастся обаянию профессора, то скатится до штампов. И потом, все эти неприятности: сначала к ней на работу заявила его жена, а затем и он сам – как она *попала* в этот водоворот?

Однако у нее остался рассказ. Она описала то, что произошло с ее мамой тогда в «Фиате Пунто», выбрав для этого самые верные слова: это стало ее вознаграждением, повторяла она себе, когда так и не сомкнула глаз в свою последнюю ночь в Милане, когда сложила семь листков «Таких дел» себе в блокнот, когда тащила чемодан в метро, когда покупала билет на «Белую стрелу» на 10:35, когда села у окна и ответила на последнее сообщение Пентекосте. Она переслушала запись их встречи, когда профессор ласкал ее шею, а она подставила ему затылок. Его рука у основания волос, напряженность ее шеи. Ей хотелось, чтобы у него осталась эта запись – пятьдесят минут и тридцать семь секунд: доказательство того, что они что-то значили друг для друга.

Она перестала об этом думать только после того, как поезд миновал Болонью и за окном замелькали сельские пейзажи Эмилии с аккуратными деревенскими домами и фермами. В Фаэнце ей пришлось

сообщение: «Это шутка?» – и сразу еще одно: «Сейчас наберу, пожалуйста, возьми трубку». Телефон завибрировал, она отодвинула его в сторону. Он все пищал и пищал. Запихнув телефон в кармашек рюкзака, София задремала. В полудреме у нее занули кости, она потеряла руки и ноги – все тело занемело. Выпрямившись, она взглянула в окно и узнала Романью. После Имолы поля за окном стали другими – более плавными. Изрезанные посадки чередовались с иной периодичностью, сливаясь друг с другом, будто люди сеяли или собирали урожай бок о бок. Наконец «Белая стрела» переехала дамбу, и у Софии перехватило дыхание – все-таки возвращаться домой было непросто.

Ей помогли с чемоданом. Выйдя из вагона, она поняла, что попросту сбежала из Милана. Ее поразило овладевшее ею спокойствие – как же тревожно ей было до этого! Спустившись по подземному переходу, она вышла с вокзала, достала телефон и увидела три пропущенных звонка и четыре сообщения от Пентекосте. В первом говорилось: «Позвони мне хотя бы на минуту, как только сможешь. Спасибо». София направилась к остановке и села в автобус № 1, направлявшийся в Ина Каза – спальный район, построенный в пятидесятых-шестидесятых; умная архитектура за пару лир, объединившая стариков, детей и внуков во дворах с бакалеями, барами и импровизированными картежными столами, разбросанными вокруг школы Ламбускини и муниципального детского садика. Теперь умерших стариков заменили иммигранты, однако район не утратил своей прелести – хотя с каждым приездом София и боялась, что он изменится до неузнаваемости. За окном замелькали городские окраины: чем ближе она подъезжала к дому, тем сильнее колотилось сердце.

Их хозяйственный магазинчик был открыт, ей было неприятно его видеть с тех пор, как они пустили арендаторов. Проехав еще немного, она сошла на остановке перед баром «Дзета», поднялась по мощеным школьным улочкам, которые и привели ее к родному дому – на балконе их квартиры распустились цветы. Отступив пару шагов назад, она отметила, что цветы желтые. Достав ключи, София подошла к подъезду, втащила по ступенькам чемодан, открыла дверь и заторопилась на кухню, распахнула балконную дверь и увидела, что в трех вазонах желтеют фиалки.

– София!

– Откуда тут цветы? – спросила она, не сводя взгляда с вазонов.

– Я купил – там, напротив.

Обернувшись, увидела отца – в майке и с сигаретой, в бермудах и тапках. Сигарету он держал вертикально, чтобы не сыпался пепел.

– Я бы тебя встретил.

– Хотела сделать тебе сюрприз.

У отца были мешки под глазами и тусклые, седые, недавно подстриженные волосы. Страхнув пепел в раковину, он отнес чемодан в ее комнату.

– Что-то случилось?

На балконе не было цветов с того времени, когда мама сажала тюльпаны. София присела, настенный календарь с фра Индовино застрял на марте, она перелистнула его на апрель. Огляделась вокруг. Кухонный пенал теперь висел ровно, плитку очистили от излишков штукатурки, а батареи покрасили. Рядом с холодильником стоял фарфоровый поросенок с деревянной ложкой.

Поднявшись, она снова вышла на балкон. В каждом вазоне было по семь фиалок, некоторые росли слишком близко. София потрогала землю: она была влажной и пахла лесом. Опустив взгляд, она заметила в углу мамино ведро с инструментами. Почти детские грабли, лопатка, ножницы и перчатки.

– Я достал их из подвала, – улыбнулся отец.

София кивнула.

– В Милане с тобой что-то случилось?

София уставилась на инструменты в ведре.

– Нет, все в порядке, – медленно повторила она и подошла к нему вплотную, чуть качнулась вперед и, положив руку на отцовское плечо, застыла – маленькая девочка, никогда не понимавшая отца, и он, скупой на нежность, приласкал ее как умел: погладил лопатки и макушку.

– Давай я отвезу тебя туда, – прошептал он, заметив, как из глаз дочери покатались слезы. Он все еще сжимал ее в объятиях. – Я тебя туда отвезу.

– Я не хочу к ней.

– Поедем к маяку, – и отстранился, чтобы посмотреть ей в глаза, – там легко дышится. Сейчас вот переоденусь в чистое.

Только оставшись одна и вытирая слезы рукавами свитшота, София осознала, что вернулась домой. Ей вспомнилось, как они жили втроем и держали магазин, отец взвалил на себя обязанности разнорабочего, а мама стояла за прилавком и записывала в желтую тетрадку все задания для отца по поступившим заказам. «Зеркало для синьоры Ассунты, повесить в течение двух дней». «Дрель и штукатурка для Чески, перевесить картину». У отца всегда было полно работы, и дела в магазине шли бойко даже после того, как открыли «Оби» на виа Мареккьезе, где можно было найти буквально все на свете. Как отец был счастлив в их магазинчике! И мама, которая осталась в той жизни.

София пошла в свою комнату, открыла чемодан и перетряхнула все вещи. Достала из чемодана семь листков бумаги, сложенных пополам. В верхнем левом углу было старательно выведено название «Такие дела». Прошла к отцу в ванную. В бежевой рубашке и джинсах тот причесывался перед зеркалом, стараясь укротить расческой торчавшие вихры. Заметив дочь, сказал:

– Сейчас идем.

Она протянула ему рассказ.

– Что это?

– Это тебе.

Андреа подписал справку о выписке из больницы и попросил Кристину отвезти его домой. Температура спала, рука пульсировала, врачи настаивали на том, чтобы оставить его еще на одну ночь. Пошло заражение, и если кости были в порядке, то сухожилия – нет. Однако это не стало для него новостью. Он ушел из «Фатебенефрателли», заполнив перед этим бумагу, в которой подробно изложил произошедший с ним инцидент: около парка Семпьоне на него набросилась бездомная собака светлого окраса, раньше ее он не видел и никоим образом не дразнил.

Андреа ждал, пока Кристина подгонит машину, вечерело, ему даже померещились ласточки. Как только она подъехала, Андреа сел в машину, пристегнул ремень и стал неотрывно смотреть на сумеречное небо. Затем, взглянув на Кристину, сказал:

– Спасибо.

– Почему ты мне сразу же не позвонил?

– Думал, обойдется.

– Я имела в виду, все эти чужие люди вокруг...

Андреа промолчал; в последнее время он все чаще отмалчивался, даже с Кристиной. Хотя у него и был ответ, он оставил его при себе: от этого напряженность между ними только росла. На этот раз Андреа хотелось признаться: мне было приятно видеть всех этих чужих людей. Очнуться на больничной койке в окружении близких Маргериты было для него успокоением. Маргерита и ее бодря старушка-мать – эти две фигуры у его изголовья превратили назойливость в искреннюю заботу. Впрочем, и муж – Андреа сразу же прочитал это по позе, усталой красоте и чему-то еще – был под стать жене.

Они подъехали к Порта Романа, возле арки на клумбе цвели гиацинты, она было собралась свернуть на виа Крема, но Андреа попросил:

– Давай заедем к Цезарю.

– Куда?

– Хочу посмотреть, как он.

Кристина съехала на обочину:

– Это глупо.

– Я только посмотрю на него.

– Он опять что-нибудь выкинет.

– Только посмотрю, и все.

– Но сейчас темно!

Андреа замолчал, опустил стекло, и салон наполнился свежим воздухом. После больницы свежий воздух определенно шел ему на пользу.

– Значит, посмотрю на него в темноте.

Включив аварийку, она уставилась на руль.

– Его увезли, – обернувшись к нему, проговорила она. – Они сказали, что он может драться. Сегодня будут латиносы с бабками.

Андреа держал руку на животе, он уже привык оберегать этот «сверток». Затем сделал знак Кристине трогаться.

– Андри...

– Поехали.

– Только без глупостей, ладно?

Больше он на нее ни разу не взглянул, пока они не добрались до Сан-Донато. Одну машину бросили у обочины; видимо, вся компания

укатила на двух других. Андреа вошел в калитку, подождал, пока Кристина откроет дверь, и прошел через дом на задний двор: цепь Цезаря валялась на земле. Андреа внимательно осмотрел песок около будки, следов крови вроде бы не было.

– Он его не бил, – сказала девушка.

– Откуда ты знаешь?

– Я никуда не отлучалась.

Андреа не обнаружил деревянной палки, исчезла и бита с гвоздями.

Сев в машину, за десять минут они добрались до виадук, расположенного в полукилометре от стройки с котлованами и торчавшими из земли цементными столбами. Припарковавшись в округе, остальной путь они проделали пешком. Андреа плотно закутался, ноги его слушались, поэтому он не отставал от Кристины. Оказавшись на месте, Андреа смешался с толпой; ему кивнули два эквадорца; поздоровавшись в ответ, Андреа нашел просвет в толпе и приготовился смотреть. Ринг пустовал, в противоположных углах два владельца возились с собаками, гудели генераторы, подключенные к прожекторам. Квадрат ринга очерчивали вкопанные в землю железные листы, для надежности их подперли кирпичами по внешнему краю. Приблизившись, Андреа заметил, как два человека засыпают землей следы предыдущей схватки – в одном месте было сплошное месиво из грязи.

Эквадорец не спускал с него глаз.

В толпе мелькали новые лица, итальянцы толпились в углу и делали ставки. Все наблюдали за разогревом собак. Хозяин ротвейлера забрасывал на спину своему подопечному позвякивавшую цепь; ротвейлер вырывался и становился на задние лапы; его противник – американский булли – тоже рвался в бой. Когда собак вывели на ринг, Андреа сумел рассмотреть их получше. У ротвейлера была грязная шерсть и два белесых шрама на боку. Булли, необычного серого окраса, с обрезанными под корень ушами и нездоровыми водянистыми глазами, выглядел более ухоженным.

– Брат не берет трубку. – Кристина потрясла его за плечи, но Андреа замороженно смотрел на ринг, от которого не мог оторваться. Все ставки побросали в банку и на случай облавы спрятали ее подальше, в высокой траве. Эквадорец огласил правила: если хозяин

досрочно прерывает бой, то выплачивает треть ставок; если собака побеждает, хозяин получает треть от общей суммы и триста евро сверху; в случае же гибели животного хозяину достается вся сумма.

Когда собак спустили, ротвейлер поначалу вел себя так тихо, что булли даже ненадолго взял над ним верх, однако затем распластал противника на земле, и в глотке у булли заклокотало. Застарелые следы крови ветвились под ними, как черные рукава реки. Не выпуская из поля зрения собак, Андреа отделился от толпы и подошел к эквадорцу, который стоял позади ринга и не спускал с Андреа глаз. Как только он приблизился, эквадорец кивнул ему на дальний выход из виадука.

На пути к выходу его догнали Кристина и хрипы поверженного булли. Андреа свыкся с мыслью о гибели Цезаря еще четыре месяца назад: в тот раз, заплатив треть ставок, они спасли его от кане-корсо, который едва не порвал догу глотку. Андреа освободил бы Цезаря, если бы не любил наблюдать за ним на ринге. В одной из схваток Цезарь разорвал шею питбулю и повалил его на землю уже на пятнадцатой секунде боя.

Держась за перевязанную руку, Андреа шел неспешным шагом; после того как спала температура, он чувствовал во всем теле такую легкость, что даже не ощущал ударов сердца.

– Он сказал, где Цезарь? – спросила следовавшая за ним по пятам Кристина.

Не говоря ни слова, он все шел туда, куда указал эквадорец. Чтобы осветить себе путь, Андреа включил фонарик на телефоне.

– Он сказал, где Цезарь?

Они нашли Цезаря на небольшой свалке, недалеко от сточной канавы. Под слоем земли и пластиковыми пакетами в небольшом углублении виднелся собачий труп. Андреа присел на корточки и здоровой рукой принялся разгребать землю и мусор, ему помогала рыдавшая Кристина. Откопав Цезаря, они оттащили его на несколько метров. Андреа оттер грязь с собачьей морды. Неспешно глядя дога, он заметил укусы на боку, спине и бедре. Глаза Цезаря были широко распахнуты, а язык свешивался вбок. Андреа засунул его обратно в пасть и дотронулся до кончика хвоста.

Андреа попросил Кристину подогнать машину. Оставшись наедине со своей собакой, опустился рядом на корточки. Цезарь был

еще теплым. Когда подъехала машина, Андреа водрузил дога на плечи и с трудом затолкал труп в багажник. Перевязанная рука, штаны, футболка – все было в крови.

– Хочу похоронить его в поле, – пробормотал Андреа.

Кристина кивнула и вытерла слезы. На машине они добрались до дома. Затем Андреа взялся за дело. Поднатужившись, он поднял Цезаря и поволок его в поле; когда в ногах появлялась дрожь, ему приходилось делать передышку. Кристина догнала его с лопатами и пошла рядом, придерживая собачью морду. Так, вдвоем, они добрались до поляны с пересохшим оросительным каналом и одиноким орехом. Ночь не была непроглядной: в лунном свете из тьмы проступали очертания предметов. Около часа они провозились с ямой, Андреа копал больной рукой, которая его почти не слушалась. Они уложили Цезаря так, чтобы его голова смотрела на дом. Затем по очереди погладили пса – Андреа приложил ладонь ко всем его ранам – и осторожно присыпали землей. Разровняли землю лопатами, после чего Андреа сразу же вернулся в дом. Кристина застала его во дворе: он отцепил цепь и положил ее в будку, выбросил посуду для еды и питья, ногой стер очертания Цезаря на земле под навесом. Они обнялись, затем Андреа попросил:

– Отвези меня домой.

– Останься тут.

– Не могу их видеть.

– Ну тогда поехали к тебе.

У Андреа они приняли душ, потом Кристина помогла ему снять повязку. Рана открылась в двух местах, а бактерицидная мазь взялась комками. Убрав ее с раны, Андреа попросил Кристину не смотреть на него без повязки. Перед тем как выйти из ванной, Кристина оставила ему таблетки, которые нужно было принять еще вечером.

Оставшись один, Андреа выставил руку на свет, сжал и разжал кулак – из раны еще сочилась жидкость. Подув сверху, он наложил мазь, крепко забинтовал руку и прошел в комнату. Кристина лежала в темноте. Он прилег рядом с ней.

– Брат не отвечает. Завтра я сама с ним разберусь.

Андреа не слушал Кристину и выбросил из головы даже Цезаря: он знал, что завтра все будет по-другому. Но сейчас ему нужно было зацепиться за что-нибудь успокаивающее, и он сильно удивился, когда

представил Маргериту. Как она сидит около его койки в больнице. Он вызвал в памяти ее образ, и она сделала то же самое.

Как только Маргерита легла, она представила себе Андреа; его мускулистые плечи, выглядывавшие из-под больничной простыни; то, как он робко дремал, будто боялся кому-то помешать. Когда после больницы она пришла в агентство, то первым делом записала в еженедельник номер телефона, который выудила у него перед уходом. Планируя в голове спектакль с продажей Конкордии, она обводила ручкой все тройки и восьмерки. Вместо того чтобы набрать номер хозяйки квартиры, Маргерита сидела за столом совершенно без дела. Что в таком случае сказал бы ей отец? Наверняка упомянул бы «шарфенберг» – легкую сцепку для вагонов, по мнению отца слишком ненадежную по сравнению с добротными старыми сцеплениями, которые уж точно обеспечивали безопасность составов. Она была синьориной Шарфенберг, отец всегда ее так называл, когда она витала в облаках перед постером Андреа Джани или била баклуши, вместо того чтобы заниматься. Благодаря отцу она поняла, что умеет сцеплять вагоны с *легкостью*. Выбросив глупости из головы, – любимое мамино выражение, – Маргерита сконцентрировалась на делах насущных. Оплатить счета за электричество, закупиться в «Рам», приобрести квартиру для семейного гнездышка. Поэтому она позвонила хозяйке квартиры, сыпала остротами и была сама непринужденность. Этого она требовала и от сотрудников – спонтанности, и какая разница, если над этим приходилось упорно трудиться. Маргерита сообщила, что появились первые клиенты, у нее запланировано уже одиннадцать показов, двое, правда, сразу пропали, узнав, что торга не будет.

– В каком смысле – пропали?

Все из-за лифта, девяносто шесть ступенек – нелегкое бремя. Ей пришлось по душе выражение «бремя»: недвусмысленное и изящное. Затем она добавила, что хозяйка может на нее положиться. Ну и как? Хватит ли у Маргериты сил на следующий вагон, то бишь на воплощение в жизнь ее семейного проекта? Она вспомнила, как жарким полднем в Севилье согласилась выйти замуж за Карло; после того как он сделал ей предложение, Маргерита присела на каменный парапет в каком-то патио квартала Санта-Крус и, любуясь обручальным серебряным кольцом, спросила: неужели это правда? В этом она не отличалась от *других* женщин, и это ее ничуть не огорчало.

Затем, как только они известили родителей, что-то пошло не так: ее стали раздражать все Пентекосте, которые лезли к ней со своими советами по поводу свадебной церемонии. Ей хотелось свадьбы в маленькой церкви, с десятью приглашенными и платьем в цветочек, купленным год назад в «Twinsset», а после церемонии поужинать фазаном на озере Комо или в деревенском ресторанчике. Она рассказала об этом маме, как-то оставшейся на ужин, однако в ответ услышала, что и ее родительница желала в силу возможностей поучаствовать в свадебных хлопотах – может, сшить пелерину и бабочку. Маргерита с такой силой отпихнула тарелку, что ризотто оказалось на столе: и ты туда же, хватит уже! Она расплакалась, и мама, придвинув стул, села рядом. Затем она прошептала дочери: у меня вот перед этим началась эритема и прошла только через месяц после свадьбы, а вообще от этого не выздоравливают.

Выбросив Андреа из головы, Маргерита взглянула на погруженную в ночной мрак комнату: высокий потолок, Нью-Йорк на стенах, шум в соседней квартире, лунный свет, просачивавшийся сквозь жалюзи. Скользя рукой под простыню, она принялась ласкать бок своего мужа – она всегда чувствовала, когда тот не спит. Он буквально схватил ее руку. Карло всегда становился импульсивным, если она была не прочь заняться сексом. То же самое происходило и с ней, когда ее охватывало желание. Всякий раз, когда она брала член в рот (это было их прелюдией), ей нравилось ощущать, как он наливается у нее в глотке и не дает дышать. Она выпускала его только тогда, когда Карло начинал подрагивать, чтобы он не кончил и мог заняться ею. А когда голова мужа оказывалась у нее между ног, Маргерита предавалась фантазиям. Представляла себя в кругу знаменитых мужчин, как вступает с ними в связь по очереди или со всеми сразу, – этот круг ею и обладал, и защищал. Иногда воображение рисовало ей и кого-то из бывших: их прикосновения, поцелуи, любовные ласки – воспоминания, всплывавшие в памяти с поразительной легкостью. То, что Карло оказался под ней в конце этого дня, проведенного в больнице с Андреа, расставило все по своим местам. Его стоны внизу после мечтаний о другом – все это делало их соучастниками. Скажи, о чем ты фантазируешь, приказал ей Карло. В мгновения перед оргазмом Карло расспрашивал ее о том, о чем

стеснялся спросить, а она рассказывала ему то, о чем предпочитала молчать.

Маргерита было замедлилась, но Карло упорствовал. Она вернулась к прежнему ритму, и он с силой сжал ей бедра.

Тогда она проговорила:

– Физиотерапевт.

Произнося это слово, Маргерита старалась разглядеть в темноте мужа: очертания тела, шумное дыхание, brutальный захват рук, эротический позыв и досаду от ее откровения. Возобновив движение, Маргерита снова прошептала:

– Физиотерапевт.

Она оставалась сверху и на пике наслаждения, и даже потом – пока они не затихли.

Обычно они не возвращались к тому, что было сказано, как будто похоть срывала с языка то, о чем они не помышляли на самом деле. Маргериту возбуждала мысль о власти, которую она имела над мужем. Риск скреплял их союз и делал их отношения особенными. После недоразумения, однако, все стало иначе.

Отстранившись от него, Маргерита ничуть не жалела, что обмолвилась об Андреа. Взглянув на Карло, она заметила, что муж не сводит с нее глаз.

– Что с тобой? – спросила она, направляясь в ванную. Вернувшись, она застала его в той же позе.

– Ты помнишь то время, когда закончилась твоя молодость? – Карло натянул на себя простынь. – Я про точное время.

– Боже, ну и вопросы тебе лезут в голову после секса! – Она тоже юркнула под простыни и нащупала его ноги. – На последнем курсе лица?

– Нет, точнее.

Маргерита закрыла глаза и подумала о дне, когда отцу сказали, что он умирает, но вслух сказала:

– Наверное, в тот день, когда открылось агентство.

– Значит, три с половиной года назад.

– Кроме письменных столов там ничего не было. Ты притащил пару коробок, и я с ними возилась. Потом выбрала себе стол и поставила на него пластмассовую черепаху – у нее еще была шея на шарнирах. Ты слушаешь?

– Тебе было страшно?

– Чуть-чуть.

Карло устроился поудобнее на подушке.

– А я ехал на велосипеде из бассейна Минчо на работу. Это было в районе Рипамонти, на мосту, там, где есть спуск к Порта Романа. В последний день сентября, пять лет тому назад.

Воцарилась тишина, и вскоре Карло заметил, что Маргерита спит. Лежа в постели, он вспоминал тот день, когда крутил педали и на него вдруг снизошло очарование. На велосипеде, запыхавшийся от подъема на мост, без постоянной работы – работа редактором казалась ему промежуточным этапом – он лелеял мечту стать писателем и еще не оставил эту затею, жил вместе с Маргеритой и не был преподавателем, получившим работу по протекции отца. *Еще* не был. Он мог еще кем-то стать. Привставая на педалях, будто на финише, он чувствовал, как его грудную клетку распирает от небывалой радости. Он скатился вниз в твердой уверенности, что это пик и завершение очередного этапа в его жизни и вскоре для него наступит новая пора – зрелость. Он задремал все с тем же чувством то ли грусти, то ли удовлетворенности.

Проснувшись, первым делом он представил себе Маргериту с физиотерапевтом. Она лежит на кушетке, ноги раздвинуты, он массирует ей внутреннюю часть бедра. Она скрывает свое возбуждение, парень, который не может сдержаться, – да и кто бы смог? – трогает ее в запретных местах, нарастает напряжение, которое они, возможно, снимают затем в раздевалке. Карло выскочил из комнаты и прошел в ванную, наскоро умылся, затем сварил для Маргериты кофе в их крохотной кухне. Отставив в сторону кофейную чашку, надкусил хлебец из цельного зерна и стал медленно жевать, рассматривая угол стола: стопка оплаченных счетов, не сложенных в папку, очки и лекарство от аллергии, цветок в горшке и телефон жены на зарядке. Телефон жены. Он отвлекся, чтобы наметить предстоящие покупки в супермаркете, сложил в рюкзак исправленные гранки каталога о Марокко, затем вышел из дома: как бы он себя повел, найди он в телефоне жены сообщения, отправленные им Софии? Неторопливо шагая по виа Монтевидео, он шел вдоль парка Солари, по которому после ночи, проведенной без движения, весело трусили собаки в компании сонных владельцев. Он заметил, как этих

спущенных с поводка, но тем не менее верных животных буквально распирало от радости.

Как бы он себя повел, если бы узнал, что у Маргериты появился другой? На выходе из парка он увильнул от ответа на этот вопрос и продолжил путь в уверенности, что дела с Софией принимают иной оборот. Ее возвращение в Римини, трехдневное отсутствие в аудитории обернулись для него поражением, которое он, в принципе, мог пережить. Если, конечно, он не начнет копать в взаимоотношениях с Маргеритой. Карло выплеснул свое желание за пределы брака, дальнейшие попытки переступить черту закончатся тем, что жена превратится для него в запасной вариант. Маргерита была его счастьем, он в этом не сомневался. Но теперь нарисовалась четко обозначенная, переменчивая и свободная от обязательств территория: эта часть его мозга высвобождала на волю энергию всякий раз, когда он думал о Софии. Сегодня София, завтра другая. Другое счастье. Он спрашивал себя, причина ли тому его усталость от семейной жизни, и пришел к выводу, что пора завязывать с этой эмоциональной компенсацией. Жена дарила ему радость, искреннюю радость, и София тоже дарила ему радость – не менее искреннюю.

Дойдя до Навильи, Карло вытащил телефон и написал: «Скажи хотя бы, вернешься ты в Милан или нет». Сунув руки в карманы, он двинулся по корсо Сан-Готтардо, редакция располагалась в бежевом здании на углу виа Лагранж. Кивнул секретарше, Мануэла улыбнулась в ответ, тряхнув каштановым каре. Покончив с приветствиями, Карло устремился вглубь коридора. С тех пор как он подписал договор о сотрудничестве, Карло работал здесь уже шесть лет и сидел все на том же стуле с подлокотниками: тысяча четыреста евро в месяц чистыми и никаких тебе журналов учета рабочего времени. Это было его вторым местом работы после окончания филфака, поначалу он работал в рекламном агентстве. Он ушел оттуда, потому что плохо справлялся и работа отвлекала его от писательства. Практически все отвлекало его от писательства. Тут в дело вмешался отец, пообещав, что все быстренько *реши́т*, и предложил ему место менеджера по персоналу в своей клинике. Карло отказался, и они все лето не разговаривали. Теперь, когда у Доменико Пентекосте спрашивали, чем занимается его сын, он отвечал: преподает литературу. Иногда он вспоминал тот

вечер, когда отец поинтересовался: а роман-то ты когда-нибудь напишешь?

Карло достал бутылку с водой из упаковки под столом, отпил глоток и принялся ждать, пока загрузится компьютер. Он делил кабинет с Микеле Латтуадой – сорокалетним молчаливым дизайнером. Тот жил около Бергамо и каждый день приезжал на станцию в шесть утра, как минимум за час до отхода электрички: парковочных мест не хватало, и полиция не скупилась на штрафы. Он парковался, откидывал сиденье, заводил будильник и дремал. Карло месяцами вынашивал идею написать о нем роман: об откидывающемся сиденье, о фишках из «Esserlunga», о ланч-боксе с перекусом и о привязанности, которую к нему испытывал. Микеле Латтуада научил его довольствоваться стулом с удобными подлокотниками, бутылкой с водой под столом, женой, а может, в будущем, и сыном.

Придвинувшись к клавиатуре, Карло тайком поглядывал на Микеле: тот корпел над Японией, поправляя очки, скользя мышкой по столу и сосредоточенно морщась. Они описали Фудзияму, сделали разворот о горячих источниках Хоккайдо, начали искать информацию про оконотомияки, и тут у Карло завибрировал телефон. Микеле обернулся на звук, Карло вытащил телефон и прочитал: «Приеду завтра за вещами. Мне нужно что-нибудь досдать, чтобы получить аттестат? Спасибо, С.»

Встав из-за стола, он подошел к окну: скользившие по проспекту трамвайчики дребезжали на поворотах. Сжав телефон, еще раз перечитал сообщение и подождал, пока облегчение доберется до лопаток. Затем поднял голову и встретился взглядом с Микеле. Вернувшись к сообщениям, ответил Софии: пообещал уладить дела с аттестатом и попросил о встрече. Положил телефон и занялся страницами про оконотомияки.

«Извините, профессор, но у меня мало времени».

Он заканчивал описание префектуры Осака, ему осталось только заполнить блок про дизайн-отели на реке Йодо.

«Выпьем вместе кофе, что скажешь?»

«Может, завтра, если успею отправить книги, но ничего не обещаю».

Он перешел к парку Нара, косулям и ночному шествию с фонариками.

«Давай попробуем. Дашь мне знать?»

«Спишемся завтра. Хорошего дня, профессор».

Ему понравилось, что в последнем сообщении она пожелала ему *хорошего дня*. Бросив Микеле, что он закончил и скоро вернется, Карло вышел перекусить. Он знал, что вернется не скоро. И хотя был не четверг и ему не хотелось нагрязнуть к теще как снег на голову, он все же сел в трамвай, идущий до Порта Венеция, спустился в метро, вышел на станции Луи Пастера и заскочил в кондитерскую «Скаринджи». Купил по одному пирожному «дипломатико» и «баба»: как обычно по четвергам. Перед тем как позвонить в дверь на виа делле Леге, убедился, что жалюзи открыты. Нажал на кнопку звонка; ему пришлось ждать дольше обычного, когда он уже собирался уходить, услышал голос Анны.

– Это я.

– Кто – я?

– Карло.

Теща уже поджидала его на лестничной клетке, скрестив руки на груди.

– Что случилось?

– Да просто мимо проходил, – прикасаясь к ее щеке, он всегда ощущал запах розы. Сегодня он заметил, что Анна вышла к нему ненакрашенной и в мятом платье.

– Ты меня напугал.

– Не бойся, меня не покусала собака. – И протянул ей пирожные.

– Ты голоден?

Он покачал головой и прошел в квартиру. Телевизор был выключен, на диване валялось одеяло.

– Я тебя разбудил?

Но Анна уже суетилась на кухне около холодильника.

– У тещи всегда найдется вителло тоннато^[7] для любимого зятя.

– Мама тоже всегда держит его в холодильнике на всякий случай.

– Кстати, по поводу твоей мамы...

– Не хочешь – не иди.

– Да ведь она обидится, – усмехнулась Анна. – И потом, ума не приложу, что ей подарить.

– Ты уже в доле. Мы дарим от всех морского котика «Swarovski».

Он присел на тещину табуретку, пока та возилась на кухне. Затем Анна поставила перед ним тарелку с вителло тонато и бокал красного вина.

Отправив в рот кусочек, он сказал:

– На твоём месте я бы дезертировал.

– То же самое говорили союзникам перед высадкой в Нормандии, – улыбнулась Анна и попробовала пирожное.

Они замолчали. Карло сосредоточенно жевал мясо, запивая вином, и не отрывал глаз от тарелки. Затем рассказал Анне о квартире.

– Плохо, что в доме нет лифта.

– Ну нам же не по сто лет.

– У Маргериты больная нога.

– Это всего лишь воспаление.

Карло направился было к раковине с тарелкой, но Анна выхватила ее у него из рук и ополоснула вместе с чашкой и остальной посудой.

– Знаешь, а мне понравился Дюбюс. Его рассказы наводят на размышления. Там тоже есть дочери-тихони, бегающие к матерям, зятя, навещающие к тещам, и тещи, которые моют посуду, потому что они на стороне дочерей.

– Ты и должна быть на стороне своей дочери.

– Ты говоришь как священник.

– Анна, у меня сейчас сложный период.

– Я не слепая.

Карло поднялся и подошел к балконной двери. Ковер висел на перилах рядом с кормушкой для птиц. Туман окутал виа делле Леге.

– Что ты мне хотел рассказать?

– Я повел себя как идиот.

– Рано или поздно это случается со всеми вами. – Анна присела на табурет и занялась пирожным. – Жаль, что я не мужчина.

Карло посмотрел на нее.

Анна кусок за кусочком смаковала десерт, затем поправила складки на платье и сказала:

– Знаешь, Маргерита в детстве не верила в Деда Мороза. Однажды она подошла к Франко, ей было лет пять-шесть, и спросила, можно ли ей получить подарок перед тем, как все лягут спать.

– Она поняла, в чем фишка.

– Да. А сейчас она чувствует, что ты должен через это пройти.

– Я ошибся.

– Глагол «ошибаться» вообще имеет много значений. – Ей захотелось поставить пластинку. Она подошла к полке и достала одну наугад. Достала из обложки, включила проигрыватель и трижды пыталась попасть иглой звукоснимателя на дорожку, затем ей помог Карло.

– Модуньо^[8], – объявила Анна.

По четвергам они частенько слушали пластинки, и хотя сегодня был другой день недели и разговор вертелся вокруг неприятных тем, им было комфортно вдвоем. Модуньо, Арета Франклин или Камалеонти – пластинки крутились, а они занимались чем придется: зять то рылся в книжном шкафу, то работал за круглым столом, а она читала, стряпала что-то на кухне или гладила белье. Порой она пристраивалась на табурете, прикрывала глаза и представляла, что там на диване сидит не Карло, а ее новый муж. Каким он ей виделся? Низким? Высоченным? Богачом или художником? Может, из Франции или из Пьяченцы – мужчины из Пьяченцы едят конину, они сильные и галантные. Иногда воображение рисовало нового знакомого, ей бы понравилось оказаться в халате наедине с незнакомцем в гостиной. Такие фантазии пугали – ведь Франко всегда был в ее сердце. Сумерки давали добро на тоску. Пустая постель, продавленное сиденье на диване, где он любил отдыхать. За стеной жила семья Сольдати: мать, отец и двое подростков, которые, взрослея, то ссорились, то мирились, она их слышала, прислонившись к стене в ванной; когда старший сын Фабио получил права, они всей семьей отмечали это теплым просекко – отец забыл поставить бутылку в холодильник. Однажды она принимала ванну и услышала, как жена горько рыдает из-за чего-то серьезного – это были стоны отчаяния. Она вышла из ванной с сумятицей в голове, ведь и она так рыдала. Да и кто не рыдал? Семейная жизнь – порой довольно неприятная штука.

Анна украдкой разглядывала зятя: пока Модуньо пел «Как поживаешь?», тот возился с телефоном. Ее зять был не из тех, кто умел крутить шашни на стороне. За семьдесят-то лет Анна научилась их различать, умельцев вне подозрений и без вины виноватых. Карло принадлежал ко второй категории: краснел, когда волновался, и не распускал хвост павлином. Поэтому Анна и беспокоилась, что Карло втянет в неприятности и себя, и Маргериту. Ей было больно видеть его

рядом с отцом – поджатый хвост, слабый голос – как на Рождество, когда Доменико Пентекосте упрекал его за праздничным столом, устроив допрос о планах сына на будущее: мол, до каких пор тот будет переливать из пустого в порожнее? В каком смысле, спросил Карло. Тогда Пентекосте обратился с вопросом к ней: как думаешь, Анна, кем твой зять должен стать в этой жизни? Тем, кем он стал, ответила она. В смысле? В смысле, надежным человеком. И прикусила язык: такой ответ сгодился бы для никчемного зануды. С определениями она вечно попадала впросак.

– Может, возьмешь что-нибудь из моих книг? – спросила она, как только Карло оторвался от телефона.

– Нет настроения читать.

Анна подошла к книжному шкафу и выудила с третьей полки запечатанного «Текса».

– Держи, проветришь голову.

– Франко рассердится.

– С того света? Да и потом, крутые парни – отличные советчики.

Они направились к двери: за что Анна обожала зятя, так это за то, что он уходил прежде, чем начинал сливаться с обстановкой. Она смотрела, как он спускается вниз по ступенькам с комиксом под мышкой: они с мужем наткнулись на этого «Текса» на рынке в Бергамо. Бродить по местным рынкам было для них привычным делом. Когда Франко откопал этот номер, он весь разволновался, не выпуская журнала из рук, спросил цену у продавца, а затем посоветовался с Анной, можно ли заплатить за номер, стоивший сто тридцать тысяч лир, вдвое меньше – шестьдесят тысяч? Анне было в новинку видеть его таким – схватившимся обеими руками за журнал, с горящими как у ребенка глазами.

Анна аккуратно сложила лежавшее на диване одеяло, задвинула кухонные стулья, смахнула крошки и убрала остатки еды со стола, остановила проигрыватель, прервав Модуньо, исполнявшего «Мордашку», открыла дверцу шкафа в гостиной и достала сумку со швейными принадлежностями. Раскрыв ее, она принялась рассматривать свои иголки, катушки, челноки для дорогих ниток, голубые и алые бархатистые нитки, три пары ножниц для кройки, образцы тканей – в общем, ее «хирургический» набор. И хотя она уже давно не шила и у нее болели пальцы, Анна чувствовала, что сноровка

и мастерство никуда не делись: олений мех, джерси, шелк (никогда не сгибать вдвое), украшения на джинсовой ткани и самые неприятные для ее миниатюрных пальцев органза и парча – Анна поставила все на службу женскому тщеславию. Клиентки приходили на виа делле Леге в том числе и просто поболтать: советовались насчет покупок на виа Монтенаполеоне, рассказывали о детях, о преступлениях и наказаниях. Они были ее романами.

Выбрав иголку с широким ушком и голубую катушку, Анна откусила нить зубами – она никогда себе такого не позволяла в присутствии клиентов – и зажгла свет над плитой. Прикрыв один глаз, попала в игольное ушко с первого раза; обычно она приподнимала уголок рта в случае успеха. Пошла в спальню и достала из шкафа атлас и рулон кружева реброде, присела на краешек кровати, наметила шов по краю, затем перевела взгляд на фотографию на комод. Анна шила, не опуская головы, кончики пальцев впивались в ткань, пока она вглядывалась в молодые лица: она с ухмылкой держит под руку Франко, который тарашит перед объективом глаза. Затем перевернула ткань лицевой стороной, не спуская глаз с влюбленной молодой парочки на озере Комо. Опустила голову и проверила шов: ткани были единым целым, а она – отличной швеей. Анна медленно поднялась, вздохнула и прошла вглубь коридора к небольшому письменному столу, где хранила всякую всячину. В столе было три маленьких ящичка, Анна открыла последний и нащупала ключ с отшлифованным кольцом.

Вышла из квартиры, спустилась на первый этаж, а затем и в подвал. Их дверь была предпоследней справа, в царившей полутьме Анна попала ключом в замочную скважину только со второй попытки. Сырость ударила ей в нос, закрыв лицо ладонью, она нащупала выключатель под полками с соленьями. Зажгла свет и замерла – кругом был полный кавардак, она не наведывалась сюда уже года полтора. Дальних полок было не видеть, Анна вспомнила, что там хранились контейнеры с отсортированными по цветам пуговицами и папки со старыми инструкциями от домашних электроприборов. Анна двинулась дальше, с каждым шагом в ней крепла уверенность в собственном желании: убрать простынь с деревянного ящичка, вытащить его на середину подвала, на самый свет, присесть и пролистать лежавший сверху 217-й номер «Капитана Мики», чтобы

прямо за титульным листом наткнуться на открытку из Бормио 1976 года: «Тебе бы понравились заливы, благоухающие хвоей. Твоя Клара».

Взяв в руки открытку, она перечитала ее и поняла, что в состоянии продолжать. Взяла вторую, третью и следом все остальные. Анну снова охватила злость: ну почему он не додумался от них избавиться? Сложив все стопкой, встала на ноги и, прижав открытки к груди, выключила свет и пошла обратно. Выбравшись из подвала, поднялась по лестнице и вошла в квартиру. Положила находку на столик: это было так необычно, что она даже разволновалась – так значит, вот что такое свобода?

София глядела на отца, читавшего рассказ: спина, склонившаяся над кухонным столом, колечки дыма, тянущиеся от зажженной сигареты. Туман, пришедший с Севера, опутал Римини. Дочитав рассказ, отец сложил семь листов пополам и отнес их к себе в комнату. Сигарета в пепельнице испускала последний дух: казалось, сигаретный дым стремится за окно к своему уличному собрату.

Вошел отец и сказал:

– Пойдем на море.

Они вышли на улицу; весь район Ина Каза будто накрыло белым покрывалом. София не отступала от отца ни на шаг, пока они шли к машине: у него была все та же «Рено Сценик», на которой они в последний раз вывезли оставшийся товар, перед тем как пустить в магазин арендаторов. Это произошло вскоре после маминой смерти.

Они медленно выехали к историческому центру, миновали бастионы, где по субботам работал рынок, и проехали рядом с мостом Тиберия. После вокзального перехода показалась улица с виллами и садами, а за ней и начало набережной с домом под номером девять. Машину оставили у городского пляжа.

Они преодолели последний заасфальтированный участок; у пирса пришвартовались два рыбацких суденышка, кто-то драил палубу. Походка у отца была настолько легкой, что Софии казалось, будто рядом и нет никого, хотя она не отставала от него ни на шаг. Приблизившись к молу, они услышали, как Адриатическое море бьется о камни, затем присели у подножия маяка. Отец взял ее за подбородок, потом перевел взгляд на водную ширь.

София тоже смотрела на море. Потом спросила про рассказ.

Поверх джинсовой курки у отца был завязан хлопковый шарф; расстегнув две пуговицы, он спросил:

– Там, в машине, она и правда пела Ванони?

София кивнула.

Отец усмехнулся.

– Что тут смешного?

– В 87-м Ванони давала концерт на пьяцца Кавур. Там был и твой дядя, так вот, мама заставила нас перелезть через ограждения.

– Ты перелез через ограждения?!

– Знаешь, как раз после того концерта мама поменяла халат в магазине.

София покачала головой.

– До этого у нее был черный. Но в тот день Ванони выступала в синем плаще, похожем на халат.

Она смотрела на отца.

Тот расслабил шарф.

– Все-таки, София, мама была счастлива.

– Даже со мной?

– Прежде всего с тобой.

Как и раньше, София попыталась подсесть поближе и взять его под руку, однако забыла, как это делается. Прислушалась к его дыханию – долгому и глухому, как когда-то в магазине, ощутила смешавшийся с туманом такой знакомый запах лосьона после бритья. Она помнила этот запах лет с семи-восьми, когда отец, поднимаясь по лестнице, спрашивал: когда я буду старым, ты будешь работать в магазине вместо меня?

– Пап, ты никогда не будешь старым, – отвечал Андреа, не отрываясь от раскраски Хи-Мена и фокаччи, которую не доел в школе. Да и теперь, всякий раз, когда приходил в киоск и садился на отцовский табурет, представлял отца молодым.

Он наблюдал, как отец ловкими пальцами переставляет периодику на витрине за его спиной, чтобы хорошо просматривались названия иллюстрированных журналов, пока мама разговаривала у входа.

Прижав к себе перебинтованную руку, другой он отпускал покупателя. Андреа вышел из дома на рассвете.

– Ты куда? – спросонья поинтересовалась Кристина.

– Не волнуйся, – ответил он.

– С братом я сама разберусь, – уверила она.

Он ничего не ответил.

– Андреа! Поклянись, что ты к нему не пойдешь!

Кивнув, прошел в ванную, тщательно, до основания, вычистил землю из-под ногтей. Принял антибиотик и аккуратно перебинтовал руку. Сложил окровавленные вещи в пакет и выбросил в мусорный бак подальше от дома. Шагая по улице, он все еще думал о Цезаре.

Когда подошло время обеда, они по очереди перекусили в баре «Рок»: он пошел с мамой, усадив ее на банкетку, сел напротив. Он боялся, что она, как и всегда, обо всем догадается. Мамины щеки алели румянцем, как у горцев, хотя она была родом из Виджевано. Ее волновало здоровье отца: твой отец – старый упрямец, да и ты ничем не лучше. Затем спросила, почему он не позвонил им из больницы.

– Там была Кристина, – ответил он.

– Ты мог бы просто сказать, что у тебя все в порядке. Ты же в порядке? – спросила она, положив бутерброд на тарелку.

Он поступил так же; как ему хотелось купить ей вечернее платье и сказать, что она красива и достойна большего. Обойдя вокруг стола, он сел рядом с ней на банкетку.

– Я в порядке. – И обнял ее.

Ему хотелось попросить у нее машину и сразу же уехать, но вместо этого он вернулся в киоск, переставил комиксы поближе к автомобильным журналам, навел порядок в ящиках с подержанными книгами. Рука пульсировала глухой болью, пока он отпускал покупателей и помогал отцу с газетами. Затем спросил, можно ли взять машину. Отец ответил, что заправил бак еще вчера, и поинтересовался, как он будет переключать скорости перебинтованной рукой. Андреа ответил, что это не проблема, и взял ключи из ящичка.

С трудом справляясь с переключением передач, он добрался до Корветто, на светофорах сжимал и разжимал кулак, чтобы привыкнуть к боли, перестал только тогда, когда выехал на окружную. Повернув к Сан-Донато, сбросил скорость и увидел, что на футбольном поле никого нет. Доехал до дома – ни следа знакомых машин. Позвонил Кристине и сказал, что рука болит уже меньше, но он заедет к врачу на осмотр, а потом поужинает с родителями.

– Что ты им рассказал?

– Сказал, что порезался.

- И они поверили?
- Понятия не имею. Может, и нет.
- Брат не берет трубку.
- Я уже захожу к врачу.
- Я сама поговорю с ним сегодня.

Попрощавшись с Кристиной, он вышел из машины и поспешил к дому, перелез через прохудившуюся сетку и прошел на задний двор. На пыльном задворке валялись лопаты, которыми воспользовались, чтобы закопать Цезаря, и какие-то ведра. Заглянув в будку, он обнаружил скрученную цепь. На самом деле это были две цепи, соединенные карабином; разъединив их, он выбрал ту, что покороче. Вытащил ее из будки и обмотал вокруг здоровой руки. Вышел на улицу и сел в машину, сдал назад, припарковался за поворотом. Включив радио, принялся ждать; он не знал, появится ли сегодня брат Кристины или нет. Тот часто бывал у старика-отца, за которым они с сестрой смотрели по очереди. Решив ждать до заката, Андреа прослушал выпуск новостей и песню Карбони: он полюбил Карбони после концерта в Ассаго. Перечитал сообщение от Маргериты (с недавних пор они переписывались), потом она ему позвонила и ни с того ни с сего предложила вместе выпить кофе в субботу или воскресенье. Он выключил радио и опустил сиденье.

Когда показался «Форд Фиеста», он почти задремал, рука пульсировала от боли, на телефоне было два пропущенных звонка от Кристины. Андреа подождал, пока парень припаркуется, выйдет из машины и войдет в дом. Затем Андреа поднялся и хлопнул дверцей, цепь свисала вдоль его ноги.

Три раза ударил в дверь ногой и, едва она открылась, бросился на противника. Он хорошо работал кулаками: правда была в том, что его тело годилось не только для профессиональной деятельности. Железные мышцы, гибкие суставы, быстрая реакция – отличное подспорье в драке. Резкий толчок – и тот, другой, уже на кухонном полу. Прежде чем пустить в ход цепь, Андреа дал ему время подняться и прохрипеть: какого черта. Получив удар в бок, тот снова упал, и Андреа принялся молотить его цепью по ногам. Андреа видел, как у него пошла пена изо рта, как он старался извернуться, отползти на руках, а затем обмяк. После удара в берцовую кость Андреа внимательно на него посмотрел: его обездвиженный ровесник, корчась

от боли, приподнял голову, чтобы ощупать и рассмотреть переломанную ногу. Андреа ударил в последний раз и прислонился к столу.

Перевязанная рука не пострадала, а та, в которой он сжимал цепь, горела огнем. Тот, другой, стонал и держался за бедро. До Кристины и Андреа он был таким же: околачивался в «Магнолии», приторговывал кокаином, чтобы немного заработать, с пивом в руках искал в интернете бои без правил, делал ставки и привыкал к виду израненных животных.

– Ты мне ногу сломал.

Тот, другой, приподнялся и, прислонившись к стене, тяжело дышал.

Андреа выпустил цепь из рук и взглянул на диван: на подлокотнике валялись окурки и пустая пепельница, на подушке – колода карт и смятая упаковка от печенья.

– Ты мне ногу сломал. – На свету его глаза будто запали. Он дотащился до сундука, ухватился за крышку руками, затем, поднявшись на локтях, привстал на одну ногу. – Это ты убил собаку. Ты тоже виноват.

Андреа на него не смотрел.

Тот, другой, прислонился к сундуку, как фламинго, искавший точку опоры, потом с хрипами съехал вниз:

– Ты убил его, а не я.

Пройдя мимо него, Андреа вышел наружу. Кристина сидела на нижней ступеньке и смотрела на дорогу. Ее волосы были собраны в хвост. Она повернула голову, но глядела не на него, а на открытую дверь. Не сказав ни слова, Андреа направился к калитке. Прежде чем выйти на дорогу, он обернулся: она пошла к брату, и ему, как всегда на пороге расставания, стало страшно.

На пороге агентства Маргерита прикидывала в уме шансы остаться без мужа. Она не сомневалась, что если история с Андреа получит продолжение, то ее брак треснет по швам. Опьянение, сказала бы Немировски. Открыв дверь, она выключила сигнализацию и скрылась в туалете. Там она проскандировала своему отражению в зеркале:

– Ты охотница за молодыми физиотерапевтами.

Она чувствовала себя другой – более цельной – и сознавала, что то, что ее пугало на самом деле, было страхом мало-помалу потерять Карло в душе. Поэтому она и рассказала ему об Андреа во время секса в надежде, что такая откровенность приоткроет их герметично законопаченные «отсеки». Да и потом, что может отнять это новое тело у ее отношений с мужем? Может, ей даже не понравится. А может, их отношения заиграют новыми красками. Как ее раздражала эта психология для бедных – связывать измену с несчастливым браком. Она бы изменила ради широких плеч и крепких ягодиц Андреа. Потому что он был молод и скромен, и ей хотелось помочь ему раскрыться. Но главное: этот парень хотел ее. А ей хотелось быть желанной, как раньше, до всех этих помолвок, алтарей и приобретенных в кредит квартир. Ее поражением было не столько отрицание самого бунта (его она не отрицала), сколько нежелание идти на компромисс: если она заглядывалась на физиотерапевта, это не давало права ее мужу заглядываться на других. Открыв в себе черты властной женщины, Маргерита и не думала идти на уступки. Раздражение от недоразумения в туалете притупилось, однако она была далека от того, чтобы спустить все на тормозах. Андреа был всего лишь компенсацией? Нет, Андреа был ее желанием!

Она отправила ему сообщение, его ответ был сдержанным, за исключением многоточия в конце предложения: он написал, что ждет ее на приеме в понедельник. Однажды Карло ей сказал, что многоточие – это признак слабости: писатели прибегают к нему, если в чем-то сомневаются. Затем она прочитала «Похождения скверной девчонки» и поняла, что многоточия означают другое. Для мятежных душ Варгаса Льосы это было затишьем перед бурей. Три точки – это любовный сговор. Три точки – это тактика подстрекательства. Три точки – это обольщение. Итак, она набрала номер Андреа. Они поболтали о его раненой руке и о ее ноге, затем она предложила выпить кофе в субботу или в воскресенье. Он ответил согласием...

Вырвав из блокнота листок, Маргерита набросала список приоритетов на текущий день. Номер один: Конкордия. Номер два: осмотреть три объекта (уделить особое внимание трехкомнатной квартире на виа Морганьи). Номер три: решить все вопросы с завтрашним днем рождения свекрови. Затем просмотрела вчерашние пункты по Конкордии: этот обман пойдет всем только на пользу. Она

ввела в курс дела и Карло, собственная дерзость и поддержка мужа, который не стал читать ей мораль, придавали ей уверенности. Отыскав в списке контактов номер хозяйки, Маргерита сползла на краешек стула. После третьего гудка ей ответили. Поприветствовав хозяйку и уловив в ее голосе холодок, Маргерита тут же сменила тактику. Вместо того чтобы отчитаться о не имевших успеха липовых осмотрах, она соврала, что у нее есть хорошие новости: появились реальные покупатели.

– О, Маргерита! Отличная новость! А то я уже начала беспокоиться.

– Вы нам не доверяете?

– Доверяю. – И продолжила после паузы: – Но чем раньше покончим с этим, тем лучше. Кто эти покупатели?

Маргерита пояснила, что это бездетная пара. Он – адвокат, она – преподаватель младших классов (откуда она взяла эту преподавательницу младших классов?). Впрочем, и у них возникли те же сомнения: отсутствие лифта и плоская крыша, – им показалось, что будут проблемы с теплоизоляцией – однако свет их покорила. К концу осмотра учительница сказала: «Это то, что мы искали. Это мой дом». Произнеся эту фразу, Маргерита испугалась, что переборщила: у хозяйки вырвался довольный вздох.

– Однако я ничего не гарантирую. Остается вопрос цены.

– Меньше чем за пятьсот тридцать тысяч я не продам.

– Сделаю все, что смогу. Однако и вы обдумайте все хорошенько.

– Я уже все обдумала.

Перед тем как положить трубку, Маргерита решила спросить про Майорку: на острове сейчас тоже туман? Нет никакого тумана, только ветер дует по побережью с востока на запад.

Закончив разговор, она оперлась лбом о ладонь и решила покончить с еще одной неприятностью. Нашла номер свекрови. При первом же гудке переместилась на краешек стула.

– Маргё, – раздалось на другом конце провода.

Она звала ее Марге с первой же встречи: весьма экстравагантно для одетой в кашемир синьоры, в чьих жилах течет четверть английской крови. Ее свекровь с одинаковым интересом вела беседы о бретонских устрицах, о строительных работах и о пожилых синьорах, которые, взяв в супермаркете тележку, обнаруживали, что какое-то

колесико не работает, – такая разносторонность настораживала. В общем, Маргерита относилась к свекрови с недоверием.

– Как дела, Лоретта? Готова к празднику?

– Я уже знаю про Анну.

Маргерита прикусила язык.

– Мне только что позвонил Карло и все рассказал. Но я не поняла, что значит «она *не знает*, придет или нет».

Маргерита потерла под столом ногу, периодически она ощущала неприятное покалывание.

– Она неважно себя чувствует.

– Что случилось?

– Небольшая простуда, осложненная меланхолией.

– Думаю, ей будет приятно со всеми увидеться.

– Хорошо, я поговорю с ней.

– Я ей позвоню.

– Лоретта, дай мне шанс. Иногда матери прислушиваются к мнению дочерей.

Свекровь рассмеялась:

– Да уж! Посмотри на Симону, как она прислушалась к моему мнению.

– Мамаду – хороший парень.

– Расскажи, как твои дела. Я слышала, что вы присмотрели квартиру на корсо Конкордия.

Маргерита извинилась и сказала, что ей пора работать: к ней кто-то пришел. Напоследок она пообещала прийти на праздник вовремя (хотя точно знала, что опоздает) и перезвонить свекрови днем (хотя точно знала, что не перезвонит). Тем более теперь, когда Карло сообщил Лоретте то, чего ей знать не следовало. Невоздержанность мужа в отношениях с матерью была сродни его невоздержанности в университетском туалете. Хотя как раз из-за этой невоздержанности она в него и влюбилась: человек, то и дело теряющий почву под ногами и вечно меняющий курс. Противоречивость Карло: Маргерита всегда полагалась на противоречия. После смерти отца такие же перемены приключились и с матерью: забросив «зингер» и сковородки, Анна словно взбунтовалась – научилась говорить «нет», выпускать пар, класть ноги на журнальный столик в гостиной. Может,

ей тоже стоит попробовать в свои тридцать пять? Как-никак, отличная инвестиция в собственную старость.

Каждое утро в агентстве начиналось с небольшого совещания. Затем Габриэле убежал на встречи с клиентами, Изабелла засела за телефон, а Маргерита склонилась над клавиатурой компьютера. Начав с описания двух новых объектов, зашла в «Фейсбук» – она редко туда заглядывала и даже не добавила фотографию в профиль: они договорились с Карло не придавать большого значения подобным вещам. Зашла на страничку Софии Казадеи. Последний пост недельной давности с видом миланских крыш собрал двадцать семь лайков. Закрыв «Фейсбук», прошлась взад-вперед и почувствовала, что боль в ноге отступает. Снова села за компьютер, разместила новые объявления в Сети и сконцентрировалась на объекте на виа Морганьи – просторной трехкомнатной квартире в девяносто квадратов. Если она и в самом деле так хороша, как на фотографиях, то ее можно продать за триста шестьдесят тысяч, а это, навскидку, двенадцать тысяч прибыли для агентства. Если в 2009 году все пойдет по плану, то ее месячный доход составит две тысячи сто евро чистыми. Карло приносил домой тысячу четыреста, Пентекосте переводили ему тайком какую-то мелочь, которую она не включала в доходы семьи. Они могли бы оформить ипотеку на Конкордию с ежемесячным платежом в восемьсот-девятьсот евро, сразу заплатив отложенные тридцать две тысячи.

Перекусив бутербродом прямо за рабочим столом, она, взяв в руки пальто, отправилась на осмотр объекта раньше намеченного времени: ей хотелось поскорее вырваться на апрельский воздух и на время забыть о семейном бюджете. Кивнув Изабелле, Маргерита вышла на улицу. В парке Морганьи прошла мимо игроков в бочче. Остановилась, чтобы понаблюдать за ними: это поднимало ей настроение. Прислонившись к стволу акации, подставила лицо солнечным лучам; как поживаешь, Маргерита? – спрашивала она себя всякий раз, оказавшись на перепутье. Это походило на путевые стрелки, которые всю жизнь переводил отец-железнодорожник. На ум пришли и его наставления: переводи стрелки так, как нужно тебе. А это было возможно только при одном условии – если держать все под контролем.

Игрок бросил шар, и Маргерита двинулась дальше. На выходе из парка заметила хозяина квартиры, который поджидал ее у дома номер девять. Ей удавалось наладить контакт с владельцами жилья на первой же встрече: она давала им время выговориться, отступив на второй план, и прерывала монолог только для того, чтобы дать понять, что они в надежных руках. Когда речь заходила о цене, она развенчивала завышенные ожидания, называла реальную стоимость, границы торга и ставила точку коронной фразой: «Вы можете на меня положиться». Все дело было в голосе – спокойном и непринужденном, без всяких восклицаний. На осмотр квартиры ушло около получаса, она стояла своих триста шестидесяти тысяч. Хозяин был тихим семидесятилетним стариком. Он рассказал Маргерите, что на вырученные деньги хотел перебраться в Лигурию и оплатить внуку учебу в университете. Они договорились о формальной встрече в агентстве и попрощались: будет ему и Лигурия, и учеба для внука – у нее нюх на успешные сделки. Намечавшееся выгодное дельце скрасило этот день, встреч на сегодня у Маргериты больше не было, она позвонила в офис – проверить, есть ли кто на месте. Когда Маргерита шла по парку, то чувствовала, как по телу бегут мурашки, от сердца к голове. При других обстоятельствах она назвала бы это безрассудством.

Надев пальто, Маргерита дошла до пьядцале Баконе, миновала бассейн, в который ходила перед тем, как переключиться на тренажерный зал, свернула на корсо Буэнос-Айрес с его витринами, напомнившими ей о субботних полуднях, которые она подростком проводила с подругами. Куда подевались ее подруги? Они так редко встречались, будто женихи и мужья узурпировали их целиком и полностью. Зашла в бар на пьядца Аргентина, взяла кофе и жевательную резинку, прошла мимо зданий вокруг пьядцале Лорето с красными неоновыми часами, свернула на виа Порпора и тут поняла, что идет к нему.

К нему, к нему, с запахом арабики и мяты. Она замедлила шаг, но не из-за боли в ноге или страха. Маргерита смотрела на рассыльных, доставлявших последние заказы, на зажигающийся в подъездах свет, на застывших в дверях хозяев ресторанчиков: людской муравейник Милана. Тут жизнь текла своим чередом, и только она шла наперекор

всему. Ее сердце при этом оставалось спокойным, а вот в желудке ощущалось некое раздражение.

Маргерита подошла к подъезду и взглянула на то место, где он сидел, пока она покупала лекарства. Пристроилась на ступеньках и приготовилась ждать: столкнуться с ним у входа было бы так естественно, однако он не появился ни через десять минут, ни даже через двадцать. Не падая духом и не хватаясь за телефон, она так и сидела не двигаясь, подобрав ноги и прислонив голову к двери подъезда, и попеременно крутила то помолвочное, то обручальное кольцо, затем поднялась. Стала искать нужную фамилию на домофоне: вместо имен у многих были цифры, единственным возможным вариантом была аббревиатура АМ, записанная ручкой на приклеенном под стеклом клочке бумаги.

Позвонив, Маргерита поднялась на цыпочки и припала щекой к решетке домофона – ответа не было. Едва она опустилась на ноги, как в динамике раздался голос, и она снова прислонилась к домофону:

– Андреа, это ты?

– Кто это?

– Маргерита.

– Маргерита? – эхом повторил он.

– Та, что с ногой, из больницы. Та, что пригласила тебя в выходные на кофе, но без предупреждения пришла раньше, – неторопливо проговорила она. – Вспомнил?

Кряхтение домофона сливалось с уличным гамом. Нажав кнопку, Андреа открыл дверь подъезда. Вернулся в комнату, натянул на себя толстовку и джинсы, сгреб испачканную одежду и кинул в стиральную машину. Голова гудела, взглянув на забинтованную руку, он заметил проступившие кровавые разводы. На запястье другой руки виднелся след от цепи. Деревенский дом подернулся дымкой, Кристина, ее брат и события того дня превратились в размытые тени. Отворив дверь, он вышел на лестничную клетку: этажом ниже показался силуэт Маргериты – она запыхалась и несла в руке сложенное пальто.

– Привет, – бросила она.

Впустив Маргериту, Андреа прошел на кухню. Достал чашки из мойки, ополоснул и стал готовить кофе. По звуку отодвигаемого стула догадался, что Маргерита прошла за ним следом. Наполнил и поставил кофеварку на огонь. Обернулся: она сидела за столом – сумка на полу,

пальто свесилось с колена, челка сбилась на глаза. Она рассматривала его забинтованную руку и лицо, ему казалось, что им обоим одинаково неловко.

Затем она встала и приблизилась, коснулась исполосованного цепью запястья, его губ, он взял ее руку и притянул к себе: на мгновение ему показалось, что Маргерита его девушка.

Когда Карло юркнул под одеяло, его жена уже спала. За ужином она по большей части отмалчивалась, как, впрочем, и он: перед завтрашним визитом к Пентекосте следовало экономить силы.

Привыкнув к темноте, Карло взглянул на свернувшуюся клубком Маргериту: ему хотелось рассказать ей о том, что утром он говорил с Лореттой о Конкордии, а днем был у Анны, – теперь ему приходилось скрывать все на свете. Даже «Текса», который лежал между двумя иллюстрированными журналами на прикроватной тумбочке. Он обернулся, чтобы найти его. Телефон лежал рядом, ему хотелось, чтобы загорелся экран и пришло сообщение от Софии: «Увидимся завтра во столько-то в таком-то месте». Тогда бы он спокойно заснул, внеся небольшие коррективы в завтрашний распорядок: провести больше времени под душем, тщательно выбрать одежду, придумать предлог, чтобы отлучиться на пару часов.

Проснувшись около восьми, Карло проверил телефон – новых сообщений не было. Немного повалялся в кровати. Хотел было написать Софии, но передумал, прошел на кухню и позвонил сестре, попросил взять с собой подарок и прийти вовремя.

- Я-то приду вовремя, но вот Мамаду не придет.
- Он должен быть.
- Говорит, что забежит на минутку после обеда.
- Дай ему трубку.
- Отстань.
- Симона!
- Анна ведь тоже не хотела идти, верно?
- Но она придет.
- Карло, отстань.

Когда Лоретта Пентекосте узнала, что ее дочь понесла от африканца – она использовала слова *понесла* и *африканца*, – то бросилась к своей девочке, чтобы ее урезонить (впрочем, безуспешно),

затем перестала с ней здороваться и оттаяла только после того, как взяла на руки внука:

– Да он просто кофе с молоком! Вы это видели?

В конце концов она встала за дочь горой, заметив, что муж испытывает хроническую неприязнь к разнузданной наследнице.

Закончив разговор, Карло подождал, пока Маргерита встанет с кровати и соберется. По пробуждении они обменялись изучающими взглядами. Под душем Маргерита напевала песню Чезаре Кремонини – пение жены приводило Карло в хорошее расположение духа. Выйдя из дома, они поехали в цветочный магазин с включенным радио.

– Как дела? – спросил Карло жену, пока готовили букет.

– Нормально, – улыбнулась она, – а у тебя?

Он кивнул и взял лилии. Сев в машину, они добрались до студенческого городка с опущенными стеклами: над Миланом раскинулось кобальтовое небо, а по радио крутили одну рекламу. Убавив звук, Карло сказал Маргерите, что Мамаду не придет.

– Хочешь, поговорю с Симо?

– Да ладно, не стоит.

Маргерита вышла перед домом Пентекосте с букетом лилий, а Карло принялся искать парковку на пьядца Аспромонте. Припарковавшись в торце площади, выключил мотор и радио. Набрал на телефоне: «Так мы встретимся?» и отослал сообщение, подходя к родительскому дому. У подъезда увидел, как теща выходит из такси. Анна поздоровалась с ними, одной рукой прижимая к себе сумку, а другой – защищая от ветра прическу.

– Эти таксисты вечно гоняют как ненормальные, но в этот раз я испугалась по-настоящему. – Поцеловав дочь, Анна подошла к зятю. – Я просто не могла прийти с пустыми руками. – Порывшись в сумке, она достала сверток, завернутый в веленевую бумагу, развернула и показала им браслет, связанный крючком, со старинной застежкой.

– Не стоило так утруждаться.

– Еще как стоило, – возразила она, – назло тем, кто думает, что в нашем возрасте не нужны безделушки.

Маргерита уже позвонила и придерживала ногой дверь подъезда. В лифте, поправив и дочкин, и свой плащ, Анна прошептала:

– Теперь я готова.

Дверь открыла Лоретта, из гостиной доносились голоса Симоны и малыша. Когда Карло сел на диван, в его кармане завибрировал телефон. Оставив его без внимания, он опустился на ковер с геометрическим рисунком, схватил племянника за ножки и, в шутку покусывая их, притянул ребенка к себе.

– Чей это человечек? Дядин или мамин? Чей ты, а?

Ребенок захныкал, Карло взял его на руки, поцеловал в кудряшки на затылке, встал и прошелся с ним по квартире; настроение было приподнятое – наверное, София ему ответила. Они остановились у стола из красного стекла, на котором уже стояли заливное с креветками и салат из говяжьих хрящиков.

– Знаешь, Нико, куда мы сейчас с тобой пойдём? В дядину комнату!

Малыш всхлипнул, оказавшись на другой половине квартиры, они вошли в предпоследнюю дверь.

– А вот и моя комната!

Указав на письменный стол, зажатый между двумя шкафами, Карло сказал:

– Знаешь, что тут было? Твой дядя тут чуть концы не отдал, чтобы ублажить дедушку. Твой дед во что бы то ни стало хотел, чтобы я стал адвокатом.

Баюкая племянника, Карло присел на свою подростковую кровать, усадил малыша на колени и стал его легонько подкидывать. Тут Нико недовольно выгнул спину, Карло опустил ребенка, взял его за руку и обошел с ним свою пустующую детскую. В детстве он никогда не вешал постеры, кроме разве что карты Солнечной системы, которая все еще висела на стене. Рассматривая ее, свободной рукой он вытащил телефон. Она назначила ему встречу через три часа в кафе.

Карло посмотрел на малыша: это его успокоило. Когда сестра забеременела, он сказал: ты прекрасно знаешь что делать. А когда она этого не сделала, вся семья на нее ополчилась: тем хуже для тебя. К общему хору присоединился и он: тем хуже для тебя. Это были слова отца, главврача Доменико Пентекосте, высокого мужчины с приятным голосом и добрым взглядом, не привыкшего повторять дважды. И все же он был заботливым отцом: допоздна играл с Карло в железную дорогу, придумывая путешествия на «Восточном экспрессе»; перед сдачей на права учил водить «Ланчу Дельта»; после игр «Интера» на

стадионе «Меацца» ужинал с сыном бутербродами на скамейке. Голосовал за Беттино Кракси, Оккетто и д'Алему, коллекционировал трубки, хотя сам не курил. После того как утихли страсти, сказал, что при таком раскладе из внука получится тот еще сорвиголова.

Нико облюбовал верхний ящик письменного стола и попытался его открыть. Карло ему помог: внутри оказались цветные фломастеры и степлер.

– Пошли обратно, а? Что скажешь, Нико? Ты, наверное, проголодался.

– Он уже три раза ел.

Обернувшись, Карло увидел в дверях сестру.

Она подошла к ним:

– Почему бы и вам не завести малыша?

Увидев маму, Нико протянул к ней ручонки, она его чмокнула, но на руки не взяла.

– Ну конечно, у вас же на первом плане работа, книги, недвижимость, карьера.

– Сейчас не самый подходящий момент.

– Трусишь, да?

– Еще бы!

– А вот твоя жена не боится. – Симона подошла к полке с коллекцией смурфиков и опрокинула Благоразумника. – Она сейчас держит оборону в гостиной.

– В смысле?

– Конкордия.

– Вот блин!

– Они там на нее все прямо насели.

Карло потерся носом о мордашку племянника.

– Ладно, я пошел.

– И ради бога, поставь папу на место.

– У меня своих проблем по горло, Симо.

– Опять? – Она подняла Благоразумника и качнула стеклянный шар с Эйфелевой башней: внутри закружился снег. – Карло, не мучай жену.

Он взглянул на нее:

– Но ты-то себе в удовольствиях не отказываешь?

– Не отказываю. – И перебросила волосы на левое плечо, тонкие губы немного портили ее. – Вот только если...

– Если что?

– Если ты не влюбился.

– Нет.

– Повтори!

– Нет.

Сестра взяла на руки сынишку.

– Не мучай жену.

– Это ты мне читаешь мораль?

Они уставились друг на друга, а затем рассмеялись. У двери Симона вдруг обернулась и снова посмотрела на брата. Не сводя с нее глаз, он поднялся, подошел и обнял сзади, как делал в детстве – крепко-крепко. Сильнее, попросила она, он обнял ее еще крепче. Затем последовал за ней в гостиную. Маргерита сидела рядом с Пентекосте, а Анна пыталась застегнуть на Лоретте браслет.

– Куда вы запропалились? Нашли время! – сказала Лоретта, рассматривая запястье. – Смотрите, какую прелесть мне подарили!

– Замечательная вещичка. – Маргерита перевела взгляд на мужа. – Твой отец любезно предлагает помочь с покупкой Конкордии, но я ответила, что...

– Все к столу! Сегодня я чуточку по-другому приготовила креветочный соус – вы такого еще не пробовали! – Лоретта поднялась с дивана.

– Ура! Еда! – Симона направилась в столовую с малышом на руках.

– Я только сказал, что вы можете рассчитывать на нашу помощь. Карло, помнишь тот индийский инвестиционный фонд? – Пентекосте поправил очки на носу.

– Нет, не помню.

– В креветки я добавила перчинки.

– Этот фонд держится на плаву, но вот курс доллара вызывает опасения. Так что инвестировать в недвижимость выгодно и нам.

– И конечно же, телячьи хрящики в салате...

– Я уже сказала твоему отцу, что мы попробуем справиться и сами. Даже если для этого придется взять внушительный кредит, – продолжила Маргерита.

Пентекосте подошел к балконной двери:

– Взять девяносто пять процентов в банке – это не внушительный кредит. Это пожизненная ипотека.

– Папа, я тоже думаю, что мы справимся сами.

– Эта ваша дурацкая гордыня! – Доменико Пентекосте разглядывал вид за окном. – Не ваша вина, если вы перебиваетесь случайными заработками.

– Доменико, мне нравится моя работа, – возразила Маргерита, поднявшись. – И это не случайный заработок.

– У тебя есть перспективы, у Карло их нет.

– Но ему нравится преподавать.

– Ну хватит вам! Сегодня мой праздник, пойдемте уже к столу. – Лоретта взяла Анну под руку, но та вежливо отстранилась.

Пентекосте подошел к сыну:

– Я понимаю, что тебе нравится преподавать. Но, видишь ли, заниматься любимой работой шесть часов в неделю – этого недостаточно. А твои туристические каталоги? На это можно жить? Я только хочу сказать, – добавил он, глядя на сына, – нужно трезво оценивать свои перспективы. Вот и все.

Из столовой доносились крики Нико, Симона позвала всех к столу, и Лоретта к ней присоединилась.

Карло сел на диван:

– Ну и какие у меня перспективы? Продолжай, раз уж начал.

Пентекосте только беспомощно развел руками.

– Анна, а ты что думаешь? Какие перспективы у наших детей?

– Безграничные, – мгновенно ответила она, удивившись своей смелости. – Ведь у них есть выбор.

– Отличный выбор – стать заложниками банка!

– Зато они могут менять работу хоть каждый день! – И показала ему свои исколотые пальцы. – Им не нужно шить или лечить людей всю свою жизнь.

– Наши дети – рискованные капиталовложения. – Пентекосте снял очки и потер веки. – Мы тоже вытворяли глупости, но мы хотя бы доводили начатое до конца. Вот именно это я и хотел тебе сказать.

Анна сделала шаг ему навстречу:

– А вот я хочу тебе сказать, Доменико, что нельзя заставлять именинницу ждать.

– Иди за стол, пап, иди. – Карло бросил взгляд на отца с дивана.

Пентекосте тоже посмотрел на сына, опять снял, а затем надел очки и прошел в столовую. Подмигнув зятю, Анна проследовала за ним. Карло не сдвинулся с места. Дело было в очках, которые отец снял, а затем надел: значит, он был прав. Сними и надень: ведь можно заниматься литературой и с дипломом юриста. Сними и надень: не говори никому, что собираешься написать роман, тогда в случае неудачи тебе никто и слова не скажет. Сними и надень: как в тот вечер (он был еще подростком), когда «Интер» выиграл у «Ромы» кубок УЕФА со счетом 2:0 и его отец сказал перед телевизором: «Вместо того чтобы забить гол, ты бы пробил мимо, чтобы не расстраивать соперников. Даже с ударом, как у Маттеуса». Сын, готовый многим поступиться, – рискованное капиталовложение.

Маргерита, сияясь улыбнуться, проговорила, что нужно присоединиться к остальным. Потянувшись к ней, он взял ее за руку и дал понять, что хочет побыть один. Когда Маргерита вышла, он посмотрел на выглядывающую из-за окна липу на пьядца Аспромонте. К этому дереву он бежал по первому маминому зову, когда после школы шатался с соседскими мальчишками по улице.

Поднявшись, он прошел в столовую – все пробовали закуски стоя. В праздники блюда подавались в два приема: только после фуршета гости рассаживались за стол – мама тщательно продумывала, кого куда усадить. Ему досталось место в дальнем углу, у двери, рядом сидела Маргерита, а напротив – именинница, которую было не разглядеть за букетом лилий. Его мать, закованная в броню хороших манер, позволяла себе только малозаметные нарушения субординации: нервно покачивала ногой под столом, теребила часы на запястье, то и дело подмигивала детям, чтобы те поменьше дерзили, подавала блюда в разгар жарких споров. У нее дар подавлять малейшие признаки смуты. Этим она и занималась за праздничным столом: следила, чтобы день рождения прошел без нервных встрясок, под молчаливым оком мужа, рядом с Анной и Маргеритой и, конечно же, с Симоной и Нико, которые были в центре внимания.

Карло же интересовали только телефон в кармане и время, которое текло слишком медленно. Он не опоздает на встречу, скажет жене, что хочет пройтись, как случилось уже не раз после визита к родителям. Пока он накладывал себе в тарелку ризотто и поднимал

бокал за долголетие Лоретты Пентекосте, мысль о Софии словно свинцом сдавливала ему грудь. Если бы он смог отказаться от нее и написал, что не может прийти из-за неотложных дел; если бы удалил ее номер из контактов, смирившись с отъездом в Римини; если бы установил четкие границы для дрожи и тахикардии и перенаправил бы всю эту энергию на жену: трахал бы ее (у них это отлично получалось), ходил бы с ней в кино и по ресторанам, как это принято в нормальных семьях, завел бы ребенка (конечно же, сына) – если бы он смог... Однако правда в том, что иногда половое влечение – его конечное количество – мигрирует: выплеснуть его на одну означает обделит другую, а направить на обеих – не удовлетворить ни одну.

Он помог Лоретте убрать глубокие тарелки для ризотто, поставил на стол вареное мясо, соусы и горчичное мороженое, затем направился в туалет. Маргерита проследила за ним взглядом (это не ускользнуло от его внимания). Зашел в туалетную комнату, выложенную серой плиткой, и закрылся изнутри. Подошел к гранитному раковинному, расстегнул пояс и спустил штаны. Хотел убедиться, что все в порядке и нет специфического запаха. Осмотрел усмиренную, но сгоравшую от нетерпения плоть, затем спрятал все в хлопок и джинсы и взглянул на себя в зеркало: четко очерченные глазницы, растрепанные волосы и румянец на щеках. А когда через двадцать пять минут вынесли торт и мама задувала свечки под рукоплескания гостей, он вдруг понял, что не устоит.

Протягивая тарелку за своей порцией малинового «шантильи», нашел глазами Маргериту. Та сидела сторбившись – заколка не давала челке упасть на глаза – и дурачилась с Нико одновременно и чувственно, и по-детски, как удавалось только ей; боже, как он ее любил. Неторопливо доел торт, затем сестра, усадив ему на колени ребенка, сбегала в гостиную, вернулась с подарком и вручила его именинице. Лоретта долго возилась с упаковкой, затем, фыркнув пару раз, взяла в руки ножницы. Под гром аплодисментов и поздравлений он поцеловал малыша в шейку и прошептал:

– Дяде пора идти.

Прикинул, что немного опоздает, решил ничего не писать Софии и предоставить все на волю случая. В лифте сказал Маргерите, что ему нужно пройтись.

– Одному, – закончила она.

Он кивнул.

Анна пошарила рукой в сумочке и, щелкнув замочком, обратилась к дочери:

– Ты составишь мне компанию?

Маргерита, придерживая дверь подъезда, сказала:

– А если твой отец прав?

– Из него получился бы отличный партийный секретарь.

Анна взяла дочь под руку.

Поправив мамину руку, Маргерита спросила:

– Карло, ты надолго?

– Немного успокоюсь и вернусь.

Маргерита недолго поколебалась, затем вместе с Анной направилась к машине.

Карло шел мимо низких зданий с пастельными фасадами – район для молодых семей и студентов – ему казалось, что со времен его детства тут ничего не поменялось: все те же обувные мастерские и галантереи, широкие улицы с убегающими куда-то извилистыми дорожками. Вечером огни гасли, и эта часть города погружалась во тьму; такой Милан ему не нравился. Он это осознал, когда съехал от родителей на квартиру в районе Порта Венеция. Там он наслаждался новой архитектурой, проводил время во дворе, пока другие спали, вливался в шум соседских вечеринок с тостами на посошок, прислонялся к углу своей улицы и смотрел на город – такой же беспокойный, как и он сам.

Десять минут у него ушло на то, чтобы добраться до остановки такси на пьяццале Пиола. Подъезжая к месту встречи, он все сильнее ощущал внутренний трепет сродни меланхолии, оттого что ничего не мог с собой поделаться. Карло вышел из такси около базилики Сан-Надзаро-Маджоре, обошел яму возле индийской закусочной и поспешил к университету. Вдалеке по теневой стороне уже виднелось кафе – у входа никого не было. Приблизившись, он увидел ее. Она сидела внутри за одним из столиков и листала журнал. Сквозь витрину ее волосы казались янтарными, узкие джинсы касались туфель на широком каблуке. Он постучал по стеклу.

София вышла к нему, он извинился за опоздание и поблагодарил за то, что она пришла. Девушка сказала, что у нее поезд в шесть и ей нужно успеть отправить книги – она их уже упаковала в две коробки –

и вернуть ключи хозяину квартиры; к счастью, нашелся новый студент-квартирант и ей возместят аренду за месяц. Носком туфли она вычерчивала полукруг и то и дело поднимала на него глаза. Ее волосы ниспадали с одной стороны: вот бы приобнять ее талию и ощутить их запах, как тогда в туалете. Он вызвался помочь ей с коробками. От смущения в его речи появился странный акцент.

– Да я сама справлюсь. В два захода.

– Как хочешь.

Он уговорил ее немного пройтись. Когда они оказались на площади, он снова предложил ей свою помощь.

Она рассмеялась. Улыбнулся и он.

– Руки у меня сильные, – убедительно сказала она.

Какое-то время они шли молча, бок о бок, на пешеходном переходе на пьядца Диас София его обогнала, наблюдая за ней сзади, он решил, что пойдет на что угодно, лишь бы переспать с ней. Достав из кармана жевательную резинку, угостил Софию и предложил сесть в такси. Она немного поколебалась, затем согласилась. В машине она дважды назвала адрес – виа Поллайоло, два, на Острове – и откинулась на сиденье, скрестив ноги. По дороге они почти не разговаривали, он уставился в окно. В районе китайского квартала ему почудился «Поло» с Маргеритой и Анной внутри, присмотревшись повнимательнее, он понял, что это «Ланча У» с совершенно незнакомыми ему людьми. По прибытии он расплатился с таксистом. София попыталась было возразить, но он в шутку стал выталкивать ее из машины – это сильно рассмешило Софию. Выбравшись наружу, они очутились перед зданием цвета выжженной соломы.

– Вот тут я и жила.

– Знаешь, раньше я был завсегдатаем во «Фриде». – Он указал на внутренний дворик напротив ее дома: там виднелась летняя терраса с большими темными окнами.

– Тут нет лифта.

– Видишь, все-таки моя помощь будет нелишней.

Поднимаясь ступенька за ступенькой, он любовался ее бедрами, икрами в узких джинсах, тем, как она ставила ногу на кончик туфли, и чувствовал себя нерешительным и ведомым ею. Он шел, опираясь о перила, на лестничной клетке второго этажа они сделали передышку, затем он прошел вперед и протянул ей руку. София ухватилась за нее,

и наверх они поднялись уже вместе. Затем девушка отстранилась, порывшись в сумке, нашла ключи, открыла дверь и сказала:

– Располагайся.

Они оказались в прихожей с вешалкой в виде дерева (на ветках которого ничего не висело), на тумбочке стоял железный ящичек для всякой мелочи, в глубине виднелся кухонный уголок.

София прошла в комнату; окно, выходящее на крыши Острова, пропускало внутрь апрельское солнце; в вазоне цвели яркие примулы. Около кровати стояли две открытые коробки с книгами, рядом лежали ножницы и рулон скотча.

– Давай я их упакую, – сказал Карло, присев на корточки, взял в руки скотч и больше не думал ни о чем, кроме коробок.

Внутри заметил «Страстную субботу» Фенольо и другие книги курса, чувствуя, что она наблюдает за ним с другого конца комнаты, сказал:

– Перечитывай Фенольо хоть иногда.

Покончив с коробками, сел на край кровати и расстегнул куртку. София по-прежнему смотрела на него не отрываясь.

– Спасибо, – проговорила она.

– Иди сюда, – сказал он.

Но она не шелохнулась.

– Ну иди же.

Опустив голову так, что волосы почти скрыли лицо, она приблизилась. Карло протянул руку, нашел ее ладонь – как тогда, на лестнице, – и притянул девушку к себе. София осталась на ногах, и он обнял ее сидя. Стал ласкать макушку, затем спустился ниже, к шее, другой рукой придерживая ее за лопатки. Она вся сжалась и пробормотала:

– Не надо.

Но он зарылся лицом в девичьи волосы, пахнувшие свежестью, обвил руками талию, такую тонкую и изящную, повернул ее к себе спиной, как в туалете, и спустился к бедрам. Она приподняла на несколько сантиметров майку, обнажив для него гладкую и теплую кожу, и тяжело задышала. Обхватив ягодицы, ощутив их структуру и округлость, он притянул ее к себе еще ближе, и в тот миг, когда он ощутил прижавшееся к нему тело, раздался ее шепот:

– Не надо.

Он опешил.

– София!

Она обернулась:

– Не надо.

Он прильнул к ней ртом, ее раскрывшиеся губы сулили надежду. Он покрывал поцелуями уста, чувствовал влажный язык, затем она легонько отстранилась.

– Это какой-то бред, Карло.

Ее щеки зарделись, она перебросила волосы с одной стороны на другую и, протянув руку к его пылающей щеке, погладила ее. Он предпринял новую попытку, но София отстранилась. Не вставая, чувствуя разбитость во всем теле, оперся руками о кровать. Затем поднялся и посмотрел на нее сверху вниз: девушка не сводила с него взгляда.

– Это бред, – проговорила она.

– Никакой это не бред.

– Бред!

– Пойдем отсюда, – сказал он, окинув взглядом крыши за окном и цветущие примулы. – Пойдем, я сказал. – Он взял в руки коробку, проходя мимо нее, почувствовал, как она крепко сжала его руку, – это пожатие он запомнит надолго. Вырвавшись, направился к выходу, с трудом открыв дверь, услышал ее зов и стал спускаться с книгами – чертовы книги, от них так ныли руки, – по ступенькам. Спустившись вниз, открыл дверь подъезда – все зря, опять все зря!

Когда София его догнала, он дал ей знак идти вперед. Так они и шли по виа Пепе – она спереди, а он следом – под гул поездов, доносящийся с пьядца Гарибальди. Возле офиса «Mail Boxes» она пропустила его вперед, в очереди у кассы был только один человек; поставив свою ношу в угол, Карло опустил рядом и коробку Софии.

Затем, не оборачиваясь, вышел на улицу и почти бегом вернулся по виа Пепе, свернул к метро и по переходу перешел на противоположную сторону. Прислонился спиной к фасаду какого-то здания: в этом вся его суть – остановиться в шаге от цели, тешиться фантазиями, а как только на горизонте замаячит расплата, сразу же укрываться в стенах дома. Он вытащил телефон, отыскал номер жены и нажал на вызов. Прокашлялся, но трубку так никто и не взял.

Анна сказала Маргерите, что ей звонит Карло.

– Потом перезвоню.

Анна корила себя за то, что потащила с собой дочь, за то, что пошла на этот день рождения, за то, что снова пожертвовала своим спокойствием. Стиснув сумку в руках, она сказала:

– На кладбище я пойду одна.

Маргерита свернула в туннель около центрального вокзала.

– А я?

– Ты пойдешь первой.

– Все хорошо, мам?

Ну почему нужно что-то объяснять, когда тебе уже стукнуло семьдесят? Она сидела, скукожившись на сиденье, а внутри нее все кипело. Анна собиралась навестить покойника в месте вечного упокоения, поэтому ей хотелось обрести хоть толику покоя. За всяким концом следует начало, так сказал один клиент, заказавший каракулевое пальто; на мгновение ей показалось, что Маргерита переживает из-за этого сильнее, чем в свое время переживала она. Анна посмотрела на дочь, та одной рукой вела машину, а другую прижимала к себе, откинув голову к сиденью: Анна будто бы впервые взглянула на дочь со стороны. Маргерита показалась ей красивее, чем обычно, и дело было не в серьгах с подвесками и не в блеске уставших глаз, а в чем-то ином: у нее был такой же отсутствующий вид, как в юности, когда она грезила наяву под звуки магнитофона в постели. Ей хотелось сказать: ты такая красивая. Но она промолчала и любовалась Маргеритой по-новому. Коснулась сережки, тронула прядь волос. Оставшуюся часть пути они ехали молча. Прибыв на место, Анна отдала дочери телефон и сумочку и стала ждать своей очереди.

Опустив стекло, Анна почувствовала запах кипарисов и увядших цветов, затем подняла глаза на ворота из кованого железа, окрашенные в карминовый цвет. Вскоре на кладбищенской аллее мелькнул силуэт возвращавшейся Маргериты. Встретившись с дочерью у ворот, теперь уже Анна спешила по дорожке из гравия; пройдя мимо полянки и крайних надгробий, она оказалась у третьей с конца могильной плиты, прямо напротив фотографии:

– Это я, Франкин.

Анна стояла в тишине: ей не хватало мужа, и они обе это знали. Подойдя ближе, она протянула руку к искусственным розам, вытащила

их из железного рожка; какие-то листья уже пожелтели, с трудом их оторвав, она отложила сор в сторонку, а букет оставила на земле. Заглянула в пустой объемный рожок, они выбрали его вместе с Маргеритой для букетов среднего размера. Обе были довольны таким хоть и неэстетичным, зато практичным вариантом. Взяв в руки сумку, достала открытки, сверху лежала карточка со штампом Бормио; оставив их у могилы, отправилась за лейкой к фонтану. Набрав воды на треть, вернулась и вылила на открытки.

Подождала, пока они впитают воду, затем поливала еще и еще, и когда они окончательно разбухли, измельчила все в кашу. Собрав жижу, затолкала в рожок. Делала она это тщательно, чтобы на земле не осталось ни клочочка. Затем подняла розы и поставила их на место: теперь букет плохо умещался внутри; с досадой она все-таки опустила его на место:

– На тебе твою Клару!

Она пересчитывала все девятью ступенек в доме на корсо Конкордия каждый раз, когда навещала дочь. Уже через месяц после переезда она взяла в привычку делить стоимость квартиры на количество ступеней и на калькуляторе подсчитала, что на каждый шаг выходило по четыре тысячи евро с копейками плюс проценты по ипотеке, которую Маргерита и Карло взяли в «Дойче Банке» на тридцать лет. Итак, с каждым шагом сумма увеличивалась почти на пять тысяч. Она взбиралась на четвертый этаж, и на ее ногах гирей висели долги дочери, Карло, да и всех остальных: это был ее вклад в усилия семьи, инвестировавшей в кирпичи, как сказал бы Франко. Ведь она настояла на покупке и теперь тащила на себе бремя вины: четыреста шестьдесят пять тысяч евро за сто двадцать квадратов без малейшего намека даже на грузовой лифт для чемоданов и коляски, но ее дочери так полюбился свет в гостиной, что Анна не стала ее отговаривать. Подъем наверх портил ей настроение, а спуск приносил облегчение, ей казалось, что с каждым шагом долги Маргериты и Карло убывают: спустившись на первый этаж, она представляла их в самом начале совместной жизни – беззаботными и счастливыми в съемной однушке. Минус сто тысяч от Пентекосте, минус тридцать пять тысяч ее накоплений: засев за шитье, она по крайней мере помогла им с мебелью и шторами, хотя у нее и болели руки.

Гадалка сказала ей, что 2018-й будет для них хорошим годом, прежде всего для ее внука – не в последнюю очередь из-за его молчаливого характера. Она любила детей, знавших свое место, ей казалось, что в этом мальчик пошел в ее мужа, хотя в глубине души надеялась, что это не совсем так. Когда она оказалась на предпоследнем пролете, в подъезде погас свет. Поленившись возвращаться на лестничную клетку, чтобы его зажечь, она схватилась за перила и стала думать о том, что дают ей эти два часа, проведенные с внуком. Это было истинным счастьем, не каким-то там второстепенным, а вполне очевидным счастьем – окочуриться, не познав этого чувства, было все равно что проворонить взятие Бастилии. Улыбнувшись темноте, она неудачно поставила ногу, ей казалось, что она сумеет удержаться, однако нога ее подвела. Анна попыталась помочь себе рукой, однако когда открыла глаза, поняла, что за все свои семьдесят лет еще не испытывала такой гадкой боли.

Очнувшись вверх тормашками на половике у основания лестницы, она разглядывала свои ноги на темных ступеньках. Когда она попробовала сдвинуться с места, ее пронзила острая боль. Левая нога и правая рука совершенно не слушались. Здоровой рукой она подтолкнула себя вниз, чтобы съехать на коврик. Как бы там ни было, а кричать она не станет. Напрягшись, она соскользнула на пару сантиметров, теперь до железных перил было рукой подать, она могла бы ухватиться за них и, приподнявшись, сумела бы сесть, но боль в ноге была нестерпимой. По ее щекам текли слезы, но она не издала ни звука. Опершись локтем о коврик, она придвинулась к стене, помогая себе рукой, разогнула спину, со второй попытки ее плечо коснулось стены, Анна выпрямилась и села.

Нога пульсировала, задрав юбку, она заметила, что поврежденные бедро и плечо сместились, подтянув к себе обездвиженную руку, прислушалась – не было слышно ни звука. Дом чем-то напоминал деревенский, это пришло ей в голову, когда Маргерита и Карло привезли ее сюда в первый раз. Тихий дом в густозаселенном районе в самом сердце Милана. Тут было четыре квартиры, по одной на этаж. Прикидывая, из какой двери ждать подмогу, она вспомнила про телефон: сумка осталась на середине лестничного марша. Пытаясь сдвинуться с места, она рухнула назад и простонала:

– Помогите... Да помогите же мне!

Ей стало неприятно от звука собственного старческого голоса, разносившегося эхом по элитному подъезду.

– Помогите же мне!

Прислонив затылок к стене, она прикрыла глаза и притихла, ей показалось, что время остановилось. Затем вздрогнула от щелчка замка в двери подъезда, кто-то зажег свет – это был адвокат с третьего этажа. Когда он наклонился к ней, чтобы помочь, она попыталась улыбнуться, и ей стало неловко. Анна сказала, что ее дочь дома, адвокат поспешил наверх, а она тем временем попыталась привести себя в порядок. Поправив юбку и шерстяной гольф, закашлялась от боли. Сверху раздавались шарканье ног, дребезжание звонка, голоса, наконец с лестничной клетки выглянула Маргерита, которая в ужасе смотрела на нее.

– Все нормально. Вот только эта нога.

Маргерита была хороша. Ее длинные, как в детстве, волосы ниспадали на лицо, а беспокойство смягчило черты. Килограммы, набранные во время беременности, пошли ей на пользу. После рождения ребенка они снова стали сплетничать и чаевничать как подружки.

– Кстати, плечу тоже досталось.

– Не волнуйся, мам, я сейчас.

Дочка сбежала вниз и погладила ее. Осмотрев ногу, достала телефон и вызвала «Скорую».

– Я и сама справлюсь.

– Синьора, не шевелитесь! – сказал адвокат.

– У меня ноет спина.

Когда ей помогли принять горизонтальное положение, она вспомнила, как они переносили Франко на противоположную кровать, – стиснутая челюсть и глаза, стыдливо опущенные в сторону, – из ее глаз потекли слезы.

– Мама, успокойся, все будет хорошо.

Она кивнула и сжала теплую и сильную руку дочери. Да и Маргерита поразились силе и теплоте материнской руки. Ей повезло – Анна была не робкого десятка и не выставляла напоказ собственные страхи. Дрожа, Маргерита гладила ее по голове до тех пор, пока мать не положили на носилки и не погрузили в машину «Скорой помощи». Затем ей пришлось оставить Анну и вернуться к Лоренцо.

Она бегом стала подниматься по лестнице; мучительный холод, сковавший Милан в последних числах февраля, пробирал до костей. Держась за перила, она в который раз вышла из себя из-за отсутствия лифта. Владельцы квартир из соседнего дома возражали против его установки по техническим причинам, да и Маргерите, когда она торговалась с бывшей хозяйкой, это было на руку. Она провернула все так виртуозно, что испытывала гордость и сейчас, по прошествии девяти лет, пока бежала по ступенькам наверх, чтобы укрыться за бронированной дверью собственной лжи. В уголке Лоренцо раскрашивал в альбоме Пимпу, она сказала ребенку, что бабушка сломала ногу и им придется срочно отправиться в больницу. Мальчик внимательно на нее посмотрел, закрыл фломастер и поднялся на ноги. Маргерита натянула на него пальто и шарф, и ребенок, прихватив рюкзачок в форме кролика, стал ждать ее у выхода. Пока они в спешке спускались по лестнице, Маргерита достала телефон и набрала Карло:

– Дорогой, мама...

– Я уже захожу. Перезвоню, когда все закончится.

– Мама упала с лестницы!

И прикусила язык: она не хотела вываливать на него все прямо перед собеседованием. Ей пришлось постараться, чтобы убедить его не мчаться в больницу: она боялась, что муж никогда не устроится на работу. Временами она его недооценивала. А ведь ему не раз приходилось принимать решения и за нее. Она вспомнила, как он не стал делать трагедии из заключения врачей, настаивавших, что за мутизмом Лоренцо нужно постоянно наблюдать. Для нее это превратилось в навязчивую идею, даже теперь, хотя выдержка сына и дарила ей минуты спокойствия. Пока они ехали в больницу на такси, она наблюдала, как ребенок, просунув голову между сиденьями, рассматривал приборную панель гибридного авто, а таксист рассказывал ему, почему загорается то синяя, то красная лампочка, и ребенок кивал в ответ, будто бы все понимал, – Лоренцо действительно все понимал. И натянутые отношения между родителями, и то, что бабушка была его защитницей, и как произвести впечатление на товарищей в детском саду.

Когда они прибыли в «Фатенефрателли», санитар попросил их подождать в приемном покое.

– Я могу переговорить с врачом?

– Мы вас скоро пригласим, присаживайтесь.

Заметив свободное местечко у кофейного аппарата, Лоренцо, достав фломастеры и раскраску, удобно устроился на коленках. Маргерита осталась стоять, уставившись на больничную дверь. Она порылась в сумке, чтобы отвлечься: книги не нашлось – впрочем, в ее сумке давно уже не было книг. Открыла ежедневник, раздумывая, что делать с сегодняшними встречами. Отослала письмо сотруднице и не сводила глаз с телефона до тех пор, пока не пришел ответ: в агентстве сегодня обойдутся без нее. Маргерита сжала телефон в руках.

Лоренцо поднял на нее глаза.

– Все хорошо, солнышко.

Если завтра она не попадет на работу, то рискует упустить пару сделок. Присев, она погладила ребенка по макушке, за ушком у него вились мелкие кудряшки, которые пахли панакотой. Поднявшись, Маргерита немного прошлась, нашла в списке контактов телефон Пентекосте, затем передумала. Ей не хотелось прибегать к привилегированному положению свекра и получить более качественное медицинское обслуживание, тем самым записав на свой счет еще один должок. Она и так приняла от них деньги на Конкордию, потакая собственному капризу, потому что *она* хотела ту квартиру. Вероятно, это сыграло свою роль и в маминых переломах: когда она увидела Анну в ортопедическом отделении через пару часов, то потеряла дар речи:

– Мама...

Анна приоткрыла глаза:

– Скверный перелом.

Маргерита коснулась ее холодной щеки.

– Не переживай, худшее позади.

– В меня что-то воткнули, – сказала она, показав на пластиковую трубку, свисавшую с койки, – и еще на меня надели...

– Не волнуйся.

– Подгузник...

– Все будет хорошо.

– Эй! Молодой человек! – Анна повернула голову к внуку. – Бабушка хотела полетать, как Супермен, но ничего не вышло.

Мальчик с серьезным видом дотронулся до гипса на руке.

Маргерита окинула взглядом палату, из пяти коек только рядом с женщиной в углу кто-то сидел. Еще на входе она вспомнила, как сюда привезли Андреа после укуса собаки: взглянув в окно, узнала дом напротив, но в прошлый раз их поместили тремя этажами выше. Тот дом уже отреставрировали, и улица стала пешеходной. За эти годы, незаметно для них самих, их связь с Андреа только окрепла (хоть Маргерита и не понимала почему), поэтому она многим с ним делилась. Взяв в руки телефон, она написала: «Мама упала и переломала себе кости на МОЕЙ лестнице, что ты там говорил про телесную карму?»

Сообщение пришло Андреа, пока он дожидался последнего ученика. Перечитав его, вспомнил, как когда-то говорил Маргерите о том, что ее обман с Конкордией может выйти боком и стать причиной самых неожиданных проблем со здоровьем. Работая с человеческим телом, он пришел к выводу, что противоестественные действия отражаются на всем организме. Значит, наше тело – это судилище, подытожила она.

Тут он увидел у входа в парк Равицца спешившего к нему ученика. Ноги от холода окоченели, а от работы в газетном киоске слипались веки. Ему не терпелось освободить это восьмидесятикилограммовое тело от десяти процентов жира. Джорджо был заядлым велосипедистом и ценил его как тренера. Андреа же называл его учеником, как и остальных.

Он наблюдал, как Джорджо снимает куртку и завязывает кудрявые волосы в хвост.

– Как дела на работе?

– Просто валюсь с ног.

– Давай разминайся. – Написал Маргерите, что перезвонит позже, и дал знак Джорджо ускориться.

Всякий раз, видя Джорджо на тренировке, он понимал, почему влюбился. Надев на Джорджо утяжелители, они приступили к отжиманиям с минутным перерывом. Чтобы увеличить нагрузку, Андреа давил рукой на спину Джорджо, это была правая рука – от большого пальца к указательному тянулся заметный шрам. Он больше не ездил к ореху, под которым они закопали Цезаря. Через какое-то время после смерти пса он снова принялся колесить на машине по ночным окраинам: районы Роццано и Барона, широкие улицы с

железными ставнями, исполосованными граффити, и с курильщиками во дворах, так он чувствовал себя куда лучше, слушал Карбони, порой выбирался в исторический центр к строящимся павильонам «Экспо», этим живым мемориалам, ехал по дорогам, которые никуда не вели, затем любопытство привело его к закоулкам напротив Триеннале. Он медленно проезжал по ним, разглядывая машины на обочинах – то пустые и темные, то занятые. Как-то вечером он тоже припарковался у обочины с включенными фарами – Radiohead играли Reckoner. Практически сразу в окно постучали. Около машины стоял средних лет незнакомец, в распахнутой рубашке, с ухоженной бородой и вежливой улыбкой. Разблокировав дверь, Андреа пустил его внутрь, прикрутил магнитолау и откинул сиденье назад. И сам удобно расположился, в то время как незнакомец запустил руку под его футболку и расстегивал ему штаны: Милан прекрасен даже из окна машины – прозрачные ночи в жаркую пору. С тех пор на Триеннале он соглашался только на минет. Иногда, пока кто-то трудился у него между ног, он думал о Маргерите, о том, как это было с ней: ее искусные губы и его замешательство от такой неожиданной опытности.

Держа руку на спине у Джорджо, в конце пятого подхода он нажал сильнее, чем следовало, и Джорджо рухнул на коврик, утащив с собой вниз и его: оба расхохотались. Андреа с трудом изображал непринужденность, хотя в последнее время и с этим стало получше. В этот зимний вечер они очутились на земле, и февральский холод покалывал им лица. Андреа уволился из «ФизиоЛаб» практически сразу: устав чинить человеческие тела, он решил делать их сильнее. Он брал сорок евро в час, и его время было расписано по минутам, потому что в первой половине дня он работал в киоске. Продай его, сказал отец, выйдя на пенсию. Я оставлю его себе, ответил Андреа.

В утреннем сумраке София поднимала железные ставни хозяйственного магазина. Зимой они открывались раньше: в полвосьмого. Толкнув дверь, она замерла на месте: бумажный пакет, привязанный за красную ленточку, свисал со стеллажа у витрины. Обернувшись на парковку Ларго Бордони, она надеялась увидеть серебристый «Гольф»: в прошлый раз Томмазо ждал в машине, чтобы не пропустить ее реакцию на сюрприз.

С пакетом в руках она вошла в магазин, зажгла свет и заглянула внутрь: в пакете были эклеры с ореховым кремом. Подумала, что стала привыкать к сюрпризам, как жители Римини привыкают к праздничному настроению. Ее пугало, что это все из-за возраста: тридцатилетие – время привыкания и запоздалых бунтов. Под видом бунта она постриглась под мальчика и встречалась с мужчиной, который тайком приносил ей завтраки на работу. Прикрыв глаза, она с наслаждением съела пирожные в полумраке; по утрам в магазине всегда стоял запах древесины.

Поблагодарила Томмазо, отправив восклицательный знак – это было их символом. Затем включила освещение, радио и окинула взглядом магазин – все ли на своих местах. Выставила на стеллажи подставки под вазоны и лейки для полива. Было холодно, и от моря поднимался туман, который вряд ли рассеется раньше полудня. В магазине все еще стояла витрина с товарами для дома, не проданными в праздники, можно было снизить цену на тридцать процентов, ничего не убирая, – она не любила разбирать рождественские витрины. София прошла за прилавком, с вешалки на нее смотрел синий рабочий халат, мама проходила в нем десять лет, и недавно отец снова принес его в магазин. Он придет ближе к полудню и скажет, что в приличном магазине нужно стоять у прилавка в рабочей одежде, но она пропустит его замечание мимо ушей.

Через три года после побега из Милана она уговорила отца вернуться в магазин. Когда она выставляла фотографии в «Инстаграме» – стеллажи с товарами или угол прилавка с книгой на первом плане, – они собирали не менее двухсот пятидесяти лайков. Словно и по ту сторону экрана разделяли ее чувства: книги пускали в ней корни только тогда, когда она проживала их на рабочем месте, за прилавком. Хотя порой ей достаточно было взглянуть на вывеску «Хозяйственные товары Казадеи», чтобы ощутить нечто похожее на радость.

Без десяти восемь появился первый покупатель, искавший штукатурку, два десятка обойных гвоздей и четыре железных дюбеля. На своих сильных ногах София забралась на стремянке к верхним полкам с товаром, затем упаковала гвозди и дюбеля в газетную бумагу. Дала сдачу и, как только за клиентом захлопнулась дверь, решила, что пора. Вытащила из сумки «Сильвию» Леонарда Майклса. На обложке

кирпичного цвета была изображена женщина в постели с обнаженной грудью: это была история о возвращении домой после учебы в университете. Девушка и парень, непорочная молодость, огромный Нью-Йорк и довлеющая над ними судьба.

Она несколько раз сфотографировала книгу при правильном освещении, затем обернула в бумагу, в которую заворачивала покупки, и опустила в толстый почтовый конверт. Запечатала бандероль и с замиранием сердца вывела адрес печатными буквами.

Карло поднял сумки и заспешил по улице к Навильи, на подходе к книжному магазину у него появилась отдышка. Зайдя внутрь, поздоровался, достал книги, выложил их стопкой на прилавок и стал ждать, когда назовут цену. Ему могли предложить за них восемьдесят пять евро. Отлично, согласился он: ему было неловко торговаться. Стыдливо оглянулся кругом: для себя он решил, что эти деньги потратит на Маргериту – ужин в ресторане или букет цветов. На вырученные в прошлый раз тридцать пять евро он купил себе шерстяной галстук. Карло протянул документ, заполнил бланк, вместе с паспортом ему выдали наличные. Поблагодарив, поинтересовался, не нужны ли им сотрудники.

– Оставьте свое резюме. К сожалению, на данный момент у нас нет свободных вакансий.

Кивнув на прощание, он вышел из магазина. Крепко сжав банкноты в руке, перешел по железному мосту на противоположную сторону; от холода над водой струился пар. Вокруг не было ни души, порой ему казалось, что он остался в Милане совершенно один. Взглянув на часы, заторопился, на ходу свернул тканевые сумки и вошел с ними в бар. Ее еще не было. Выбрал столик в углу и заказал кофе. Не спускал глаз со входа, пока ему не принесли заказ. Наконец с занятым видом показалась она с двумя каталогами.

– Привет, – сказала она, разматывая шарф.

– Прости, что ради меня тебе пришлось сюда тащиться.

– Сегодня на работе тишина, я же тебе говорила. – И заказала себе кофе. – Как дела?

– Теща сломала бедро.

– Ой! Сочувствую.

– Теперь вот лежит в больнице.

– Ну а ты?

– По утрам – нормально.

– А потом не знаешь чем себя занять.

Он кивнул.

– С тех пор как ты уволился, из Микеле и слова не вытянешь. – Ее скулы зарделись от холода. – Я скучаю по тебе.

Его взгляд стал серьезным.

– Почему только два каталога?

– На Канаде ты заработаешь на треть больше. Второй – о Шотландии – вообще сделаешь одной левой. Срок – конец февраля.

– Сколько?

– Восемьсот пятьдесят, но сразу же пришли счет.

– Скажи им, что мне нужно три каталога. Они же обещали.

– В университете что, тоже ничего?

Он покачал головой.

– Возможно, что-то выгорит в другом месте. Посмотрим.

– Где?

– В Bell'Italia.

– Звучит недурно.

– Скоро у меня еще одно собеседование, там лучше платят.

– А что там?

– Маркетинг: пиво и напитки.

– Пиво и напитки?

Карло потянулся за каталогами, она сделала то же самое, и он коснулся ее руки.

– Знаешь, так странно видеть твой стол пустым.

Карло опустил глаза в чашку, на дне проступил чей-то безносый профиль; жаль, что он не умеет гадать на кофейной гуще. Они сидели молча, она теребила край свитера. Под левым глазом у нее размазалась тушь, для Карло она была все той же двадцатилетней девчонкой, расторопной стажеркой, которая пришла в редакцию много лет тому назад. С Микеле они решили, что она похожа на Одри Хепберн.

Карло взял каталоги.

– Всегда хотел побывать в Канаде. Спасибо, Ману.

– Пройдемся?

– Ты не торопишься на работу?

– Я отпросилась на пару часов.

Она вытащила из сумки и надела шерстяной берет, оттенявший ее темные глаза. Выйдя из бара, они дошли до Навильи Павезе. В январе отсюда убрали все лодки, и они даже не сразу поняли, куда попали. У перекрестка Карло сказал:

– Мне нужно забрать сынишку из садика.

Не доходя до светофора, Мануэла резко остановилась:

– Прямо сейчас?

– Да, прямо сейчас.

– Тогда пока! – Она улыбнулась и пошла по переходу в обратную сторону. Улыбнувшись ей в ответ, он подождал, пока ее фигура скроется за углом. Затем направился к детскому саду.

Перед входом стояло дерево с длинными ветками и красными листьями. На ветках сидели белки, одна славка-черноголовка и еще белки. Через окно он увидел детишек, собравшихся вокруг воспитательницы. Лоренцо сидел по-турецки, при каждом движении кофта топорщилась на нем из-за согнутых плеч. Порой он представлял сына взрослым – вежливым и сильным парнем.

Заметив входящего отца, ребенок бросился к нему со всех ног. Карло зарылся носом в детское ушко и шумно выдохнул – малыш зашелся от смеха. Затем надел на ребенка ветровку и предупредил, что им нужно зайти в университет, забрать почту. Однако перед этим они заглянули в пиццерию: они всегда брали один кусок пиццы на двоих и поедали его, забравшись на высокие барные стулья. Запив пиццу кока-колой, Лоренцо рассказал отцу, что Филиппо Гаттеи встречается с Франческой Векьетти. Карло поинтересовался, счастлив ли Филиппо. В последние дни ребенок был разговорчив, и они решили не упускать такой шанс.

Лоренцо кивнул, а затем сказал:

– Бабушка Анна умрет.

– С чего ты взял?

– Она же ногу сломала.

– Бабушка скоро поправится и вернется домой.

– Мама по телефону говорила, что боится.

– Кому она это говорила?

– Тете Симоне.

– Ну, знаешь, взрослые всегда так говорят.

Мальчуган оставил на салфетке последний кусочек пиццы.

– Я тоже боюсь.

Карло его поцеловал.

– С бабушкой все будет хорошо, мышонок.

В машине Лоренцо смотрел в окно, и Карло включил радио. Сынишка беззвучно напевал в такт музыке и перестал только тогда, когда они подъехали к воротам университета. Взяв ребенка на руки, Карло подошел к смотрителю и назвал имя и фамилию. Тот порылся в стоявшей на полу коробке и протянул ему плотный почтовый конверт. Увидев, что письмо без обратного адреса, Карло догадался, что оно от нее. Держа Лоренцо за руку, он пошел обратно, у выхода помедлил и оглянулся на туалет. Керамическая плитка и неоновый свет, шум от сливов и отблеск в зеркалах. Сжав детскую ручонку, спросил:

– Ты хочешь по-маленькому?

Ребенок ответил, что нет.

Однако они все равно туда вошли. На ручомойниках поменяли краны. Двери двух кабинок были приоткрыты: недоразумение. Тут он узнал, что собственные желания могут выходить за установленные рамки. Другие женщины у него появлялись вовсе не в качестве замены Софии Казадеи. Как-то через три месяца после ее возвращения в Римини Карло работал над каталогом о Мартинике, затем встал, прошел в соседнюю комнату к Мануэле и пригласил ее днем в кино. Он застал ее врасплох и, услышав робкое «да» от чужой невесты, весь затрепетал. Выждав полчаса, они вышли поодиночке и встретились у кинотеатра «Орфео», сели рядом друг с другом в темном зале так, что их ноги соприкасались, и с замиранием сердца смотрели фильм до самых финальных титров, а после прогулялись вдвоем, все время оглядываясь, как бы их не увидели вместе. Затем попрощались, Карло вернулся домой, с чувством неудовлетворенности обнял Маргериту и еще раз ощутил, каким образом интрижки на стороне отражаются на семейном очаге.

– Папа! Я хочу пи-пи.

– Вот видишь. Я же говорил.

Он зашел с Лоренцо в кабинку и помог малышу спустить штанишки. После журчания мочи к запаху аммиака присоединился и запах его сына. Карло нажал на слив, они вышли и сполоснули руки. Уже во дворе он решил повременить с конвертом. Взглянул на сына, у того была особая манера выражать свои желания: то, как он тер руки,

как сильно обнимал родителей, какую позу принимал. Лоренцо никогда ничего не требовал, словно считал свои просьбы чем-то неестественным. Карло с Маргеритой научились угадывать его потребности.

– Хочешь – навестим бабушку Анну?

Ребенок улыбнулся и радостно побежал к машине. У него были каштановые волосы, и в радужных оболочках глаз пестрели черные крапинки, поблескивавшие, когда он рисовал, смотрел мультфильмы или носился по квартире на виа делле Леге. Анна разрешала ему наряжаться мушкетером хоть каждый день и с дивана отражала его атаки игрушечной шпагой. Подъехав к «Фатебенефрателли», они еще долго кружили вокруг в поисках парковки. Затем он вскрыл конверт. Внутри была книга, завернутая в газетную бумагу: роман Леонарда Майклса «Сильвия». Карло достал телефон, зашел в «Инстаграм» Софии и увидел эту же книгу на прилавке хозяйственного магазина. Он вздрогнул.

Эта книга стала уже третьей. Все три пришли за последние полтора месяца, во всех трех конвертах не было ни записки, ни имени отправителя, все три были обернуты в газетную бумагу, а адрес указан печатными буквами. Первой пришла «Страстная суббота». Карло сразу же заметил «Римини» на почтовом штампе. Чем сильнее росла его уверенность в том, что это она, тем меньше ему хотелось докапываться до истины. За эти девять лет он лишь изредка просматривал ее профили в «Фейсбуке» – ее новая стрижка вызвала в нем сумбурные чувства – и в «Инстаграме». Однако она все еще жила в его фантазиях: тот день в ее комнатке на Острове, он трахает ее на письменном столе, в окне виднеются крыши Милана, они вместе на голом матрасе, он наконец-то... Даже сейчас, когда он нес в одной руке сына, а в другой – рюкзачок в форме кролика, направляясь к теще, ему хотелось пережить все это заново.

Когда они оказались в отделении, дверь в палату была закрыта. Ожидая в коридоре, они услышали доносившиеся оттуда крики. Лоренцо подошел поближе и стал подсматривать в щелочку, стараясь приоткрыть дверь. Карло попросил его не шалить, и ребенок застыл на месте. Из палаты вышли врачи и застали Лоренцо врасплох.

– А ты что тут делаешь? – спросили у него.

Мальчуган просочился в палату, Карло вошел следом. Анна не спала, здоровой рукой она потрепала внука по голове, пока тот искал в рюкзачке наушники с человеком-пауком.

– Слава богу, у меня есть такой славный внучок и его музыка.

– Как ты себя чувствуешь? – Карло снял куртку.

– Лучше, чем та синьора. Ей что-то сделали с плечом. – Анна кивнула на последнюю койку, где лежала женщина, закрывшая глаза рукой. – Вы встретили Маргериту?

Карло покачал головой.

– Значит, она внизу, в баре. Она мне только что сказала, что Бонино переметнулся к демократам.

– Ну и что?

– Ну и то! Я не буду за них голосовать.

– До выборов ты еще не раз передумаешь.

– Я уже давно не передумываю.

Лоренцо, вытаращив глаза, глядел на них со стула.

– Прости, дорогой. – Анна ущипнула его за щечку и подставила ему голову. Надев на нее наушники, Лоренцо дал знак отцу, что все готово. Карло взял телефон и передал ребенку. Мальчик перешел к списку песен, выбрал одну и перевел взгляд на бабушку.

– Англичане с их нытьем, – пробормотала она.

Мальчик рассмеялся.

Она вздохнула:

– Солнышко, может, включишь Модуньо?

Лоренцо прибавил звук и любовался бабушкой, прикрывшей глаза. Наушники с человеком-пауком вокруг маленькой головы, увядшая, тонкая, как папиросная бумага, кожа и рот молодой девушки.

Карло взглянул на телефон в руке сына, тот остановил свой выбор на Pink Floyd – Shine On You Crazy Diamond. Музыка помогла им вытащить его наружу. Было время, когда он закрывался в своей комнатке и слушал музыку, – это длилось целую зиму, затем он начал делиться услышанным с окружающими – с помощью наушников, домашнего стерео или пластинок на виа делле Леге. Напевая, попутно стал больше говорить; тогда психиатр сказал, что мальчик начинает раскрываться. Карло понравилось это слово: раскрываться. Присев около кровати, он достал «Сильвию». Прочитав несколько страниц, позавидовал легкому слогу автора, уместившему описание встречи

главного героя с той девушкой в квартире на Манхэттене в несколько строк. Девушка с челкой, падающей на глаза, производила впечатление робкой и стеснительной. Затем влюбленность. Карло всякий раз вспоминал о жене, когда читал про влюбленности. Когда вошла Маргерита, он, оторвав взгляд от книги, внимательно на нее посмотрел: а ведь он мог проанализировать свое чувство к ней, прочитанное только облегчило ему задачу. Челка, как у Сильвии, ее сдержанность, едва заметная полуулыбка, порой растерянный вид из-за пришедшей в голову идеи, робкое, а затем стремительное обольщение: Маргерита знала лучше его, что держит их вместе.

Он пошел ей навстречу, коснулся рукой волос. Маргерита позвала его в коридор и сказала, что врачи собираются оперировать Анну, об этом стало известно только что. Впервые Анна стала им в тягость. Маргерита спросила, согласен ли он: она всегда искала его одобрения. Она не отстранилась от его ласкающей руки, ничего не возразила на слова, что все будет хорошо, и только взяв его за руку, заметила, что в другой он держит книгу. Отстранившись, она скользнула взглядом по обложке, прочла название, застыла, затем сказала, что ей нужно позвонить в агентство.

Дождалась, пока Карло вернется в палату – она поняла, что происходит, – и зашла в «Инстаграм». Чтобы развеяться, под липовым профилем она следила за жизнью Кьяры Ферраньи и Федеса, Ким Кардашьян и Софии Казадеи. Она надеялась, что ошибается: на последней фотографии была запечатлена «Сильвия» с надписью: «Это причиняет боль», собравшая триста с лишним лайков. Одна и та же книга в руках у Карло и на ее страничке. Третья книга и третье совпадение за последнее время. Она не задала мужу ни одного из интересовавших ее вопросов (вы поддерживаете отношения? книги тебе высылают она? ты слепо следуешь ее литературным пристрастиям?), ей удавалось развеять сомнения, даже если подозрение и не выглядело беспочвенным. Маргерита старалась разгадать, что творилось в душе у ее мужа: было ли это наваждением или мучительной нерешительностью перед замаячившими возможностями, или он хотел вернуться в то время, когда был не то преподавателем, не то писателем, в общем, в то время, когда он мог еще кем-то *быть*. Порой она смотрела на него как бы со стороны: сто девяносто сантиметров, слегка искривленная спина не убавляла в нем

росту, сильные, натренированные в спортзале плечи, несколько серебряных неприметных нитей в бороде, копна густых волос и все та же аура молодости. Неизменность во внешности и в поведении; а ей хотелось увидеть отпечатки времени на его лице, свидетельствовавшие, что он вошел в пору зрелости. При всем этом ей удавалось отгонять от себя мысли, что муж ей изменяет. Она надеялась загодя распознать тучи, нависшие над ее браком, пока же не произошло ровным счетом ничего, чтобы их семейная лодка дала течь. Бывало, она представляла его член в телах других женщин – эта мысль ее просто добивала. Впрочем, анатомия всегда была ее слабым местом.

Вернувшись в палату, она приблизилась к матери и улыбнулась:

– Мам...

– Да, моя девочка. – Анна прокашлялась. – Почему ты такая мрачная? Давай выкладывай.

Маргерита нашла глазами мужа и, словно обращаясь к нему, проговорила:

– Тебя прооперируют. Вставят пластину, и будешь как новенькая.

Ее мать посмотрела на нее невидящим взглядом, затем отвернула голову и закусил губу.

– Мам!

– А я-то всегда думала, что такие штуки делают тем, кто на ладан дышит.

Карло присел к ней на кровать.

Анна посмотрела на него:

– Я могу отказаться?

Услышав в ответ «нет», она попыталась выдавить из себя улыбку.

Лоренцо, оставив альбом с Пимпой, подошел к ней поближе. В руке у него был зеленый фломастер, некоторое время он колебался, а затем принялся разукрашивать ее руку в гипсе: от локтя к запястью, от запястья к локтю. Он рисовал одну из своих светящихся картинок.

– Нарисуй мне сердечко, – попросила бабушка.

Лоренцо ответил отказом, и Анна взглянула на Маргериту:

– А ты у нас парень несентиментальный.

– Сегодня ночью я нарисую тебе сердечко, когда ты заснешь.

– Сегодня ночью мне тут никто не нужен.

– Не выдумывай.

– Это ты не выдумывай, ясно?

– Ладно, посмотрим.

– Нечего тут смотреть, моя девочка. Думай о своей работе, тебя и так со всех сторон осаждают.

– Да никто меня не осаждает.

– Ты прямо как Бонапарт при Ватерлоо.

Медсестра сообщила, что время визитов подошло к концу. Когда все вышли, Маргерита прошептала Анне на ушко:

– Давай я останусь? Прошлой ночью нам же было хорошо вместе, а?

– Я хочу побыть одна, солнышко.

Маргерита взяла ее руку и сжала в своей. Оглянувшись на тумбочку, проверила, на месте ли полотенце, вода и печенье. Анна не хотела ничего читать. Выходя из палаты, Маргерита посмотрела на мать, та наблюдала, как за окном сгущаются сумерки. В коридоре она прикрыла рот рукой, к горлу подступили рыдания, сдержавшись, Маргерита нагнала Карло у выхода из больницы и попросила присмотреть за Лоренцо, так как ей нужно заскочить в агентство. Ходьба поднимала ей настроение, от прогулок с Лоренцо в коляске она даже постройнела. А вот Милан все время менялся – кишел новыми стройками и удивлял новизной, как молодой человек, которому сказали: а теперь – живи на полную. Оказаться с малышом среди небоскребов из стекла с вертикальными лесами, на сельской улочке или в историческом центре, по которому снуют велосипеды, те велосипеды, что можно взять напрокат в любом районе, затем немного пройтись, потом, проехав на велосипеде, вскочить в трамвай и выйти около нового метро, поднимавшегося на Остров. Говорят, Милан заново расцвел к «Экспо-2015».

Срезав путь на виа Сольферини, она прошла по Навильи около Сан-Марко и по корсо Гарибальди вышла к Дуомо. Тут шрамы ощущались сильнее: закрытые ставни еще вчера открытых магазинов, таблички «Продается» и «Сдается в аренду», клочки старых газет на пыльных витринах, китайские лавки на месте пустующих банков, работающие круглосуточно супермаркеты. На корсо Порты Романа она насчитала два обанкротившихся ресторана и один магазин оптики, да и для агентств недвижимости настали трудные времена. Сначала ей пришлось уволить Габриэле, затем ипотека пробила брешь в семейном бюджете, и ей не оставалось ничего другого, кроме как согласиться на

слияние с крупным концерном. Она променяла агентство на квартиру с волшебным светом и на туманную перспективу стабильности в будущем. Однако вот уже несколько часов она знала: у Карло в руках была книга Софии. Практически безработный Карло. Человек без профессии, ее муж – человек без профессии и оттого такой уязвимый. Семьсот евро в месяц и дюжина проваленных собеседований (два из которых остались в подвешенном состоянии) – вот и все его достижения. Человек на грани. И все же он был тем человеком, с которым она пришла в кабинет с жалюзи цвета крыла горлицы и слушала невролога, который произнес *«вероятная необратимость»*, говоря о Лоренцо; после этих слов она держалась из последних сил, возмущенная безмятежностью мужа. Когда они вышли из кабинета невролога, он сказал: мы сами позаботимся о нашем сыне. Шесть слов. Шесть слов, прошелестевших на одном дыхании, таких очевидных и нелогичных, будто он знал, что Лоренцо станет дирижером оркестра, и для этого ему необходима тишина. И действительно, они сами позаботились о своем сыне, по правде говоря, об этом позаботился он, придумывая различные упражнения, стимулирующие вкус, осязание и, наконец, слух, распознав в музыке источник, благотворно влияющий на речь. Выходя из того кабинета с жалюзи цвета крыла горлицы, она поверила своему мужу.

Около церкви Сан-Надзаро-Маджоре Маргерита заметила индийскую закусочную, ту самую, возле которой приходила в себя после разговора с Софией Казадеи. Софиино кафе, на месте которого открыли винный магазин, она – ревнивая, но благоразумная: так странно вновь вспомнить то далекое, но справедливое прошлое. Если она стала такой, если они стали такими, значит, все имело смысл. Замедлив шаг, она постаралась убедить себя в этом, остановилась и вернулась назад, свернула в улочку за закусочной и дошла до университетских ворот. Напротив заметила книжный магазин «Кортина». Зашла, подождала, пока обслужат двух студентов, и купила томик «Сильвии». Опустив книгу в сумку, вернулась на корсо Порто Романа и остановилась на светофоре: покупка книги определенно успокаивала. Взглянув на свое отражение в аптечной витрине, уложила волосы на одну сторону и поплотнее завязала шарф; ей показалось, что время не оставило на ней заметного отпечатка: летом у нее даже

проступали веснушки, и подруги уверяли, что веснушки притягивают двадцатилетних.

Однако двадцатилетний у нее уже был, она трепетно хранила в памяти то воспоминание. С ним она осознала, что неверность прежде всего означала верность самим себе. Андреа. Выйдя из его квартиры тем вечером, девять лет назад, она отправилась на работу, хотя так поздно там уже никого не было, закрылась в туалете и прикрыла глаза рукой. Затем сказала своему отражению: ты это сделала. Ты взяла в рот то, что тебе не принадлежит; ты раздела его и позволила раздеть себя; ты раздвинула ноги на кухонном столе и польстилась на молодого парня, на его накачанные плечи, на его силу; ты жадно накинута на него; ты переспала с ним, почувствовав себя молодой, желанной и счастливой. Это все она повторяла себе на протяжении нескольких минут, закрывшись в туалете собственного агентства, ощущая онемевшие ноги, разгоряченную кожу и новый запах; наконец произнесла и это слово: крушение. У ее вагона была ненадежная сцепка, отец был прав: ее состав сошел с рельсов и не доехал до пункта назначения, она была синьориной Шарфенберг^[9], и вот к чему это привело. Тем вечером она вышла из туалета, села за рабочий стол и набрала на клавиатуре описание квартиры на виа Морганьи. Она писала о просторных спальнях, благородной обстановке, об окнах, выходящих на север и на юг, а закончила словами: молодая, желанная и счастливая. Взглянув на эти три определения, она осознала, что чувство вины – простая банальность. Вся правда, настоящая правда, состояла в том, что все вышло естественно. Она переспала с молодым парнем, который ей нравился и который доставил ей удовольствие. Это как-то повлияло на ее брак?

Решив пойти другой дорогой, Маргерита оставила за спиной корсо Порто Романа и свернула в улочку, которая вела к церквушке Сан-Калимеро с ее звездчатыми сводами. Сбоку к церкви примостились муралы с Габером и Янначчи: нет, это никак не повлияло на ее брак. Она до мелочей помнила, что делала в тот вечер, вернувшись домой от Андреа: она была осторожной и слегка напуганной. Легла на диван с чувством полного опустошения. Недоверие вернулось к ней утром следующего дня – проснувшись, она повторила себе: я это сделала. Немного свыклась с этой мыслью на дне рождения Лоретты, вызывая в памяти вчерашние сцены. Она

мастурбировала, думая о нерешительности Андреа, сочетающейся с брутальностью: будто ей пришлось его уговаривать. Долго она не могла забыть тяжесть навалившегося на нее тела, в этой тяжести был и ее брак. Теперь она бережно относилась ко многим мелочам: к сексуальным порывам Карло и его нежности, к дурачествам, когда он ее смешил. Только на мгновение ей показалось, что она отреклась от всего этого. Ведь по сути она была дочкой женщины, которая не только штопала чужие дыры, но и латала свои собственные.

Тут ее накрыло беспокойство о матери – сломанное бедро, какие это может иметь последствия? Когда Маргерита миновала мурал с Габером, ей стало страшно. Она просунула руку под пальто и положила себе на живот – туда, куда обычно загоняла все дурные предчувствия. Так, с рукой на животе, она дошла до парка Равицца. Андреа всегда работал на траве под двумя соснами, у кромки асфальтированной дорожки. На скамейке лежали гантели, боксерская «лапа» и сумка с гимнастическими резинками. Сейчас он занимался с девушкой, показывал упражнение на растяжку; девушка кивнула и, взяв хороший темп, побежала по полю. Андреа двинулся следом. Он научился эффектно преподносить свои боксерские плечи, а длинная борода придавала ему серьезный вид. Он не сразу заметил Маргериту, а когда разглядел ее под фонарем и заторопился навстречу, то понял, что она чуть ли не плачет. Положив руку ей на макушку, привлек к себе; каждый раз, обнимая ее, он боялся, что не сможет этого сделать. Потом поинтересовался здоровьем Анны.

– Все из-за тех чертовых ступенек в моем доме.

Андреа подождал, пока ученица сделает круг, потом попросил пробежать еще два. Тем временем Маргерита объяснила ему, что ожидает Анну. Операция, реабилитация то ли дома, то ли в больнице, лекарства, и еще неизвестно, сколько времени уйдет на восстановление. Маргерита рукой коснулась его шеи.

– Ничего себе! – сказала она. – Все твои дикие тренировки.

Андреа потрогал гематому на шее: хотя он и прикладывал компрессы из морской соли, синяк еще не рассосался.

– И как Джорджо реагирует на эти побои?

– Он привык.

Маргерита постаралась улыбнуться:

– Может, забежишь и посмотришь маму?

- Я не специалист по переломам бедра.
- Может, просто посмотришь?
- Ты держи меня в курсе.

Ему хотелось остаться одному. Сказав, что ученица закончила пробежку и ему нужно вернуться к работе, Андреа поцеловал Маргериту в щеку и попросил сообщить, когда будут оперировать Анну.

Всю тренировку он не мог сосредоточиться; отпустив ученицу, растер пальцами шею и спустился к животу, набрал полные легкие воздуха, пока не почувствовал боль в ребре. Он недооценил удары соперника, поэтому сегодня вечером ему придется несладко. Отогнав от себя лишние мысли, он посмотрел на туман: народу в парке становилось все меньше и меньше, взгляд Андреа привлекли собаки, которых выгуливали на лужайке, за ограждением. Сложив гантели в сумку, он подошел к ограждению поближе: там играли маремма с американским булли. Старая маремма, несмотря на солидный возраст, неплохо прыгала, а щенок булли носился как угорелый. Неторопливым шагом он направился к киоску. По дороге время от времени опускал тяжелую сумку на землю и распрямлял спину. Подняв железные жалюзи, вошел внутрь: полкиоска занимал стеллаж. Андреа запихнул сумку под прилавок и с удовольствием вдохнул запах бумаги. Внутри было темно и не холодно: к счастью, тепло от печки никуда не улетучилось. Он совершенно не жалел, что пошел против воли отца и снял табличку «Продается» с киоска, да и потом, именно здесь он встретил Джорджо. Он казался вежливым, покупал «Республику» и «Vanity Fair». Однажды они разговорились, и Андреа узнал, что Джорджо придумывает новые модели обуви и буквально недавно вернулся из Стокгольма, где провел четыре года. Мало-помалу они сдружились, Джорджо стал забирать газеты с черного хода, а однажды просидел в машине до самого закрытия, чтобы расспросить Андреа о тренировках (он был не прочь попробовать), так они стали тренироваться по понедельникам в парке. За год мышечная масса Джорджо увеличилась на двенадцать процентов, и они полюбили друг друга. «Jag älskar dig»: впервые кто-то признался Андреа в любви по-шведски. Ему до сих пор было неловко: ведь и мать, и отец теперь не сомневались в том, что их сын педик. Но о собаках Джорджо ничего не знал.

Позвонив ему, Андреа предупредил, что будет поздно: он планировал заехать в тренажерный зал, чтобы размяться. Запретив Джорджо смотреть «Игру престолов», дал добро на «Корону». Джорджо ответил, что перебьется спагетти с вонголе и дождет его прихода. Андреа попросил Джорджо лечь без него (ему хотелось еще и побоксировать): никто не должен страдать из-за его прихотей.

– Я – не никто.

– Я хотел сказать «ты».

– Знаю, знаю, безграмотный ты мой, вот только давай без бокса, ладно? Хорошей тренировки, дорогой!

– А тебе – хорошего просмотра «Короны».

Закрыв киоск, он нашел в телефоне свою фотографию из тренажерного зала, которую еще не отсылал Джорджо. Держа ее наготове, подошел к машине, проверил, есть ли в багажнике сменная одежда и обувь. У него оставался еще час в запасе, аппетита не было, поэтому он заставил себя перекусить через силу. Направляясь на север, открыл контейнер с едой и с трудом проглотил два вареных яйца и кусочек сэндвича с курицей, оставшиеся после обеда. Прибавив скорости, наслаждался дорогой: за эти годы он не раз бывал в районе Триеннале, парковался с включенными фарами и кого-то ждал, но темные закоулки опустели. Милан, как и он, стал другим. И теперь под ночной сенью этого трудного города Андреа спешил на периферию, солгав Джорджо. Он выехал на автостраду, ведущую к мебельным предприятиям в Брианце, веренице вилл и приукрашенному убожеству, выключил радио и сосредоточился на шорохе шин по асфальту: это было его подготовкой, он думал о чем угодно, кроме соперников. Думал об учениках и тренировках, о протеиновой загрузке для каждого, а затем снова о Джорджо. И об Анне: он пытался вспомнить, как видел эту миниатюрную пожилую женщину с живыми глазами в тот день, когда его привезли в больницу после укуса Цезаря. И о Кристине: он ничего о ней не знал, да и знать не хотел, кроме того, что та работала в автошколе в Меленьяно.

Проезжая по Новедратезе, на площади позади супермаркета Carrefour он заметил группу нигериек, а потом еще нескольких – около парка с косулями. Минут через пятнадцать, проехав Каримате, он припарковался у грунтовой дороги. Выключил двигатель, взял в руки телефон и послал Джорджо свою фотографию на ринге в боксерском

шлеме с надписью «Тигриный глаз». Такое сообщение он отсылал ему каждый раз перед выходом на ринг. Дождавшись ответа «Вернись целым и невредимым», отложил телефон, ощупал ребра – боль была терпимой – и достал из багажника сумку. Завеса тумана размыла очертания виднеющегося впереди ангара. Три человека снаружи наблюдали за его приближением. Поздоровавшись, он двинулся вдоль длинной стороны ангара, толкнул дверь и вошел: внутри собралось человек тридцать. Некоторые, каменщики и рабочие, пришли прямо после смены; были тут и безработные. Вся эта разношерстная масса переодевалась, доставала шорты из пластиковых пакетов и помогала друг другу с повязками. В основном сюда приходили африканцы, итальянцы и белорусы, которых с каждым разом становилось все больше, их приводили те, кто принимал участие не впервые. Тут были и денежные мешки – типы, которые ставили по-крупному и получали самые жирные проценты. Ему подсказали это место завсегда и собачьих боев, поначалу он только ставил понемногу. Потом решил участвовать сам и, выждав три тура, поднялся на ринг. Помост очерчивали веревки, привязанные к колоннам бывшего столярного цеха (хозяину отстегивали часть ставок). Бои без правил в пустующих промышленных зданиях организовывались с подачи хозяев. Правил было всего три: не бить по яйцам; прекратить бой, если противник травмировал руку или терял сознание; избивать и выкидывать вон тех, кто соглашался на договорняки.

Кивнув, Андреа сказал, что будет драться. Итальянец, записывавший участников, спросил, как шея:

– Уже в норме.

– Покажи-ка.

Андреа разделся. Из-за приличного веса его ставили только с египтянами, весившими больше восьмидесяти килограммов, с одним аргентинцем или со славянами. Хуже всех были поляк с украинцем, которые целились ниже пояса и атаковали с вытянутой рукой, закрывавшей сопернику обзор.

Андреа встал с голым торсом перед итальянцем, тот провел пальцем от шеи до грудной клетки, затем спустился к ребрам:

– Здесь?

Андреа кивнул.

Итальянец с силой надавил, и Андреа весь передернулся.

Итальянец покачал головой.

– Это пустяк.

– Нет, не пустяк. Ты упадешь на первой же минуте. Люди будут недовольны.

– Это пустяк.

– Ты сразу же упадешь.

Андреа поднял глаза: все взгляды были прикованы к нему. Он оделся и отошел в сторону. Затем снова подошел к итальянцу и попросился в арбитры.

– Да ты никого не удержишь с таким-то ребром.

– Отдай мне первый бой, а там посмотрим.

Итальянец ничего не ответил, затем дал добро на одну встречу.

Андреа стал готовиться: когда он судил других, все было иначе. Он уже выходил на ринг как арбитр, остальные не возражали против его судейства: он не останавливал бой, пока соперники держались на ногах. Тело, еще тело и он сам среди сплетения рук, ног и жестокости, которая в конце концов становилась его собственной. Кое-кто даже догадался, что ему это нравится. Его грудная клетка раздавалась вширь, он стоял, как бойцовский пес, выгибаясь перед каждым ударом, из-за капли во рту казалось, что с его лица не сходит улыбка. После боя, выигранного или проигранного, он уходил в угол ангара, чтобы отдышаться и насладиться обретенным покоем, которого ему хватало до следующего дня.

По центру ринга он поджидал двоих: тридцатилетнего алжирца и ганца. Андреа хорошо знал и того и другого. Алжирец был опрометчив и неплохо держал удар, ганец же сливал бой, как только соперник брал над ним верх: попав в Италию три года назад, он устроился плотником где-то в Бергамо, а оставшись летом без работы, довольствовался семьей-восемью сотнями евро, которые получал тут, на ринге. Улыбчивый и говорливый, он всем рассказывал, что в Гане у него на содержании остался только дядя. Увидев его на полу, распластанным под алжирцем, который собирался измолотить соперника серией прямых ударов, Андреа наклонился к нему якобы для защиты, но дело было в другом. Там, рядом с лицом ганца, его напряженными предплечьями, согнутой для смягчения ударов шеей и окровавленным носом, он чувствовал свою власть. Глаза негра, то распахивающиеся, то смыкающиеся после очередного удара, подергивание ресниц – это

поверженное тело напоминало ему о Цезаре и отбрасывало в то время, когда он был *трудным*; он бы многое отдал, чтобы его вернуть.

Да и София многое бы отдала, чтобы кто-нибудь желал ее так сильно, как в свое время Пентекосте. Прогуливаясь по улицам в обеденный перерыв, она прикинула, что «Сильвию» должны были доставить сегодня или уже доставили вчера. Доехав на автобусе до Арки Августа, София дошла по проспекту до моста Тиберия и повернула к кварталу Сан-Джулиано с его вереницей рыбацких домишек со светлыми облупившимися фасадами. Тут воображение нарисовало ей светлую сторону ее поступка: Пентекосте получает бандероль, узнает место отправления, догадывается, что, вероятно, это еще один роман, а отправитель – она. Он получает удовольствие от чтения хорошей книги и не возражает против такого «вторжения» – да и что в этом плохого? Она представляла, как он листает первые страницы с хитрым, как на лекциях, прищуром и слегка взъерошенной шевелюрой. За все эти годы она лишь иногда заглядывала на его страничку в «Фейсбуке», и по редким фотографиям ей показалось, что он почти не изменился. Прогуливаясь по кварталу, София решила съесть полпорции тальятелле. Официант был в курсе, что ей нужно возвращаться в магазин, поэтому сразу же принес заказ. По мнению отца, здесь и «у Ренцо» на виа Каноника готовили лучшие *tagliadeli*^[10] во всей Романье – плотные и аль денте. Наслаждаясь пастой, София положила рядом телефон: зашла в «Инстаграм», почитала комментарии к фотографиям, просмотрела эмодзи в «сториз». Со многими подругами она поддерживала связь только так: те забаррикадировались дома и почти никуда не выходили. Изредка они встречались на море и, взяв по аперитиву, болтали о мужьях, путешествиях, детях, иногда о йоге. Ей было обидно, что в свои тридцать лет она не могла похвастаться ни беременностями, ни мужьями – в общем, ничем, кроме книг. Она бегала трусцой у моря, одна ходила в кино, баловала отца выпечкой, знакомилась по интернету – словом, все ждала непонятно чего и, как-то незаметно для себя самой, остановила свой выбор на Томмазо.

– Тебе так быстро все надоедает, – сказал Томмазо, глядя ее левую руку.

– Почему ты это говоришь?

– Если и я тебе надоем, подними вот этот палец, – проговорил он, дотронувшись до ее указательного пальца.

– Зачем?

– Тогда я исчезну.

Парень, готовый ради нее даже исчезнуть. С тех пор она смотрела на свой палец как на уста истины. Выйдя из остерии, она поглаживала его, как это делал Томмазо. София спустилась к парку Марекья, зимой там никого не было, и шорох шагов по гравию эхом разносился по пустынным аллеям. Свернув на тропинку к Ина Каза, она мысленно вернулась к возможным последствиям своего поступка: Карло Пентекосте получает бандероль, смотрит на штамп с местом отправления (он уже видел другие книги в ее «Инстаграме»), нервничает, неловко распечатывает конверт, догадывается, что внутри, достает книгу и видит свое никуда не девшееся желание. Она спрашивала себя, было ли ее бегство от него (перед возвращением в Римини) попыткой оставить по себе светлую грусть? Несомненно, эта грусть могла принять разные формы – приятного воспоминания, сожаления или безразличия. Он и она совершенно безразличны друг другу – время вытравило из памяти Милан, однако, когда она встречалась с мужчинами, что-то внутри нее оживало. Каждый раз она вспоминала о нем – это превратилось чуть ли не в условный рефлекс. Он словно оставил ей нечто напоследок. Нечто неуловимое и глубокое, чем она очень дорожила. Профессор оставил ей в наследство поднятый ручник и капельку нетерпения: *тебе так быстро все надоедает*.

В этом она убедилась, когда ей в голову пришла идея послать первый роман. Эта мысль взбудоражила ее как раз в тот день, когда она подстриглась под мальчика: на следующее утро София купила Фенольо на пьядца делле Поверачче, бережно, словно сокровище, принесла покупку домой, раскрыв книгу веером, понюхала ее и завернула в бумагу. Фенольо, «Страстная суббота», кухня, в которой прячется главный герой, и лекции Пентекосте об этой кухне. Впрочем, ее магазин с шурупами, штукатуркой и латунными петлями не сильно отличался от этой кухни. Ее переполняла такая решительность, когда она нащупывала рукой гвоздь в ящике с товарами, когда раздавались щелчки колесиков от коробки с шурупами, когда со стремянки она разглядывала отца, переставляющего товары на витрине, с пачкой сигарет в нагрудном кармане (как же быстро он состарился).

Вся их жизнь прошла между домом и магазином. И когда однажды вечером в пятницу отец предложил ей снять квартиру в районе Падулли (там сдавали жилье по отличной цене), она лишь покачала головой, и он, занявшись сервировкой стола, не стал настаивать: по пятницам он готовил ей спагетти с вонголе, а она делала сабайон. Порой отец предлагал:

– Сходим к маме?

На что она отвечала:

– Сходи сам.

Маргерита задержалась на обеденном перерыве, дочитывая последние страницы. Вернувшись в офис, она положила книжку в обложке кирпичного цвета с изображением девушки с оголенной грудью себе на письменный стол: «Сильвия» – роман-наваждение. Если Карло не переспал с Софией, если он и на самом деле, как и София, не удовлетворил свое желание, то София Казадеи существовала и в настоящем. Маргерита по собственному опыту знала: стоило всего раз удовлетворить свое желание – переспать с Андреа, – чтобы больше не думать об этом.

Ей хотелось поговорить с мужем, позвонить ему прямо из офиса, не обращая внимания на коллег: к беспокойству о матери теперь присоединилась и тревога. Сдержавшись, она нашла в контактах номер той, которая познакомила ее с Карло; от того вечера в памяти остались лишь свечи, мерцавшие посередине стола. Со временем сестра Карло стала для Маргериты чем-то вроде системы сосудов для сообщения с собственным мужем. Удивительно, но порой Маргерите было достаточно пообщаться с золовкой, чтобы перестать дуться на Карло. Симона взяла трубку, когда Маргерита уже собиралась нажать на отбой.

– Симо, ты чего так дышишь?

– Да Нико забыл бутсы. Пришлось побегать.

– Все в порядке?

– Я хотела проведать Анну в больнице, но ты не поверишь... – Симона перевела дыхание.

– Мама сказала, что ты звонила.

– Это Карло дал мне трубку, – пояснила Симона, стараясь отдышаться. – Знаешь, она держится бодрячком.

– Симо, я боюсь.

– Не переживай! Ее в два счета поставят на ноги! Вот увидишь!

– Если пойдешь в больницу, прихвати с собой Нико. Она его обожает. Говорит, он поднимает ей настроение.

– Побыла бы она с ним хоть часок, посмотрела бы я на ее настроение! Рэп и Криштиану Роналду, Криштиану Роналду и рэп. Сейчас его хоть можно сплавить на выходные к отцу. В прошлый раз он поклялся, что Мамаду готовил карбонару, представляешь?

– Мамаду у плиты?

– Прикинь! Был заправщик, стал шеф-повар! Может, мы даже снова сойдемся. – Ее смех походил на судорожные всхлипы.

Выходя из офиса, Маргерита накинула пальто:

– А ты была бы не против?

– Против чего? Сойтись с Мамаду?

– Мне кажется, ты очень даже за.

– Знаешь, но это только между нами: я с ним сплю пару раз в месяц. Сплю, и все. Он приходит, когда Нико у моих.

Маргерита от удивления прикрыла ладонью рот.

– Продолжай.

– Ну, мне приятно слышать его дыхание рядом. Знаешь, всю ночь он спит в одном положении, а утром я даже не понимаю, когда он уходит на работу. Открываю глаза, а он уже испарился, будто его и не было.

– Ты скучаешь по нему.

– Скучаю, но только вот по этому. А так – все прошло.

– Да кто его знает? Может, потихоньку...

– Нет, все прошло. Нико угомонился, не считая школы, конечно. А мне хватает и пары ночей в месяц. Ну и остальных веселых ночек. – Симона рассмеялась. – А у тебя как дела?

– Эх! Мне бы хоть толику твоей... – и замолчала.

– Моей чего?

– Сама не знаю!

– Живи сегодняшним днем, Марге. Не откладывай все на потом.

– Видела бы ты мое расписание на сегодня, – возразила Маргерита, прохаживаясь туда-сюда. – Какая уж тут жизнь!

– Ну так впиши туда и визит к золовке. Я сделаю капкейки с вишней. В лаборатории сейчас тишина.

– Ты правда спишь с ним дважды в месяц?

Маргериту позвали обратно в офис, и им пришлось закончить разговор. Присев за письменный стол, она представила себе брачное ложе с прикорнувшим на краю Мамаду и Симоной, слушающей его дыхание.

Дождавшись конца рабочего дня, Маргерита вышла из офиса и добралась на метро до виа делле Леге, вошла в квартиру и выдвинула все ящички письменного стола. Отыскав мамину телефонную книжку, нашла запись «Буццати (Ланди)», с книжкой в руках прошла в гостиную и присела на диван. Достала телефон и набрала номер, чтобы записаться к гадалке. Ей ответили, что на ближайшие два месяца все занято, она возразила, что на сеанс ей нужно попасть срочно.

– Синьора, всем нужно срочно.

– Моей маме очень плохо, а она давняя знакомая синьоры Ланди.

– Синьора!

– Я вас очень прошу!

Ей выкроили время следующим утром, но только пятнадцать минут. Той ночью она плохо спала, а оказавшись на виа Виджевано, сказала себе, что жить сегодняшним днем – это не для нее.

Пока Маргерита ждала своей очереди в гостиной, она рассматривала пазл «Леди и Бродяга», висевший на стене. Потом ее проводили в крохотную кухню с дребезжащим холодильником. Старая гадалка, сомкнув веки, дымила сигаретой.

– Моя мама сломала бедро, – проговорила Маргерита, присев на краешек стула.

– Вы поэтому и пришли?

Маргерита промолчала, затем утвердительно кивнула.

– Что вы хотите знать?

– Все.

Выпустив дым изо рта, старуха смяла сигарету в пепельнице. Еле-еле перетасовала колоду и попросила Маргериту снять карты левой рукой. Сделала расклад на столе, затем сказала:

– Спрашивайте.

– Она умрет?

– Не волнуйтесь. – Старуха не отрывала взгляда от карт.

– Ей предстоит операция.

– Не волнуйтесь. За сына тоже не волнуйтесь.

– Что вы знаете о моем сыне?

Гадалка подняла пажа жезлов:

– Не мешайте ему.

– Мы ему мешаем?

– Вы – да. – Она указала на пажа мечей.

– Только я, а муж – нет?

– Ваш муж – нет. – Старуха подняла одну карту, смешала и перетасовала колоду, затем разложила карты пирамидой. Тут она встряхнула головой и распахнула глаза:

– Не переживайте за свою мать и передавайте ей привет.

Резко поднявшись, Маргерита заметила, что все это время судорожно сжимала сумку. Опомнившись, она выудила из кошелька монетку, семьдесят евро и оставила все на блюде. Направляясь к выходу, около холодильника она обернулась:

– Я могу поинтересоваться, что говорят карты о моем муже?

– Что вы хотите знать?

– Он ходил устраиваться на работу.

Старуха снова закурила.

– Из этого ничего не выйдет.

– Правда?

Гадалка кивнула:

– Запаситесь терпением.

Маргерита затаила дыхание:

– А в остальном? Я имею в виду мужа.

– В остальном... – Гадалка пересмотрела карты в первом ряду пирамиды. – Пусто.

– Пусто?

Синьора Ланди взяла в руки короля кубков:

– В остальном – все в порядке.

Повесив сумку на плечо, Маргерита перевела взгляд на холодильник: на дверце висели магниты – один с видом Пизанской башни, другой – Колизея. Поблагодарив гадалку кивком головы, Маргерита медленно вышла, весь день от ее одежды разило куревом.

Вечером они занялись с Карло любовью. Во время секса с мужем она ни о чем не думала. Слушая свои стоны, Маргерита забывала, что она мать и жена, ей хотелось быть только шлюхой. Все-таки это

случилось: ей удалось разрубить гордиев узел, за семьдесят евро и один цент старая ведьма пообещала ей безоблачное будущее. Маргериту это вполне устраивало, да и о чем еще ей было спрашивать звезды? Скажите мне, верну ли я независимость своему агентству? Будут ли у меня оргазмы до девяноста лет? Буду ли я любить мужа и сына, как люблю их сейчас?

И хотя перед операцией Анна никого не желала видеть, вся компания в составе Маргериты, Карло, Лоренцо и супругов Пентекосте, не вняв ее просьбам, столпилась в палате. Анна лежала на двух подушках, не в силах ничем пошевелить до самого паха, от этого у нее чуть не развилась клаустрофобия, чтобы немного отвлечься, она глядела в окно на свой родной Милан под алюминиевым небом. И только внук, изрисовавший каракулями вдоль и поперек весь гипс, скрашивал томительное ожидание: на мгновение Анне даже показалось, что они с ним вдвоем дома слушают пластинки. Почувствовав, что в присутствии родственников ее страх вырастает до гигантских размеров, Анна робко намекнула Карло: может быть, вы все уже уйдете? Но Лоретта воевала с букетом лютиков на прикроватной тумбочке, а Доменико шушукался с заведующим отделением, после чего шепнул Анне, что оперировать ее будет сам заместитель главврача (очень опытный хирург), и дней через десять или даже раньше она окажется дома.

– Через десять дней?!

– На этом настоял я. Тебе нужно восстановиться. На самом деле хватит и недели. – Пентекосте улыбнулся. – Не волнуйся, мы тебя не бросим.

Да, Доменико уже не жалит как прежде, они с Карло шутили, что он как бренди – с годами теряет градус. Ему давно было пора выйти на пенсию, но он как-то признался Анне, что лучше отдаст концы на работе, чем будет каждый день торчать по шестнадцать часов в сутки в компании Лоретты. Человек – странное существо: то ты кого-то не перевариваешь, то через минуту готов отправиться с ним на пикник. Анна перевела взгляд со свата на Карло и Маргериту, стоявших посередине палаты: они все еще были красивой парой. Время их не разобщило, и это ее успокаивало. Карло уже не навещал ее по привычке по четвергам, а приходил когда придется, как и Маргерита.

И он, и она пристраивались в дальнем углу дивана, вытянув ноги на журнальный столик и положив голову на спинку. Смешно, когда два разных человека раз за разом принимают одинаковую позу.

– Ну как? Ты меня уже всю разукрасил? – Анна посмотрела на внука, рисовавшего рыбку на ее гипсе. Она превратилась в бабушку с острыми плавниками. Добавив бирюзовые глазки, Лоренцо заявил:

– Теперь это ты.

– А я рыбка аквариумная или морская?

– Морская.

– Молодец, мой зайчик, – похвалила она и в изнеможении опустила голову на подушку. Приласкав внука, Анна заметила, что все обернулись к двери. Человек на пороге попросил разрешения войти.

Уставившись на него, Анна проговорила:

– Я неверующая, святой отец.

– Я навещаю всех, даже неверующих, – ответил священник, приблизившись. Это был человек средних лет в очках с черепаховой оправой, Анна отметила про себя блеск бриолина на его волосах.

– Мы подождем за дверью, – сказала Маргерита.

Священник, поздоровавшись с другими пациентами, попросил позволения сесть.

– Вы пришли отпустить мне грехи?

– Нет. Вам предстоит операция. В таких случаях я всегда захожу к пациентам.

– Ох, – вздохнула она, в глазах стояли слезы. Взяв себя в руки, Анна улыбнулась.

– Ваше имя, синьора?

– Анна.

– Синьора, если вы хотите, я сразу же уйду.

Покачив головой, Анна проговорила:

– Просто вспомнила мужа. – И нашла глазами окно. – Когда он умирал, его соборовали. Казалось, Франко был уже там, а не здесь, но я все-таки заметила – в какой-то момент он махнул рукой, словно прогонял муху. Вы меня слушаете?

– Но вы-то не умираете.

– Да бог его знает! – Анна уставилась на мясистые руки священника, под одним ногтем виднелась черная каемка, он не

переставая тер кончики пальцев друг о друга. – Как вас зовут, святой отец?

– Антонио.

Анна задумалась.

– Как в том фильме... Помните? – И потерла лоб, сиюсь вспомнить.

– Нет, не помню.

– Главный герой там был еще с таким чубом... Смешной был фильм. – Анна легла поудобнее на подушке.

– Начинайте, Антонио.

– Можно? – спросил священник.

– Теперь да.

Подняв вверх руку, он благословил ее во имя Отца и Сына и Святого Духа.

– А как же Мадонна? Почему вы все про нее забываете?

– Вы молитесь Мадонне?

– Упомяните и ее.

Священник так и сделал.

– Спасибо, – поблагодарила Анна.

– Я завтра к вам зайду.

– Если вы меня не застанете, знайте, я там замолвлю за вас словечко. Хотя вам это и не нужно.

– Не говорите глупостей. – Коснувшись рыбки на гипсе, священник попрощался: – До завтра, Анна.

Как только священник вышел, она подозвала Карло и прошептала ему:

– Пластинки я оставляю тебе.

По морщинкам у нее на лбу Карло догадался, что Анна не шутит. Погладив тещу, он добавил:

– Я заберу и комиксы.

И тут его кольнуло нехорошее предчувствие – Анна в инвалидной коляске. Днем ранее Маргерита произнесла эту фразу: мама в инвалидной коляске. Он промолчал, и она расплакалась, затем он обнял жену и не отпускал, пока не вскипела вода для растворимого кофе.

– Это все наша квартира, – добавила Маргерита.

– Это остеопороз.

- Я же заполучила ее обманом.
- Твоей матери восемьдесят лет.
- Сто сэкономленных тысяч – вот цена маминого перелома.
- Только не начинай!

– Целых тридцать лет мы будем платить по девятьсот евро каждый месяц. Три тысячи в год уходит за услуги кондоминиума. И у нас даже нет лифта!

– А что у нас было раньше? Мы платили ту же сумму и ютились в съемной квартире, которая была раза в три меньше этой. Думаешь, нашему сыну в семидесяти квадратах было бы лучше?

– Я думаю, было бы лучше купить жилье подешевле без всех этих заморочек!

- Ой, Марге, не становись как все те...
- Все те кто?
- Все те, кто задним умом крепок.

Отстранившись от мужа, Маргерита заварила кофе и принялась колотить сахар в чашке:

– Вот скажи, если бы не деньги твоих родителей, ты бы купил эту квартиру? Если бы не деньги твоих родителей, ты бы на протяжении десяти лет перебивался случайными заработками в редакции и оказался бы на улице с голой задницей?

– Я не устроился на полный день в редакцию, чтобы преподавать. И ты это прекрасно знаешь. – Он забрал чашку у нее из рук. – С Анной все будет хорошо. Эта квартира – отличный вариант для Милана. А я скоро стану редактором в Bell'Italia или большой шишкой в пивной индустрии. В конце концов, куда-то меня точно возьмут, черт побери!

– За любой обман нужно платить, Карло.

Он вспомнил о Мануэле. И о том, что случилось с его собственным обманом. Однажды много лет назад, переспав с Мануэлой, он в спешке вернулся домой, хотя и знал, что Маргерита будет поздно. Принял душ и понял, что с этого момента в их с Маргеритой семейной жизни он – бомба с часовым механизмом. Здоровый носитель бациллы развода: если его вычислят, если он признается, если это случайно всплывет наружу – в любой момент может произойти все что угодно. Благоприятные исходы вроде прощения, второго шанса и понимания он в расчет не брал. В союзе с Маргеритой их просто не существовало – в этом он был уверен. Он

знал это с самого начала. Вечер измены свелся к тому, что, послонявшись по квартире, он принял душ, затем спокойно вытерся полотенцем и осмотрел свое тело – оно ничуть не изменилось, разве что головка члена слегка покраснела. У коллеги была гладкая кожа, родинки на спине, не такие выраженные соски и более кислый, чем у Маргериты, запах – сравнивая их, он снова возбудился. Запахнув халат, он скрыл события того полудня: на этот раз Мануэла сама пригласила его в кино. Прикинув объем оставшейся работы, он пристально поглядел на сидевшего рядом Микеле Латтуаду. Услышав, что Карло нужно уйти, Микеле посмотрел на него понимающим взглядом. Выйдя из редакции, Карло отправился по корсо Сан-Готтардо. Стоял сентябрь, они недавно купили Конкордию. Карло поджидал Мануэлу с внутренним трепетом от замаячивших на горизонте перспектив: легкое жжение в груди, не такое сильное, как с Софией, но все же ощутимое – тлеющий уголек, который занимался от любой искры.

Они прошли вместе до Навильо-Гранде, потом он, остановившись на перекрестке, повел ее не в кинотеатр, а в противоположную сторону. За разговорами об утреннем совещании и о том, что за последние полгода доходы редакции упали на девять процентов и это грозило сокращениями в отделе, они дошли до кольцевой дороги. Карло посмотрел на нее в упор – на эту девушку, их Одри Хепберн, не злоупотреблявшую косметикой, в сапожках на небольшом каблучке и с каштановым каре над карими глазами – и почувствовал, что может дойти с ней до дверей находившегося неподалеку отеля «Меркурий». У входа в гостиницу он остановился, повисла неловкая пауза, затем она сказала: после тебя.

«После тебя»: от этих слов сильнее забилося сердце. Около стойки администратора Карло выронил паспорт, и ему пришлось наклоняться за ним. Он не проронил ни слова ни когда они поднимались в лифте, ни когда оказались на четвертом этаже. Шагая по бежевому ковровину гостиничного коридора, он вспомнил о жене, о милом выражении ее лица, когда они порой сталкивались у подъезда после рабочего дня. Затем открыл дверь номера 67, выходящего во двор, и все время, пока он там находился, его не покидало ощущение, что они втроем: он, Мануэла и Маргерита, на двуспальной кровати гостиничного номера со скомканными простынями, с Мануэлой, которая схватила и затащила его сюда, чтобы насладиться новым для

нее телом. Стоны без Маргериты, напряжение в паху без Маргериты, жаждающий язык, оргазм – все без Маргериты. Буквально с первых минут на него пахло чем-то темным: то, что прежде было необходимостью, переросло в тревогу. Он осознал это, пока лежал рядом с другой в гулкой тишине гостиничного номера, и позже, когда мылся в выложенной серо-голубой плиткой ванной и проверял, не осталось ли на его свитере женских волос. Потом задержался у окна, выходящего на стену здания напротив. Выйдя из отеля, они молча шли по городу, израненному стройками. В толпе празднующихся безработных и предпринимателей-неудачников, в этих обломках разваливающейся Италии Карло узнал себя. Они прошли до окраин Навильо с его мостами и шлюзами, говорить им было не о чем.

Когда тем вечером Маргерита вернулась домой, Карло старался обуздать собственную отрешенность. Они поужинали омлетом и салатом, затем Маргерита включила радио, и они выпили бутылку кока-колы на двоих. Они то болтали, то молчали. А Карло все спрашивал себя, зачем он вошел в 67-й номер? Он был счастлив с Маргеритой – на самом деле счастлив. Охотничий инстинкт? Или причина тому ипотека, родители, отсутствие ребенка, неприятности в редакции или то, что он так и не переспал с Софией? Он это сделал, и точка. Убирая со стола и наблюдая исподтишка за женой, моющей посуду, он спрашивал себя: если он переспал с другой, значит, будет изменять и в будущем?

Да, до рождения Лоренцо у него были другие женщины. Консультант по маркетингу, которая изредка появлялась в редакции, давняя коллега из университета, девушка из бара рядом с работой. Опять-таки Мануэла. Пара встреч с каждой – а затем он резко захлопнул ящик Пандоры, чтобы адюльтер не перерос в привычку. Свое будущее он видел только с Маргеритой. Мало-помалу он свыкся с мыслью, что должен был через это пройти (сугубо личный опыт), и сейчас измены мелькали у него в голове слабым светом, будто полустертые надписи: ему это было нужно, и он смог. Теперь он переступил через клише измены – через физиологическую потребность и любопытство, через неудовлетворенность самим собой и желание убежать от действительности. А если измена для него была способом снова стать верным Маргерите?

По прошествии лет, в больничной палате тещи, которую вот-вот должны прооперировать, он рассматривал бирюзовую рыбку на гипсе, и это сомнение не выходило у него из головы. Он смотрел на Лоренцо и опять задавал себе тот же вопрос, хоть и не сомневался, что развязал тугой узел и поменял курс вовсе не из-за ребенка. Он постарался увести Лоренцо, когда Анну забирали на подготовку к операции, – ребенок схватился за край простыни и не хотел ее отпускать.

– Папа покатает тебя на качелях. – К ним подошла Маргерита.

Мальчик расплакался.

– Солнышко, у меня же есть твоя рыбка-талисман. – Анна приподняла свой гипс.

– Пойдем на качели. – Карло взял его на руки, и Лоренцо к нему прижался. Когда они вышли из больницы, Карло ощутил слезы сына на шее. Он шел с ним на руках, пока они не оказались на корсо Гарибальди. Опустив Лоренцо на землю, он вытер ему нос и рот.

Мальчик внимательно на него посмотрел.

– Лорé, а ты уже видел рыбку-талисман, такую же красивую, как ты нарисовал бабушке?

Ребенок покачал головой.

Взяв малыша за руку, Карло повел его в парк Семпьоне. Они вошли со стороны Арены и направились не к аттракционам, а к небольшому зданию у дороги. Купив билет, Карло спросил у Лоренцо, можно ли завязать ему глаза шарфом на полминуты.

– Зачем?

– Это сюрприз.

Немного подумав, ребенок кивнул.

Завязав глаза шарфом, Карло привел его в помещение с огромным аквариумом в форме арки. Они остановились прямо под ее сводом.

– Ты готов, мышонок?

Лоренцо утвердительно кивнул.

Карло развязал шарф.

Вокруг плавали рыбки-талисманы. Десять, двадцать, да что там – сотни! Они были повсюду – и сбоку, и сверху. Там были и скаты – он уже видел их в книжке, которую ему читала мама, – у некоторых из хвоста торчало ядовитое жало. Уткнувшись головой в стекло, он заметил уставившегося на него групера с огромной пастью. Лоренцо обернулся к отцу и засмеялся.

– Смотри! Это тунец!

Тут рассмеялся и Карло.

Ребенок приклеил палец к аквариуму. Карло подошел поближе и посоветовал ему смочить палец слюной и попробовать снова. Они сделали это вместе – группер подплыл поближе.

– Вот она, рыба-талиман, – пробормотал мальчик.

– Да, это она.

Какое-то время он боялся, что сын унаследует его перепады настроения, – дети ведь считывают желания родителей. Он снова об этом задумался, когда начал получать книги из Римини, будто возбуждение могло негативно сказаться на его отцовском авторитете. Книги сразу же разворошили прошлое: он вспомнил, как София грызла миндаль на лекциях и как сжала его руку, когда он дезертировал из ее квартирки на Острове. В тот день, когда ему доставили первую посылку, он было подумал, что это рекламная продукция издательства, и сильно удивился, достав из обертки Фенольо. Он принес книгу домой и оставил на подлокотнике дивана. На Фенольо он делал основной упор в своем курсе. Так что когда в «Инстаграме» Софии он увидел ту же книгу, то объяснил это простым совпадением. Вторая книга пришла двумя неделями позже, ее также отправили из *Римини*, какое-то время он просто держал посылку в руке, растягивая интригу. Внутри оказались «Раздельные комнаты» Тонделли: она разместила пост с изображением этого романа на фоне хозяйственного магазина. Он ощутил во всем теле странное онемение и весь день смотрел на все сквозь призму второстепенности, даже на то, что оказался без работы. Он ждал очередной посылки. Полтора месяца он не переставая спрашивал себя, что она пришлет ему в следующий раз.

София не понимала, почему он молчит. Иногда, закрыв магазин на обеденный перерыв, она возвращалась домой и заглядывала в почтовый ящик или в уголок в прихожей, где хранились посылки. Она так надеялась, что он даст о себе знать, разыскав ее адрес в базе данных университета.

После возвращения в Римини ей хотелось увидеться с ним, она даже ненадолго приезжала в Милан, но в последний момент передумала. Она больше не перечитывала «Такие дела», убрав рассказ вместе с другими материалами курса в синюю пластиковую папку. А

монолог Пентекосте о цыпленке она скопировала на флешку, там его голос, мягкий и властный, отчетливо произносил слово «движение»: она стыдилась того, что когда-то подумывала отправить эту запись жене. Из той жизни остался только Халиль: они переписывались, были подписаны друг на друга в социальных сетях. Теперь он работал в отеле в Дубае и постил примеры арабской архитектуры, увлекался кайтсерфингом и пока не нашел свою вторую половинку. В этом плане он был «полон надежд», это выражение его чрезвычайно веселило, и он постоянно интересовался, полна ли надежд и София.

А София была полна надежд на будущее с кучерявым голубоглазым парнем на три года старше ее, который управлял гостиницей в Белларии и иногда вечерами распахивал перед ней дверцу своего авто. Он классно трахался. *Томмазо* – подходящее имя для честного парня. Она ловила себя на мысли, что думает о нем на протяжении дня. Иногда она искала Томмазо взглядом на улице через витрину магазина: ей хотелось увидеть его. Софии казалось, что это ожидание сродни ожиданию ответа из Милана: рассеивающееся нетерпение, которое она старалась слить воедино.

В этом она убедилась тем утром, когда он принес ей завтрак на работу, и ее нетерпение сразу же куда-то улетучилось. За прилавком они по-братски разделили канноло: он выбрал себе половинку, в которой было больше миндаля. Пока она смотрела, как канноло исчезает у Томмазо во рту, вернулся отец.

– Я забыл лампочки, – бросил он и исчез среди полок.

Томмазо смутился и громко попрощался. Перед тем как уйти, поцеловал ее одними губами.

Отец вернулся с целой охапкой люминесцентных ламп-бабочек.

– Это же сын делла Мотты, да?

– Да.

– Сразу видно, что хороший парень.

Она выбросила кулек от канноло.

– И откуда это видно?

– Да говорю же тебе, он хороший парень!

– Ну-ну. Тебе видней.

– Иди с ним. Я тут и сам управлюсь.

– Да у него дела.

Отец вывалил лампочки на прилавок и принялся складывать их в коробок.

– Знаешь, «Фульгор» наконец-то открыли, – взволнованно проговорил отец. – Говорят, очень даже ничего – известный дизайнер постарался. Может, сходишь с ним в кино? Расскажешь потом, что да как.

– Перестань.

София принялась помогать отцу с лампочками – так они и трудились в четыре руки, от отца пахло табаком и мятой.

– Слушай, пап, а сам-то ты сколько уже не был в кино?

– Я? – Он застегнул ветровку. – Наверно, лет десять.

– Так давай сходим вечером?

Отец опустил голову, и по тому, как он тер заочеченные руки, она догадалась, что он доволен.

Маргерита заметила, как Анна довольно потирала руки, когда услышала, что ее выписывают.

– Доченька, нельзя лгать умирающим.

– Я отвезу тебя домой.

– Когда?

– Завтра.

Анна отвернулась от дочери:

– И на что я тебе? У тебя и без меня полно забот.

– Найдем сиделку.

– У тебя своя жизнь.

Анна сцепила ладони, Маргерита подошла и взяла мамины руки в свои. После операции Анна шла на поправку, обошлось без воспалений, но Маргерита объяснила ей, что придется увеличить количество сеансов физиотерапии.

– Все с тем же мальчиком?

Это было так естественно – видеть маму и Андреа вместе. Маргерита вызвала его спустя несколько дней после операции, он пришел днем и сел на кровать прямо в куртке. Выдержав изучающий взгляд Анны, Андреа расспросил ее о самочувствии и закончил разговор словами: не волнуйтесь, синьора Анна. Он пришел снова на следующий день. Маргерита поглядывала на них из коридора: Андреа, опершись коленом о койку, ощупывал мамины мышцы. Начав с шеи и здоровой руки, он спустился, насколько это было возможно, к животу,

отчего бюст Анны слегка заколыхался. Прикасаясь к ней, он подсказывал ей осторожные движения, и Анна доверчиво опиралась на его сильные плечи – как когда-то и ее дочь. Затем пришли Карло и Лоренцо, и Маргерита корила себя за то, что выставила напоказ нечто сугубо личное. Ей казалось, что Карло понимает, насколько для нее важен Андреа, и давно забыл о том, как она призналась, что ее тянет к нему, – как-никак, ориентация Андреа отметала любые подозрения.

После Андреа других мужчин у нее не было – не то чтобы ее никто не привлекал, просто она довольствовалась легким флиртом. Маргерита без тени сожаления отворачивалась от соблазнов, будто ей претила былая порывистость и не хотелось размениваться по мелочам. Да и желание стать матерью, которое она ощущала всем нутром, служило хорошей защитой от искушений. Появление на свет Лоренцо не обернулось для нее ни усмирением, ни рубежом. Это случилось, оставив в ней ощущение пресыщения, и точка. Между прочим, она была сыта по горло и *недоразумением*, но вот что происходило сейчас?

– Бабушка еще болеет?

– Уже нет, Лоре. Завтра она будет дома. Уже завтра!

Ребенок посмотрел на Маргериту.

Та ему улыбнулась:

– Расскажи-ка, что вы сегодня делали в садике?

– Мы делали деревянный скворечник с Робертой Калькатеррой.

Для малиновок.

– Роберта Калькатерра – это та девочка с кудряшками?

Лоренцо кивнул.

– А она симпатичная.

Лоренцо покачал головой.

– Что? Не симпатичная?

Мальчик сделал знак, что нет.

– Так зачем тогда вы играете вместе?

Ребенок слез с дивана и присел на ковер.

– Она говорит, мы созданы друг для друга.

– А это правда?

– Да.

– Мышонок, а ты знаешь, что такое «созданы друг для друга»?

– Ну... Друзья?

Маргерита и Карло переглянулись.

– Лоре, иди на диван, а то замерзнешь.

– Мне не холодно.

– Слушайся маму, не сиди на полу.

Лоренцо послушно встал и пристроился между ними.

Маргерита подвинулась, чтобы ему было удобно.

– Ну и как скворечник для малиновок? Получился?

– Все делала Роберта, а я только смотрел.

– Ах ты хитрюга! Молчишь себе и молчишь, а сам хитрый, как лисенок!

– Роберта Калькатерра дружит со мной, даже если я молчу.

Они укрыли его пледом.

– Конечно, солнышко, она с тобой дружит, даже если ты молчишь.

– Это правда? Бабушка завтра будет дома?

Маргерита наблюдала, как ее мать везли к машине «Скорой помощи». По пути от больницы «Фатебенефрателли» на виа делле Леге она держала мамину руку в своей и в какой-то момент поняла, что нетерпение ей внушила именно эта синьора на носилках, словно наказ: не будь такой, как я. Маргерита коснулась маминых волос:

– Ты как?

– Прихожу в себя, моя девочка.

По прибытии, когда Анну поднимали в квартиру, Маргерита вдруг ощутила в себе такую силу, что, повесив сумку на плечо, взялась сбоку за носилки, чтобы Анне было максимально удобно. Карло ждал их наверху около распахнутых настежь дверей.

– В гостиную, пожалуйста, – попросила Анна.

– Мам!

– Не запирайте меня в четырех стенах, как отца.

– В гостиную, – проговорил Карло.

Оставив Анну между столом и диваном, они перенесли противоположную кровать из спальни в гостиную. Когда Анну подняли с носилок, она зажмурилась, отлично понимая, что ее ждет: уход за ней принесет всем сплошные неудобства. Когда они только поженились, муж признался, что с радостью будет ухаживать за ней в старости. Впрочем, такая возможность выпала ему только раз, когда ее свалил грипп, и тут его прыти поубавилось: отодвинуть стул в ресторане – это не то, что принести суп в постель. Поскорее бы ей

нашли сиделку, все равно кого: итальянку, украинку, русскую, да хоть индианку! Только бы та не мелькала у нее перед глазами, и Маргерита могла бы вернуться домой. Ей сообщили, что сиделку ищут. Повернувшись к книжному шкафу, Анна ощупала взглядом корешки «Текса Виллера» и уткнулась щекой в подушку – в таком положении из глаз не текли слезы.

Она лежала, сомкнув веки, пока ее дочь с зятем делали перестановку в гостиной. Затем, когда Карло ушел, она повернулась лицом к стене. Сердце сильно колотилось, дыхание терялось в груди, чтобы успокоиться, она принялась рассматривать бирюзовую рыбку на гипсе. Лоренцо рисовал ее с таким серьезным видом, что у нее не осталось сомнений – это рыбка-сторож. Она скрашивала ей будни на больничной койке, потихоньку внучок пририсовал зеленые чешуйки, острые плавники, а когда она поинтересовалась, что это за рыба, он ответил: тунец. Чертов тунец стал ее бичом на старости лет. Если он попадался ей на глаза в рыбном или кто-то при ней произносил «тунец», то она мысленно переносилась напрямиком в то самое утро пять лет тому назад, когда ей позвонила Маргерита и сообщила, что беременна. Они визжали от радости как футбольные фанаты. Положив трубку, ей тут же захотелось отметить это событие: она вошла в ближайший Ram на корсо Буэнос-Айрес, чтобы купить Ferrero Rocher. Ей хотелось сразу же положить конфетку в рот, но, проходя мимо рыбного отдела, она обратила внимание на свежего тунца и попросила завернуть ей кусочек к ужину. Она прихватила буррату, в холодильнике ждала своего часа бутылка игристого Berlucchi (такая новость, чем не повод ее откупорить?). Но вот на пути к кассам ее окатила волна возбуждения: вдруг пакет с тунцом скрылся в недрах сумки, а буррата и Ferrero Rocher остались в руках. Когда она шла вдоль рядов с косметикой для тела, ее обдало непривычным страхом. Притворившись, что выбирает бальзам для волос, она взяла в руки, затем поставила флакончик на место, еще немного побродила по торговому залу, подошла к кассе номер пять и стала ждать своей очереди. Протянув банкноту, она взяла сдачу и удивилась тому, как ей удавалось быть вежливой, стораая от страха. Все это ее изрядно веселило, сложив покупки в пластиковый пакет, она направилась к выходу, и тут к ней подошел мужчина и попросил следовать за ним.

– Простите?

– Пожалуйста, пройдите со мной вон туда, – сказал он, указав на дверь, из которой выплывали тележки, груженные товаром.

– Простите, а кто вы такой?

Даже не взглянув на удостоверение, которое мужчина извлек из кармана, Анна почувствовала, как ее щеки стали пунцовыми. Она проследовала за ним в полутемное помещение, уставленное сверху донизу запакованным товаром. Внутри находился еще один сотрудник, он попросил Анну показать покупки. Распахнув пластиковый пакет, Анна стала ждать, когда ее спросят о сумке.

– А что у вас там?

– Не слишком-то вежливо задавать такие вопросы человеку в моем возрасте.

И тем не менее открыла сумку.

– И что теперь со мной будет?

Охранники переглянулись.

– Если вы забыли заплатить, такое бывает, то пройдите на кассу.

Не чувствуя под собою ног, Анна ощутила, как падает назад прямо на ящики. В последний момент ее подхватил под руку один из охранников.

– Такое бывает, синьора.

– Моя дочь ждет ребенка.

Они молча согласились, и Анна кивнула им на прощание. Заплатив на кассе номер четыре, она вышла из магазина с мертвенно-бледным лицом и холодком между лопатками, который преследовал ее до самой квартиры. Вот так приключеньице, подытожила она, захлопнув за собой дверь. Как, впрочем, и сеансы физиотерапии с тем тридцатипятилетним массажистом с руками пианиста и видом послушника: с таким-то мальчиком ничего не страшно.

Когда в дверь позвонили, Анна выпрямилась на подушках и поправила волосы кончиками пальцев. Улыбнувшись, Анна встретила Андреа словами:

– Видишь, я все-таки унесла кости из больницы!

Поздоровавшись, Андреа подошел к кровати. Маргерита, сославшись на то, что ей нужно сделать несколько звонков по работе, закрылась в спальне. Андреа обвел взглядом комнату и задержался на кухне.

Анна усмехнулась:

– Да у тебя в глазах мутится! Ты голоден?

Парень ответил, что нет.

– Открой шкафчик над холодильником и возьми конфеты с ромом.

Он не сдвинулся с места.

– Черт побери, ну ты и скромник!

Тогда Андреа прошел на кухню и открыл шкафчик, однако конфет не обнаружил.

– Наверное, они убрали их в другое место. Поищи там хорошенько.

– Может, спросим у вашей дочери?

– Зачем? Чтобы отбить охоту?

– Лучше не смешивать ром с лекарствами, – отозвался Андреа, роясь на полках. Заметив коробку около плиты, он принес ее Анне.

Положив конфету в рот, она сказала:

– Угощайся.

– Сегодня вечером день рождения у мамы.

– Ну и что?

– Сладкого наемся там.

– А! Все твоя дурацкая диета. – Анна нахмурилась. – Сколько лет твоей маме?

– Семьдесят восемь, – ответил он, закатывая рукава.

– Купи ей тюльпанов, желтых и красных. – Анна выудила еще одну конфетку из коробки. – Может, все-таки составишь мне компанию?

И он составил: в полной тишине, прикрыв глаза, они наслаждались вкусом тающего шоколада. Затем Андреа принялся за нее, потихоньку начав массировать здоровое плечо. Расслабленный плечевой сустав рассказал ему о самочувствии пациентки: возвращение домой вдохнуло в нее жизнь. Задержавшись на лопатке, он мельком поглядывал на ее опухшие то ли от лекарств, то ли от грусти глаза. Закончив с плечом, шеей и спиной, Андреа помог Анне перевернуться и сесть на край кровати. В комнате стоял все тот же запах лака для волос, как и много лет назад, когда Маргерита пригласила его в гости. Она сказала, что мама у родственников в Комо: Андреа тронуло такое почти детское желание воспользоваться маминым отсутствием. Он согласился прийти, спрашивая себя, к чему это приведет. На его счастье, они просто болтали и поцеловались

только тогда, когда он засобирился уходить – да и то на ногах, между делом. А когда на плите в гейзерной кофеварке забулькала вода, то он признался: мне нравятся мужчины. Она как-то вся сжалась, замер и Андреа. Из окна доносился уличный гам. И тут Маргерита ответила: мне тоже нравятся мужчины. Рассмеявшись, они пили кофе, прислонившись спиной к столу. Маргерита рукой обхватила его за шею, и они стояли так, прижавшись друг к другу, затем Андреа добавил: я ничего не могу с этим поделать. Я ничего не могу с этим поделать, как ему хотелось сказать эти семь слов Джорджо, чтобы объяснить и собак, и бои, и ангар, где его ждали этим вечером.

– А теперь мы встанем на ноги.

– Я боюсь, – улыбнулась Анна.

– Начнем?

Андреа наклонился, чтобы Анна оперлась на его шею, а сам, обхватив ее за талию, внутренне приготовился помочь ей в этом рискованном маневре. Перед тем как опустить Анну на пол, проверил, не задралась ли ночная сорочка. Когда это случилось в прошлый раз, она пробормотала: будь добр, не смотри вниз. Они сделали первый шаг, затем второй, а когда добрались до персидского ковра посередине гостиной, ему показалось, что они кружатся в танце. Удивительно, насколько он приноровился к этому послушному телу, впрочем, вечером он приспособится и к изворотливому телу соперника, а завтра – к ловким ученикам и радушной плоти Джорджо. Единственное, к чему он так и не сумел приноровиться, – к телам собственных родителей. Сейчас он отправится к ним, попробует торт, потом, встав на стремянку, заменит лампочку в коридоре, сядет на диван перед телевизором, убавит звук, они поговорят о киоске и тренировках, затем он выйдет и направится в ангар, хлопнув перед уходом отца по плечу: это так сложно – прикоснуться к отцу.

Когда София взяла папу под руку, ей почудилось, что мама тоже где-то рядом: втроем они ходили на «Историю игрушек» в «Асторию», когда она была совсем маленькой, и ей не запомнилось ничего, кроме попкорна. София приноровилась к шагам отца, бок о бок они пересекли пьядца Кавур. Шел снег с дождем, и в свете уличных фонарей Римини казался черно-белым снимком. Выйдя на проспект,

они заметили, что перед «Фульгором» собралась толпа. Отец сбавил шаг и нерешительно проговорил:

– Может, закончились билеты?

– Идем. – София еще сильнее сжала его руку.

Молча они стали в очередь, потом Софии захотелось попкорна, а отцу – лакричных конфет (хотя от них у него скакало давление). На нем был кардиган из тонкой шерсти и бордового цвета галстук. Когда они подошли к кассе, он уже держал кошелек наготове. Позолота на стенах и алые кресла – зал был отреставрирован в стиле тридцатых годов времен Феллини. Ходили слухи, что однажды в декабре «Мерседес» режиссера видели в Ина Казе, кто-то даже божился, что в машине сидел Матростяни. На мгновенье она пожалела, что пришла сюда без Томмазо (возможно, она смирится с надежным спутником жизни), достала из куртки телефон (а возможно, ей всегда будет чего-то недоставать) и набрала сообщение: «Надеюсь, ты получил книги. Иногда я перечитывала Фенольо. София (Казадеи)». Нажав кнопку «Отправить», она откинулась на кресло и в полумраке зала снова стала дочерью своего отца.

Карло получил сообщение, когда они всей семьей были на виа делле Леге. Они с Маргеритой расположились в спальне (Лоренцо с бабушкой дремали в гостиной) и как раз выбирали фильм на ноутбуке: Маргерита настаивала на смотренном-пересмотренном «Большом разочаровании», а Карло – на «Необычном дне». Спор прервал завибрировавший телефон. Пока Карло читал сообщение Софии, Маргерита прижала пальцем отклеившийся от стены уголок постера с Андреа Джани, затем сказала:

– По-моему, «Большое разочарование» вошло бы в десятку лучших фильмов, согласен?

Он молча уставился на нее.

– Карло!

– Да.

– Ты согласен?

– Да.

– Кто тебе пишет?

– Где?

– Ну в телефоне.

– Сестра.

– И что пишет Симо?

– Спрашивает про собеседование. – Повисла пауза. – Есть ли новости.

– Так мы же сегодня с ней об этом говорили минут тридцать.

Карло оторвал взгляд от экрана:

– Спрашивает, как Анна.

– Скорее спрашивает, что делать с Нико?

– Пишет, что... – Он все еще вертел телефон в руке. – В общем, я завтра сам ей позвоню.

– Так что она пишет?

– Вчера сказала, что Нико переведут в другой класс.

– На ее месте я бы перевела его в другую школу. На переменах все только и орут: черный Нико.

– Нико негр.

– Чем не имя для рэпера, если вдуматься.

– Симо говорит, ему даже на ранец такую бумажку прилепили. – Карло отложил телефон в сторону.

– Ты не ответишь?

– Давай посмотрим фильм. – И освободил ей место рядом с собой на кровати.

Маргерита сделала ему знак подождать и вышла из комнаты в гостиную, а он тем временем перечитал сообщение: вглядываясь в слова, проверил, точно ли оно отправлено три минуты назад, а не давным-давно, когда он сходил с ума. Он чувствовал себя как-то странно, ощущая мягкие приливы возбуждения. Едва он отложил в сторону телефон, как вошла Маргерита:

– Они там уже десятый сон видят. Лоре уснул на диване, давай не будем его будить.

– А твоя мать?

– Спит как убитая после физиотерапии.

Карло вытянулся на постели, сместился на свою половину и положил подушки под спину. Когда Маргерита легла рядом, он придвинулся к ней поближе и включил «Необычный день».

– Ах ты деспот! – Маргерита сделала вид, что хочет столкнуть его с кровати.

– Соскучился по Софи Лорен.

Когда после первых титров раздался паровозный гудок, из поезда выглянул Гитлер, голос за кадром объявил о триумфальном прибытии в Рим, а консьержка вывесила свастику на балкон дома, Карло проговорил:

– Это не Симо прислала эсэмэс.

Маргерита положила голову ему на грудь:

– Знаю.

Маргерита смотрела то на экран, то вглубь комнаты: на стол, за которым училась, на сложенные стопкой кассеты в углу книжной полки. Глазок камеры застыл у подъезда: когда рассвело, свет зажегся и в окнах квартир.

– Та книга причиняет боль, – отозвалась жена.

– Какая книга?

– «Сильвия».

Прижавшись к жене, Карло впился взглядом в постер с Андреа Джани.

– Я не общался с ней уже бог знает сколько лет.

– А почему же ты читаешь те книги, которые она выставляет в своем «Инстаграме»?

– Это ее затея.

– Карло!

– Это она их присылает.

– Присылает?

– Я же говорю – это ее затея.

– Карло!

Грудную клетку обдавало теплом от легкого тела жены; Лорен, погладив рубашку на кухонном столе, варила кофе. Он порылся в кармане и выудил телефон:

– Хочешь, прочитай сама. Там ничего такого нет.

Она остановила его руку под одеялом:

– Не хочу.

– Читай.

– Не хочу, – повторила она, мягко отстранив руку.

Он положил телефон поверх одеяла, она коснулась рукой его живота, затем спустилась ниже, неторопливо расстегнула ремень и кнопку на джинсах, попробовала спустить штаны до бедер, а так как он ей не помог, то резко дернула их вниз. Обеспокоенная Лорен,

запертая в четырех стенах с кучей детей, мечется по квартире в мятом платье, затем вдруг подводит губы помадой. Карло не отводил взгляда от экрана, как, впрочем, и Маргерита, потом она погладила его член, склонилась над ним и взяла в рот. Лорен оставили дома одну. В то время как у Маргериты во рту разбухал член, Мастроянни в красном свитере, из-под которого торчит кончик рубашки, сидит за письменным столом. Маргерита не сбавляла ритма, и он уставился на губы жены, представляя на ее месте другую (давно с ним такого не бывало), – мужской инфантилизм. И тут наконец мысленно вернулся к жене, готовый стонать и наслаждаться только ради нее, сбитый с толку возбуждением и нереальностью всего происходящего.

Запах мужа ничуть не изменился за эти годы. Маргерита склонилась щекой к паху и прикрыла глаза, на мгновение ей снова стало нехорошо при мысли, что этот запах знаком и той, другой. Поднявшись с кровати, она взглянула на ноутбук: Лорен на пороге квартиры Мастроянни просит разрешения войти и входит. Оставив Карло в комнате, Маргерита прошла из коридора в полумрак гостиной к спящим маме и сыну. Левая ножка Лоренцо выглядывала из-под пледа, он постоянно ее высовывал, даже когда был совсем крохой. Маргерита подошла к балконной двери: в такие моменты она всегда вспоминала отца; ей захотелось вернуться к мужу и рассказать про Андреа. Обернувшись, она увидела Карло в дверях гостиной. Приблизившись к мужу и взяв его под руку, протащила через коридор в мамину комнату (швейную машинку переставили поближе к шкафу).

– Ты не трахал ее в том туалете?!

– Ты сама знаешь.

– Я тебе верю.

– Тогда в чем дело?

– Наверное, в том, что ты ее не трахнул.

– Прекрати!

– Случись это на самом деле, с ней все было бы кончено. Ну, или со мной. Или с нами. И ты спокойно лежал бы рядом со мной в кровати и смотрел «Необычный день», и не подскакивал бы как ужаленный, получив от нее эсэмэску.

– Подскакивал как ужаленный?

– Да, подскакивал как ужаленный. Или вел себя как озабоченный. Так тебе больше нравится? – повысила голос Маргерита.

Он сделал ей знак говорить потише:

– Не делай из мухи слона.

– А! Ну конечно! Мой муж краснеет как школьник, получив через десять лет эсэмэс от давно забытой нимфетки, а я делаю из мухи слона! Железная логика!

– Это сообщение ничего не значит.

– Мог бы и смолчать, раз так.

– Да я поэтому тебе и рассказал, что оно ничего не значит.

– Как и тогда? Десять лет назад?

– Я не думал, что ты так это воспримешь.

– Я тоже! – Она глубоко вздохнула. – Эта девчонка хуже, чем девятьсот евро ипотеки! Черт побери, она хуже, чем... чем...

– Чем безработный муж?

– Вот только не надо!

– Не надо что?

– Не надо менять пластинку!

– Вот увидишь, я пройду это собеседование и меня возьмут маркетологом в пивную компанию. Ты еще будешь мной гордиться.

– Не делай так, прошу тебя. – Она беспомощно опустила руки.

Карло взял ее руки в свои:

– Ты только не волнуйся.

– Сколько ты с ней уже не общался?

– Давно.

Отстранившись от мужа, Маргерита взмолилась:

– Скажи правду, Карло!

– Говорю же – давно.

– Значит, книги, которые она тебе посылает, – просто культурный обмен?

– Это ее затея.

– Карло, пожалуйста, выбрось уже ее из головы.

– Уже выбросил.

Она глубоко вздохнула.

– Я так от этого устала. – И добавила почти одними губами: – Пожалуйста, выбрось ее из головы.

– Я это сделал. Теперь твоя очередь.

– Карло!

Он стоял посреди комнаты, полумрак почти скрыл его очертания. Приблизившись, Маргерита положила руку ему на грудь.

– Я так устала, – пробормотала она, нырнув в его объятия. Она становилась маленькой девочкой, когда он так крепко ее обнимал.

– Побудь с нами еще, – повторила свою просьбу мама.

Андреа ее обнял, потом внутренне сжался и отстранился.

– Мне пора. С днем рождения, мам.

Желтые и красные тюльпаны уже стояли в стеклянной вазе. Кивнув на прощание отцу, Андреа наконец-то вышел от родителей: такие визиты перед боем отнюдь не добавляли ему сил.

Он подошел к машине, сел за руль, проверил телефон и завел мотор. Слушать музыку не хотелось, голова была какой-то ватной. Он откинул и немного наклонил сиденье – ребро еще давало о себе знать, а приседания с Анной изрядно нагружали поясничный отдел, – и почувствовал на себе розовый аромат ее духов. Ощувив легкость в желудке, похвалил себя за то, что ограничился тортом. Самым главным были свечки и желание, которое он загадывал, пока мама их задувала. Пусть она будет счастлива, каждый год просил он.

Выбросив все из головы, он сосредоточился на покрытой тонким слоем инея дороге – ночной Милан отлично успокаивал нервы. Хоть бы мне достался египтянин, подумал Андреа. Этот здоровяк-пекарь недавно стал отцом, целился в уши и вывел из строя двух соперников. Через тридцать пять минут он выехал на Новедратезе, у супермаркета заметил трех нигериек, проехал дальше и спустился к Каримате, припарковался у обочины и отстегнул ремень. Подойдя к багажнику, он увидел невдалеке машину с включенными фарами. Ему даже пришлось прикрыть глаза, чтобы ее разглядеть. Отвернувшись, Андреа открыл багажник, вытащил сумку и тут услышал шорох шин за спиной. В салоне подъехавшего автомобиля он узнал Джорджо. Через опущенное стекло тот молча сверлил его взглядом, проехал мимо и встал рядом. Андреа бросился к машине:

– Езжай домой!

– Это сюда ты едешь по ночам? Кто там внутри? – спросил Джорджо, указывая на ангар. Кудри падали ему на глаза, отбросив их со лба, он прокричал: – С кем ты тут трахаешься?

– Уезжай отсюда, прошу тебя.

– Я весь вечер проторчал у подъезда твоих родителей, – сказал он, кивнув на руль. – Когда ты вышел от них, я так обрадовался: значит, он мне не изменяет, не дает отсосать кому попало, прикрываясь родителями и тренажерным залом.

– Уезжай, я сказал!

– А на самом деле...

– Вали!

Тишину ночи нарушало лишь бормотание мотора. Стоя на морозе, Андреа хотел только одного – египтянина. Машина тронулась, сдала назад, затем рванула с места, мелькнув профилем любимого мужчины. Через минуту Андреа уже направлялся к ангару.

Карло проснулся в детской кровати жены: Маргерита, свернувшись клубочком, дремала у него на плече. Он тихонько поднялся, за окном еще было темно. Вышел из комнаты, потирая онемевшую шею, прошел в ванную и с закрытыми глазами присел на краешек ванны. Ох уж эти края! В тот день, когда Лоренцо, хнычущий комочек в два с половиной килограмма, забрали из роддома, он укачивал его по всей квартире, а потом заперся в ванной – там было теплее всего – сел на краешек эмалированной ванны и рассказывал придуманную на ходу сказку, пока ребенок не заснул.

Затем неспешно оделся, решив, что на собеседование через два дня пойдет в тех же «оксфордах» с перфорированным носком – они отлично сидели на ноге. Сосед за стенкой что-то напевал, Карло показалось, что они чистят зубы вместе. Анна как-то разболтала, что у них с женой отдельные спальни. Тут ему вспомнилось, как после вчерашней ссоры Маргерита попросила: поспи со мной рядом. Он застегнул рубашку, взял телефон и перечитал эсэмэску Софии. Теперь за присланными из Римини книгами прослеживалась четкая цель: на самом деле София хотела с ним встретиться, а вот целью жены было вывести его на чистую воду: хочу, чтобы ты выбросил ее из головы. Жаль, что в свое время (в то утро, когда он пришел на кухню, чтобы приготовить завтрак, пока она спала, а ее «блэкберри» валялся на столе) он отказался от идеи вывести на чистую воду ее саму. Он сел и, не в силах объяснить себе, почему решил на это именно сейчас, потянулся за телефоном жены. Пролистав папку с сообщениями, наткнулся на «Андреа физиотер»: всего девять эсэмэсок – четыре от

Андреа и пять от нее. На последнее ее сообщение «Если хочешь, давай как-нибудь встретимся» он так и не ответил. Вежливое «если хочешь» еще долго вертелось у него в голове.

Измена за измену: я это сделал, но и ты, милая, по-видимому, не лучше меня. Закравшаяся тень подозрения, донимавшая и заставлявшая ревновать, все-таки немного обелила его в собственных глазах. Их семейная жизнь выстояла под натиском подозрений. В каком-то роде они были защищены, и он не преминул воспользоваться этой зыбкостью, чтобы заново насытиться телом жены после гипотетического Андреа: изучая вагину (она была все той же или стала другой? стала более или менее упругой?), целуя соски (тот, другой, их тоже целовал? кто это делал лучше?) и слушая ее стоны (другой доставлял ей такое же наслаждение?).

Занимаясь сексом с женой, он уже не спрашивал, мечтает ли Маргерита о другом, уверенность и без того распаляла желание: Маргерита хотела и, быть может, все еще хочет другого мужчину, но рядом с ней – он. Поэтому не стоит терять бдительность: на его женщину претендуют, значит, ему нужно стать лучшим из претендентов. Он больше не смотрел на нее только как на свою жену. Таким образом, восхитительные ноги Маргериты теперь принадлежали только ей, как и незаурядный ум, глаза и губы – все принадлежало исключительно Маргерите, как и та сила, к которой она порой прибегала, чтобы его соблазнять. Это болезненное осознание позволило ему взглянуть на нее с иной стороны – как на женщину, а не на собственную привычку. Однажды вечером за столом она спросила:

- Помнишь моего физиотерапевта?
- Того, что покусала собака?
- Он гей.
- Никогда бы не подумал!
- Я тоже.

И тогда он вдруг увидел (или убедил себя в этом) перед собой уязвленную женщину.

Выйдя из ванной, Карло прошел в гостиную, Лоренцо спал, а Анна смотрела на проблески рассвета за окном.

- Карло, медсестра скоро придет?
- Через час.
- Так долго!

Он подошел поближе:

– Тебя что-то беспокоит?

Она взяла его руки в свои:

– Может, позовешь Маргериту?

Он заметил, что у нее дрожат пальцы. Вернулся в комнату. Маргерита уже встала и поднимала жалюзи. Увидев мужа, проговорила:

– А мне понравилось спать с тобой на этой кровати.

– И мне. – Карло хотел было ее приобнять, но она отстранилась. – Тебя звала Анна.

Когда Маргерита вошла в гостиную, Анна теребила краешек простыни.

– Солнышко, можешь попросить медсестру прийти пораньше?

– У тебя что-то болит? Сейчас что-нибудь перекусим, и я дам тебе обезболивающее.

– Нет, у меня ничего не болит. – Она потупила глаза на постель. Оттуда дурно пахло.

Маргерита кивнула головой:

– Я сама справлюсь.

– Пожалуйста, позвони медсестре!

– Я сама.

– Солнышко, нет, прошу тебя!

– Мам, я все сделаю.

Маргерита обернулась в сторону коридора, ее перепуганный вид не ускользнул от стоявшего в дверях мужа. Она сделала им с Лоренцо знак поторапливаться и пошла переодеваться. Она застала мать в той же позе: та смотрела на внука и мяла простынь. Карло натягивал на мальчика штаны и кофту.

– Зайчик, ты же еще придешь к бабушке?

– Ты храпишь.

– Ты тоже храпишь, – ответила она.

– Я вот тоже храплю, – добавил Карло, застегивая кофту.

– Это точно, – отозвалась Маргерита.

– Не балуйся там в садике, малыш.

Маргерита проводила мужа с сыном до двери. Вернувшись, она подняла до конца жалюзи и заметила, что Анна смотрит на папино кресло.

– Я столько раз мыла твоего отца... Знаешь, о чем я думала, пока возила губкой? – Она прочистила горло. – До чего ты докатился, Франкин!

Маргерита подошла к полке с пластинками.

– Кого поставим?

Анна промолчала.

Маргерита выбрала виниловый диск:

– Де Грегори?

– Только не этого чистюлю!

– Рино Гаэтано, поставим Рино Гаэтано, – проговорила она, вытаскивая пластинку.

– Давай без музыки.

– Seriously?

– Да, без музыки.

Поставив пластинку на место, Маргерита прошла в ванную. Достала упаковку одноразовых пеленок и чистый подгузник, наполнила теплой водой тазик, нашла губки и полотенца, налила горячей воды в кувшин, достала клеенку, нейтральное мыло, ведро и поставила все это на столик на колесиках, который остался от отца. Прикатила столик в гостиную. Подошла к кровати и повернула ручку, чтобы поднять матрас.

– Тебе удобно?

Анна кивнула.

Погладив маму по плечу, Маргерита чмокнула ее в щеку и, взявшись за бок, попробовала ее наклонить: Анна застонала от боли. Трубка от катетера мешала ей двигаться, Маргерита опорожнила наполовину заполненный мочеприемник. Придерживая Анну за плечи, Маргерита передвинула ее на правую сторону кровати, затем постелила клеенку и полотенце поверх простыни.

– Сейчас все сделаем.

Анна лежала с закрытыми глазами, отвернувшись к стене.

– Сейчас все сделаем, мам.

Маргерита налила немного горячей воды в тазик, распаковала губки, опустила их в воду, сняла колпачок с жидкого мыла.

– Вчера вы с Карло немного пошумели, а, солнышко? – Анна вытянула шею, чтобы видеть, чем занята дочь.

– Мы? – Подняв мамину ночную сорочку, Маргерита чуть не задохнулась от неприятного запаха. – Мы смотрели фильм на компьютере – шумели там.

– Какой фильм?

– С Лорен и Мастроянни. – Маргерита хватала воздух ртом.

– И из-за чего это Лорен так кричала?

Маргерита молча отклеила липучки с одной стороны памперса, затем ответила:

– Из-за Мастроянни и его прошлого.

– Какого еще прошлого?

– Из-за сладкой жизни, которая закончилась.

– В свое время он был звездой, потом почти не снимался. Кстати, когда у Карло собеседование?

Маргерита задрала перекрученную мамину майку до самого бюстгальтера:

– Послезавтра.

– У него есть все шансы.

– Ему уже сорок четыре!

– Ну, у сорокачетырехлетних ведь больше опыта, разве не так?

– В наше время в таком возрасте ты уже полутруп. Однако проблема не только в работе.

Анна положила руку в гипсе себе на грудь:

– Мне показалось или я слышала слово «ипотека»?

– Раздвинь-ка чуть-чуть ноги, пожалуйста. – Маргерита сдержала рвотный позыв, уткнувшись носом в майку, затем снова посмотрела на мать и отстегнула последнюю липучку. – Вас, послевоенное поколение, волнуют только деньги.

– Потому что к семейной жизни мы приспособивались быстро.

Маргерита перевела на нее взгляд.

Анна не шутила.

– Умение приспособиваться давало свободу, солнышко.

– А я вот не умею приспособиваться.

– Ты всегда избегала трудностей.

Взявшись за переднюю часть памперса, Маргерита потянула его на себя, при этом она смотрела на мать и улыбалась, потом опустила голову: полотенце и пальцы измазались в дерьме.

– Во что я превратилась...

– Ты у меня красавица.

Убрав подальше памперс, она взялась за тазик с водой. Ей объяснили, что для того, чтобы не занести инфекцию, подмывать нужно от пупка сверху вниз.

– Вода не слишком горячая?

– А насчет Мастроянни – бери быка за рога. – Анна утвердительно кивнула. – Вода нормальная. Взять быка за рога – это всегда работает.

Маргерита прошла губкой один раз, прикрывая локтем нос и наклоняясь, чтобы ее не было видно. Держа в руке мочалку, она старалась смотреть в сторону. Затем наконец решилась и взглянула собственно на то, что она мыла. Она могла бы поклясться, что перед ней юная девушка. Маргерита медленно водила губкой – сверху вниз, ополаскивала – сверху вниз, отжимала – сверху вниз, снова аккуратно ополаскивала, чтобы не задеть катетер. Затем выбросила губку в ведро и взяла в руки новую.

– Мам, а ты когда-нибудь сомневалась в папе?

– Тихонько, солнышко, не спеши. – Анна задумчиво вздохнула. – Конечно же, сомневалась. Я и в себе сомневалась. Но тогда было другое время.

– Так что?

– Так что бери быка за рога, – улыбнулась она, вздохнула и закашлялась. Маргерита подождала, пока пройдет приступ кашля. Затем поцеловала Анну в лоб.

– Ты у меня красавица, поняла?

Измазав край повязки, Маргерита принялась оттирать марлю, отчего Анна пронзительно вскрикнула.

– Так сильно болит?

– Есть немного.

– Нога распухла, но, думаю, так и должно быть, – проговорила она, осторожно продолжив процедуру. – Надо показать медсестре.

– И вообще, я на стороне Лорен. И ты это знаешь.

Маргерита кивнула и чистым полотенцем принялась вытирать Анну, вдыхая запах вымытого тела. Чтобы просушить влажную простыню, она взяла в ванной с полки над раковиной фен. Высушив постельное белье, прежде чем выключить прибор, направила горячую струю и на Анну.

Та рассмеялась.

Поставив все на тележку, она укатила ее в ванную и закрылась изнутри. Прислонилась к стене и прикрыла глаза. Руки гудели; сжимая и разжимая кулаки, она подумала: вымыть маму, вымыть ее хорошенько и без испуга – вот что ей требовалось сделать. Прижавшись спиной к прохладной плитке, немного успокоилась и встряхнулась. Хотела было подойти к раковине, но так и осталась стоять на месте. Взяла в руки телефон и набрала мужа; когда после трех гудков в трубке раздался его голос, сказала:

– Просто хотела тебя услышать.

Различив в голосе жены хриплые нотки, он поинтересовался, что случилось.

На что она ответила:

– Ничего, просто позвонила.

Какое-то время они молчали, затем он произнес: я люблю тебя, слышишь?

Положив трубку, Карло ощутил внутри ту же нежность, ту же сладкую и глубинную грусть, что ощущал, когда возвращался домой от других женщин и наблюдал за Маргеритой, снедаемый чувством вины за то, что совершил: теперь он понимал, что она права, нужно выбросить Софию из головы – увидеть ее снова.

Оставив Лоренцо в садике, он дождался, пока малыш подойдет к остальным детишкам: из-за не по росту большой кофты тот казался совсем крохой. Отвлечшись и не думая больше о сыне, Карло дошел до станции метро Порта Генуя. Морозный ветер обжигал лицо, он вошел в вагон и доехал до станции Кадорна, купил билет за три евро и стал ждать электричку на Ассо. Поезд прибыл точно по расписанию, он сел у окна и, не сняв куртки, всю дорогу смотрел на мелькавшие за окном выставленные на продажу дома, голые поля, провинциальные станции, стариков и кучки иммигрантов, дрожавших от холода в ожидании поезда. Он сошел в Кабьяте. Однажды они с Даниэле Букки подсчитали, что от центра Милана до химчистки можно добраться за сорок пять минут – меньше часа, чтобы увидеть друг друга. Впрочем, это случилось только раз.

Широкая улица привела Карло от станции к небольшому историческому центру, куда идти дальше, он не знал, и тут его взгляд упал на белую вывеску «Химчистка “Аврора”». Увидев за стеклом

Даниэле, Карло остановился. Его друг обслуживал клиентку: утвердительно кивая, снял с вешалки брюки – стиральная машина за его спиной казалась светящимся ульем, – положил их на прилавок и, не сводя взгляда с клиентки, завернул в бумагу. Скотчем заклеил пакет и опустил глаза только для того, чтобы взять деньги и отсчитать сдачу. Когда клиентка вышла, тренькнул дверной колокольчик, вроде тех, что раньше висели в ресторанах. Карло вошел внутрь. Его друг в подсобке разговаривал с синьорой, гладившей белье.

– Это я, Леле.

Даниэле отложил степлер в сторону.

– Ты?! – И пошел ему навстречу. – Где ты пропадал?

Они пожали друг другу руки.

Чувствовалось, что их дружба начала ржаветь. Карло молчал, тогда Даниэле провел его за прилавок и помог снять куртку.

– Как дела, Пенте?

– Как перед экзаменом у Бальи.

– Латынь или итальянский?

– Латынь.

– Ясно.

– Но перед тобой лучший подсказчик Парини.

– Да, было времечко! – Даниэле прикрутил реле стиральной машины и махнул рукой на барабан. – Видишь, мы ее недавно поменяли. Электричества жрет в разы меньше, а стоит как новое авто. И все зря!

– Старая работала не хуже?

– В принципе, да.

Даниэле сделал ему знак подойти к витрине и указал пальцем на голубую вывеску среди домов.

– Ты это видишь?

– Ее же не было.

– Ага, мы и глазом моргнуть не успели, как они открылись. Ровно через три недели, как мы установили новую машинку. Китайцы. Знаешь, сколько они берут за одни брюки? Два евро! А теперь угадай, сколько беру я?

– И сколько?

– Два семьдесят. И еле-еле свожу концы с концами. Вот ты, к примеру, к кому пойдешь?

– К тебе!

– Не ври, Иуда! – и сделал вид, будто хочет ударить его в живот. Карло все равно увернулся. – Да ты, Пенте, в форме, хоть и стал папашей.

– Привык парировать удары.

– Чьи?

– Свои собственные.

– Главное, не дай себя нокаутировать из-за фигни, понял?

– Постараюсь.

Затем они затихли: так бывало и в лицее, когда один из них натыкался на правду. За партой – локоть к локтю, вместе на футбольном поле, один – защитник, второй – фланговый защитник, выходные дома то у Карло, то у Даниэле, футбол по радио вместо латыни, косячок или бутылка пива на двоих во дворе на пьядца Аспромонте или на кухне Букки, где глава семейства в майке во время набегов к холодильнику готовил им панини с прошутто.

– И в какую фигню ты встрял? – поинтересовался Даниэле, приподняв левый уголок рта. Он все еще носил длинные усы, а в усталых глазах блестел огонек.

– Если бы только в одну.

– Когда был преподадом?

– И тогда тоже.

– Все становится сложнее с возрастом, с появлением детей и китайских химчисток. Можно и сломаться, ты же в курсе?

Карло кивнул.

– А вот если не поведешься на всякую фигню, значит, тебе есть за что держаться.

– А если это не фигня?

– Тогда вперед! – Даниэле расхаживал туда-сюда по прачечной, шаркая искривленными футболом ногами в кроссовках. – Я бы играл по-крупному.

– С женой и тремя детьми?

– Ага.

В прачечную вошел мужчина в нахлобученной на глаза шляпе. Даниэле обслужил его в полной тишине, его жесты стали изысканными, а руки и ноги – легкими, стрекозой он порхал за прилавком, снял рубашку с электрической вешалки, упаковал и исчез в

подсобке. Вернулся с гольфом, сложил его одним движением пальцев и завернул в бумагу, скрепив двумя полосками скотча.

– Прошу, синьор Розати. Шесть двадцать.

Человек протянул Даниэле деньги.

– Я вам не изменю, Букки, – сказал он, указав на голубую витрину. – Не хватало еще, чтобы мои вещи стирали черные.

– Они китайцы.

– Один черт, – забрав сдачу и вещи, он коснулся шляпы и вышел.

Карло повторил хриплым голосом:

– Я вам не изменю, Букки.

Даниэле кивнул.

– Ты, главное, себе не изменяй.

– И ты тоже.

– Только капельку. – Даниэле отметил что-то в настольном календаре. – Но знаешь, ради Аньезе и детей я от многого готов отказаться.

Стиральная машина давала о себе знать монотонным гулом.

– Ты болеешь за «Интер». Десять лет ходил на массаж шиацу. Ел замороженную пиццу. Может, ты мазохист?

– Недавно у меня развилась клаустрофобия. Я ездил в Милан, чтобы продлить страховку, и застрял там в лифте минут на сорок. Я, конечно, не подал виду, когда меня оттуда вытащили. С тех пор я иногда задыхаюсь и у меня барахлит мотор, даже когда просто стою в пробке. В прошлом году, вот, летали на Лансароте. Так вот: в самолете я натерпелся страху. Я дергаюсь, даже если поезд в метро притормаживает. – Он смахнул рукой шерстяную нитку с прилавка. – Целый год я ходил к психологу. Тот сказал, что, в общем, ради семьи я забил на себя.

Карло усмехнулся.

– Чего лыбишься?

– Да так, представил, что было бы, пойдя я к психологу...

– Он бы сменил профессию.

– Кстати, я ходил... После того, как меня выперли из универа.

– Сходи еще.

– Профессор-неудачник, далеко не образцовый муж, папенькин сынок, корчащий из себя не пойми что – слишком много всего...

Они переглянулись, затем Карло заметил фотографию на полке, подошел и взял в руки. На фото была запечатлена Аньезе в гамаке с младшей дочкой на руках. Одна ее нога с цепочкой на щиколотке свисала вниз.

– Трахаться – классно, Леле.

– С этим не поспоришь!

– Не только с женой, понимаешь?

– Понимаю. – Он заглянул в подсобку и сделал знак Карло говорить потише. – Но как представляю, что возвращаюсь домой от другой и кормлю Изабеллу, играю в приставку с Мануэле, бегаю по коридору за Джулио или смотрю «X-Factor» с женой, которая лежит у меня на коленях, и все: у меня руки опускаются, я не могу. Пенте, ну вот как это делается?

– А если этим занимается твоя жена?

– Ты подозреваешь Маргериту?

– Я просто за равноправие полов.

– Да как можно прийти к жене после секса с какой-то девчонкой?

Это же гадко!

– Может, и так.

– И не говори, что эта гадость не проникает в душу.

– Я люблю Маргериту.

– Ты боишься.

– Чего?

– Ну, прожить с женой и ребенком до самого конца. Ну, как с книгой. – Он обернулся и нажал две кнопки на стиральной машине. – Чтобы закончить книгу, нужна сила воли, разве нет? Помнишь, ты сам мне это говорил.

– Или глупость.

Две женщины с дворняжкой на поводке вошли в прачечную. Даниэле пробежал глазами список у кассы, а Карло подошел к радиатору и прислонился к нему спиной, чтобы согреться. Перечитал ее эсэмэску. Затем обернулся к неону китайской химчистки, прорезавшему голубым светом хмурый зимний день, за которым, как ему показалось, угадывалась весна. Сквозь витрину София смотрела на Ларго Бордони под лучами слабого солнца и думала, что Пентекосте ей никогда не ответит: то ли он не получил книги, то ли счел ее слишком назойливой.

Взобравшись на самый верх стремянки, она заглянула в ящик: гвоздей еще было достаточно, их можно заказать через пару дней вместе с мастикой и дюбелями. С высоты магазин был полон какой-то особой прелести, и она задалась вопросом: с какой стати она надеялась, что он ответит? Больше она ничего не станет ему посылать.

Закрыв ящик, она спустилась, села на стул и, сложив руки на коленях, уставилась невидящим взглядом на прилавок. У нее не было сил даже сдвинуться с места: такое порой случалось, когда ее одолевала тоска по матери. София ждала, когда это пройдет, и вспоминала, как летом они ездили в поле рядом с начальной школой в Верджано. На дорогу уходило минут десять, остановив машину, мама сразу же доставала банку с бумажными шариками и давала Софии вытащить один.

– Выбирай, Софи, выбирай хорошенько.

Однажды она долго не могла определиться с выбором, потом достала шарик, развернула и прочитала:

– Желтый!

– Кто проиграет, тот месяц убирает балкон!

Захлопнув дверцы машины, они побежали в поле: по уговору подходили все оттенки желтого до оранжевого (никаких маргариток, это слишком просто!), букет должен был хорошо смотреться в вазе на кухонном столе.

София накинулась на львиный зев – рвала охапками желтые свечки без оглядки. Отдышавшись, принялась искать глазами маму на другой стороне поля: та была маленького роста и мелькала то там, то сям в высокой траве, иногда чихая. А потом исчезла. София присмотрелась повнимательнее – никого. Поднявшись на ноги, позвала:

– Мам!

И направилась туда, где та собирала цветы.

– Мама!

Кругом были примятые до самой земли стебли. Она нашла ее на соседнем пшеничном поле.

– Не считается! – закричала София.

Мама подняла голову, ее глаза поблескивали среди копны черных как смоль волос.

– Так желтый же! – смеялась она с букетом колосков в руках.

Колоски и львиный зев они оставили на кухне и в каморке на память. После аварии отец их выбросил.

Софии пришло в голову, что было бы неплохо поставить колосок здесь, в магазине, к примеру в длинной тонкой вазе на прилавке. Взглянув на вешалку, она подошла к синему халату. И представила, как мама покупает его после концерта Ванони на пьядца Кавур и идет обратно в приподнятом настроении, напевая вполголоса; представила ее летом на том поле за школой в Верджано.

Она сняла халат с вешалки и надела: сначала один рукав, затем второй, расправив его на груди, испугалась, что он тесен в бедрах. Застегнула пуговицы и убедилась, что халат сидит как влитой. Прислонила нос к плечу (от ткани пахло пылью) и спросила себя, где теперь ее мама. В Римини весна всегда приходит раньше.

Андреа разбудил стук в стекло машины: открыв глаза, он увидел снаружи встревоженного Джорджо. Оторвав голову от сиденья, Андреа огляделся – вчера он неудачно припарковался напротив киоска. Было раннее утро, Андреа коснулся рассеченной губы и вспомнил: египтянин. Он проиграл бой в два счета, теперь ему еще не скоро разрешат выйти на ринг. Андреа щелкнул замком, и Джорджо распахнул дверцу.

– О боже! – Прикрыв дверцу, он обошел машину и сел рядом с Андреа. – Я ночью всех на уши поднял.

– И моих?

– Твоих – нет. Я даже вернулся в ангар, но там уже никого не было.

– Пора открывать киоск. – Выглянув из машины, он заметил официанта из бара «Рок», который не сводил с них глаз.

– Это он мне сказал, что ты тут.

– Газеты!

– Он их забрал и сообщил мне. Они уже хотели звонить в службу спасения.

– Я в норме.

Джорджо коснулся его шеи, и Андреа отпрянул: египтянин хорошо прошелся по торсу. Ощупав ребра, Андреа вздохнул с облегчением – ничего серьезного. Опустив зеркало, заглянул в рот и заметил отколовшийся резец.

– Сзади в сумке есть обезболивающее. Подай мне ее, пожалуйста.
Джорджо не шелохнулся.

– Пожалуйста, подай сумку. – И поднял сиденье.

Джорджо протянул ему таблетки. Андреа разболтал их в бутылке с водой и выпил залпом – теперь к вкусу крови во рту присоединился и мятный привкус лекарства. Джорджо взял ключи из рук Андреа и поднял железные жалюзи, затем перенес связки газет из бара в киоск. Когда они зашли внутрь, Джорджо поставил перед ним табурет и попросил сесть.

Андреа сел. Было холодно, повисла тишина.

– Я не могу без этого.

Джорджо передвинул кипу газет.

– Я отпрошусь на полдня и наведу тут порядок. А ты иди домой.

– Я в норме.

– Иди домой.

– Одного боя мне хватает на месяцы.

– В смысле?

– Я не могу без этого.

С мокрыми глазами Андреа, склонив голову, держался за ребра, легкие то надувались, то сдувались, грудная клетка ходила ходуном, как у младенца.

Перерезав веревку на газетах, Джорджо швырнул ножик на прилавок. Подошел к Андреа, обхватил его виски руками, притянул голову к себе и сказал: «Jag älskar dig». Вытерев ему слезы, поинтересовался:

– Ты там хоть что-то зарабатываешь?

– Да так, мелочь.

– Ясно. Бойцовский клуб для бедняков.

Андреа прикоснулся к распухшим губам.

Джорджо посмотрел на него в упор:

– Дело во мне?

– Я этим занимался и до тебя.

Джорджо стоял как вкопанный. Затем сложил стопкой газеты на прилавок и принялся сверять количество в каждой пачке, делая отметки маркером. Перевел взгляд на Андреа. Взял его руку и положил на стопку с «Гадзетта делло спорт», нащупал маркер, которым они подбивали дневную выручку, снял колпачок и провел линию от

указательного пальца к запястью. Потом от среднего к запястью. От безымянного к запястью. От мизинца к запястью. И наконец последнюю – от большого пальца к запястью.

Андреа взглянул на свою разрисованную руку.

– Я принимаю твои заскоки. – Вдруг он резко провел линию от мизинца к большому пальцу, перечеркнувшую все остальные. – Но вот этого я принять не могу! – отрезал он, отложив в сторону маркер. – То, что ты себя стесняешься, меня бесит.

Андреа смотрел на свою руку как на чужую, Джорджо отпустил ее. Прижав руку к себе, он потрогал все пять линий. Позже, придя домой, перед тем как смыть все под душем, он еще раз прошелся по линиям пальцами и принялся оттирать маркер мочалкой. Затем остановился: жаль, если рисунок исчезнет насовсем.

Выйдя из душа, Андреа обработал раны и приложил лед к синякам. Обзвонил учеников, чтобы перенести тренировки. Прошел в спальню, в неглубокой нише стоял столик – вперемешку с карандашными стружками на нем валялись любимые линеры Джорджо. Открыв папку, Андреа вытащил верхний лист бумаги. Это был набросок замшевых «оксфордов» для осенней коллекции, нижняя часть эскиза была посвящена каблуку, Джорджо корпел над ним уже дня три. Андреа взял карандаш и написал в уголке: «Jag älskar dig».

Снова приняв обезболивающее, лег в кровать. Через какое-то время – он не понял, сколько проспал, – его разбудил телефон. В полудреме он дождался, пока телефон замолчит, и снова провалился в сон. Когда его поднял на ноги второй звонок, за окном уже стемнело. Андреа прошел на кухню и увидел, что звонит Маргерита. Встревоженный голос на другом конце сообщил ему, что нога у Анны стала странного цвета и болит.

– Что значит – странного цвета?

– Как после удара. Медсестра говорит, что это нормально.

Он заверил Маргериту, что медсестра, скорее всего, права, и расспросил о других симптомах: есть ли жар, озноб, одышка? На другом конце провода было слышно, как Маргерита уточняет у матери, – нет, у той не было таких симптомов.

– Я зайду завтра днем.

Поднявшийся ветер нагнал тучи. Андреа обулся, тепло оделся и спустился по лестнице, не дожидаясь лифта. Левый квадрицепс горел

огнем. Он позвонил Джорджо предупредить, что направляется к синьоре с переломом бедра: ее состояние его беспокоит. Затем добавил: спасибо тебе за сегодня. Ты действительно идешь к той синьоре избитый в хлам, спросил Джорджо. Уверив его, что это правда, Андреа повторил: спасибо тебе за сегодня.

Через сорок минут он был на месте; когда он вышел из машины, ветер почти стих. Маргерита открыла сразу же, будто ждала за дверью.

– О боже, – пробормотала она, увидев рассеченную губу и скулу.

– У чувака отличный хук справа.

– Ты ненормальный. – Маргерита держала его на лестничной клетке. – И все-таки ты пришел.

– Только гляну одним глазом.

Он вошел в гостиную и поздоровался:

– Это я, синьора.

Анна не издала ни звука, поэтому он подошел к кровати: матрас был опущен, и Анна лежала, отвернувшись к книжному шкафу.

– Как ты тут оказался? – поинтересовалась она, не шелохнувшись.

– Проходил мимо.

– Как Онассис, который летел через полмира, лишь бы позавтракать с Жаклин?

– Маргерита рассказала мне о вашей ноге.

Анна обернулась:

– Святые небеса, что с тобой приключилось?

– Бокс.

– Какой идиотизм.

– Можно я взгляну?

– Дай мне телефон того, кому ты не безразличен, я ему сейчас же позвоню! – сказала она, откинув одеяло.

Маргерита зажгла свет в гостиной, и Андреа склонился над Анной, уловив запах свежeweымытого тела. Нависавшая над повязкой кожа была странного оливкового цвета.

– Медсестра ослабила повязку?

– Мне кажется, наоборот.

Андреа сбросил с себя куртку движением плеч, подхватив ее почти у самого пола, и положил на кресло.

– Ты снимал так куртку перед своей второй половинкой?

– В смысле? – спросил он, принимаясь за первый зажим.

– Ты неотразим.

– Не преувеличивайте.

– Вылитый Хамфри Богарт! – Анна стиснула зубы. – Как зовут твою вторую половинку?

Он занялся вторым зажимом:

– Можете немного поднять бедро?

– Прости, что сую нос куда не следует.

Андреа замер.

– Его зовут Джорджо.

– Так скажи своему Джорджо, чтоб вечером ждал тебя на диване, а ты... ой, ой, ой! Поаккуратнее, пожалуйста!

– Простите.

– А ты перед ним сними вот так куртку.

– Готово. – И снял повязку.

Анна радостно вздохнула:

– Какое облегчение!

Андреа стал ощупывать ногу, при каждом движении его рук Анна вздрагивала. Добравшись до памперса, краем глаза нашел Маргериту в углу гостиной. Тут в груди что-то кольнуло, и он резко выпрямился, осмотрел свои руки и увидел линии, нарисованные Джорджо: его руки-ветки ползли по синьоре Анне. Затем позвал Маргериту:

– Такой массаж ты должна делать каждые два часа. Только не касайся внутренней части.

Он взял ее руки в свои и положил на мамино бедро. Затем провел ее руками по затвердевшей мышце:

– Вот так, поняла?

Они вместе делали массаж, и Маргерита касалась его шероховатых, как у подростка, пальцев.

Не останавливаясь, Андреа снова взял ее руки в свои, и Маргерита вспомнила кушетку в «ФизиоЛаб» и руки, двигавшиеся от бедра к паху, закатанный купальник, нажим, резонировавший по всему телу, желание и острую потребность в дерзком мизинце – как ей хотелось, чтобы он сдвинул его хотя бы на сантиметр! Она изменила Карло с парнем, предпочитавшим парней. Это выглядело странно? Скорее унижительно: изменить с тем, кто переспал с тобой из-за нерешительности, жалости или из желания развлечься. Долгое время она расценивала это как превратность судьбы. Затем поменяла свое

отношение и взглянула на это по-другому – как на явление исключительно редкое: как-никак ей удалось соблазнить «несоблазняемого», получив и наслаждение, и нежность. И, наконец, дружбу – человека, который заботился о ее матери.

– Этой ночью дадим ноге отдохнуть без повязки. Но завтра покажите ее медсестре. Если кожа потемнеет, звоните доктору. Вы принимаете кровоостанавливающие препараты?

Маргерита кивнула.

– Говорят, пойдет снег, – проговорила Анна, не раскрывая век, отвернувшись к книжному шкафу.

– Да, ветер какой-то странный.

Андреа осторожно передвинул ее на середину кровати.

– Снег в марте – это что-то новенькое.

Анна не смотрела на них: перед глазами стояли их руки на ее ноге, она могла поручиться, что дочь развлекалась с этим парнем, – это ее шокировало. Внезапно ей расхотелось думать о других: она превратилась в лежачую швею, ходившую под себя. Однако у нее остались ее необыкновенные пальцы – она могла любоваться ими в постели, поднося их к лицу: проворные кончики, привыкшие к игольному ушку, указательный, помогавший отрезать ровный край, подушечки, скользившие по узорчатой ткани. Она увидела себя на кухонной табуретке, Франко читал рядом в кресле, на плите томился бульон, Маргерита в своей комнате болтала по телефону. Прошное никуда не исчезло.

Анна спросила Маргериту, где Лоренцо. Та ответила, что он скоро вернется из бассейна. Она торопилась каждый раз, когда дело касалось Лоренцо: он слишком поздно появился на свет, поэтому она наверстывала упущенное. Будь ее воля, она бы не снимала гипс, лишь бы он мог дорисовать свою рыбку-талисман. Пока Маргерита с Андреа шушукались в прихожей, она трогала то плавники, то хвост, то скользила по туловищу. Анна задремала, а когда проснулась, то увидела Лоренцо.

– Привет, малыш, – пробормотала она сонным голосом. – Хорошо поплавал?

Мальчик кивнул, обошел кровать, взял подушки с дивана, уложил их на стул и уселся сверху.

– Массимо Николини приплыл первым.

- Кто такой этот Массимо?
- Мой друг.
- А ты каким приплыл?
- Седьмым...
- А сколько вас всего в группе?
- Восемь.
- А другие виды спорта ты любишь, зайчик?
- Да, люблю драться на шпагах.

Порывшись в рюкзачке, он достал кулек с фокачкой и откусил кусочек.

- Но мама сказала, никаких шпаг.
- Да ты у нас и без шпаги мушкетер хоть куда! Мы с тобой два мушкетера с виа делле...
- Леге!
- Молодец, мое сокровище.

Ребенок протянул ей фокачку. Отправив ее в рот, Анна не отрываясь смотрела на внука – на его лазурно-серые глаза, на сбившуюся в сторону, как у Маргериты, челку. Во внуке она видела Франко. Как он сдерживал смех в уголках рта, перед тем как рассмеяться в полный голос. Анна попросила еще кусочек, хотя у нее и не было аппетита. Лоренцо положил ей его прямо в рот и принялся смотреть, как она жует; вдруг Анна перестала жевать.

Выплюнув все, что было у нее во рту, она стала хватать воздух ртом, схватилась за грудь и здоровой рукой притянула к себе перепуганного Лоренцо:

- Бабушка, бабушка!

Закашлявшись, она судорожно вдохнула и заметила, что едва не задавила внука. Приласкав малыша, извинилась:

- Прости меня, солнышко.
- Но ребенок не сводил с нее перепуганного взгляда.
- Все в порядке, сокровище мое.
 - Ты подавилась?
 - Да.

После очередного приступа кашля она забрызгалась слюной.

– Не в то горло пошло, – пояснила она, комкая в руках остатки фокачки. От приступа тахикардии ее сердце упало куда-то в ногу; она

потерла затвердение, которое массирует Андреа. – Теперь бабушка в порядке.

– Папа! – Ребенок собрался было слезть со стула, но Анна его удержала.

– Может, нарисуешь мне красивую картинку на гипсе?

Лоренцо остался на месте.

В дверях появился Карло:

– У вас тут все в порядке?

За его спиной стояла Маргерита.

– Вы что-то хотели? – спросила Анна.

– Мы?!

Мальчик посмотрел на бабушку, та незаметно подмигнула ему. Тогда он слез со стула и достал из рюкзака цветные карандаши.

– Мы хотели, – Анна зашла в кашле, – хотели пожелать тебе ни пуха ни пера. Во сколько у тебя завтра собеседование?

Карло подошел к Анне и стряхнул крошки с постели.

– В девять. – И внимательно посмотрел на них обоих. – А ты, Лоренцо, не доставай бабушку.

– А он меня и не достает! Я попросила его нарисовать картинку и хотела попросить, чтобы он, как настоящий мушкетер, отвез меня в спальню.

– Мама, ты хочешь в спальню?

Анна утвердительно кивнула.

Маргерита с готовностью наклонилась, будто давно ждала этого момента, и разблокировала колесики кровати. Взявшись за край, она осторожно повезла кровать в сторону спальни.

С тех пор как она повстречала Карло, в ней появилось нечто, чему Анна старалась найти название. Заботливость или даже больше: Маргерита не мешала близким поступать так, как они считают нужным. Семейная жизнь превратила ее в женщину, способную не только принимать, но и оберегать непоследовательность окружающих: позволить матери расквартироваться в гостиной, а потом по первому требованию сразу же перевезти ее в спальню; поддержать отца, пожелавшего умереть раньше положенного срока; закрыть глаза на возможную измену мужа.

Маргерита выкатила кровать на середину спальни и аккуратно развернула так, что та оказалась рядом со швейной машинкой,

опустила жалюзи и принялась переносить оставшиеся вещи из гостиной. Затем распахнула створки шкафа, чтобы Анна могла смотреть на висевшую там одежду.

– Спасибо. – Ее взгляд упал на свадебную накидку. Ткань поблескивала даже сквозь целлофан. – Я надела ее шиворот-навыворот, – прошептала она.

– Да, я знаю. Довольно смело для пятидесятих. По-моему, ты слегка погорячилась.

Анна ей улыбнулась, устроилась поудобнее на подушке и почувствовала, как на нее навалилась усталость. Когда она проснулась, было уже темно, свет горел только в коридоре. Медсестра передвинула кресло и наблюдала за ней, листая журнал при свете фонарика. К горлу подступил приступ кашля, но Анна сдержалась, дыхание участилось, и она постаралась вдохнуть полной грудью. Кожа на ноге была прохладной, она с облегчением обнаружила, что из-под простыней ничем не пахнет. За окном в свете фонаря кружились мелкие крупинки – присмотревшись повнимательнее, она поняла, что это мартовский снег.

– Он все-таки пошел, – пробормотала она.

– Вы что-то хотели, Анна? – отозвалась медсестра.

– Это снег на улице?

– Снег с дождем. Пошел с час назад.

Анна загадала, чтоб снег повалил сильнее. И когда вскоре так и случилось, ей захотелось встать и оказаться на улице – она была девочкой с виа Падова, лепившей лучших снеговиков: носы она им приделывала из тыквы, а глаза из выкрашенной в черный цвет газетной бумаги. Идет снег, хотел было сказать Андреа Джорджо, но промолчал. Подойдя к окну, он надеялся, что белым запорошит и асфальт, и клочок земли под орехом, потом испугался, что Цезарь замерзнет. Его пес – обрубленный хвост, водянистые глаза и ледящий холод на ране, боку, лапах, морде. Он взялся за оконную ручку и вдруг почувствовал, как Джорджо обнял его сзади за плечи и прислонился щекой к его шее. В Милане снег вечно в диковинку, это показалось Маргерите хорошим знаком перед собеседованием. Взволнованная, она прошла через гостиную и постучала пальцем по стеклу. Карло выключил телевизор, поднялся с дивана и подошел к ней: ему тоже пришло в голову, что это хороший знак и для

собеседования, и для всего остального. Обняв жену, пахнувшую так же, как и в день их знакомства, загадал, чтобы они всегда были только вдвоем, и понял, что этому не суждено сбыться. Моя Маргерита, прошептал он в полной тишине квартиры на корсо Конкордия. Маргерита взяла его за руку, крепко сжала и попросила подождать ее в спальне. Мелкий снег сыпал с неба и вихрился у земли, расплываясь белым светом по гостиной. По коридору Маргерита прошла в комнату Лоренцо, из-под теплого одеяла торчала маленькая ножка. Она не стала его укрывать и направилась к секретеру в прихожей. Этот секретер начала двадцатого века, отреставрированный отцом, ей подарила мать по случаю переезда: как и Анна, Маргерита пользовалась только крайним ящичком сверху. Пошарив в нем рукой, она нашла флакончик с лекарством от аллергии. Муж давно перестал носить его с собой, а она забывала ему об этом напомнить. Шагнув к вешалке, она, уткнувшись носом в воротник, опустила флакончик во внутренний карман мужниного пальто.

В кармане маминого халата София нашла старый чек из парикмахерской на Ларго Бордони. Она принесла его домой и принялась разглядывать под абажуром: укладка и стрижка обошлись в двадцать восемь евро, на чеке стояла дата: 13 сентября, пятнадцать лет назад.

Оставив чек на комод, она юркнула в постель, Томмазо ее укрыл. Кровать была маленькой, и когда Томмазо оставался у нее, ей всегда было неловко, оттого что она сильно ворочалась, а его кудряшки и шумное дыхание мешали ей заснуть. Нащупав руку Томмазо под одеялом, она притянула ее к себе и удивилась: отец ведь находился в соседней комнате и наверняка еще не спал.

Ветер стучал в окна, София выключила абажур, и, глядя на белый свет, проникающий в комнату, они уснули. Томмазо разбудил ее, погладив по голове, ей нравилось ощущать его руку на своих коротких волосах, потом сказал, что ему пора, и она не стала его удерживать. Она смотрела, как он одевается: несмотря на крупное тело, его движения были точны и осторожны. Проводив его до двери, София вернулась в комнату и подошла к окну, чтобы опустить жалюзи, и тут увидела снег. Ох, вырвалось у нее в порыве нечаянной радости.

В Милане поговаривают, что в День святого Амвросия, приблизительно в десять утра, кто-то вывешивает на ель напротив Арены в парке Семпьоне три ключа. Эта ель растет в самом начале вьяле Мальта. По легенде, это ключи от апартаментов за Аркой Мира, на виа Эупили 6/А. Это дом с лепниной на фасаде, первый ключ открывает калитку, второй – деревянную дверь подъезда, третий – квартиру на последнем этаже. Внутри очень уютно: небольшая гостиная со столом, бархатным диваном и библиотекой. Ванная комната с ароматическими солями и ванной, кухонька с отличной едой. Есть там и спальня с удобной кроватью, новым комплектом белья и тремя мягкими одеялами. Тот, кто достанет ключи с ели, может пробыть в квартире до следующего утра, не нарушая при этом трех правил: не оставаться дольше положенного срока, не выяснять, кто владелец квартиры, и не приводить с собой гостей.

Когда Карло подкинул Франко идею проверить эту легенду, на дворе был День святого Амвросия 2005 года и они стояли в очереди к «Кова» за тортом с шоколадным ганашем и малиной. Франко не сдвинулся с места и сделал вид, что не расслышал. Тогда Карло сказал, что на часах как раз десять ноль пять – они могли еще успеть.

– Поздно.

– Давай попробуем.

Отец Маргериты стоял, не двигаясь.

– Ну, Франко!

– М-м-м...

– Ты же сам мне об этом рассказывал!

– Ну и что?

– А от кого ты это узнал?

– В Милане об этом каждая собака знает.

– А сам-то ты ходил туда?

Тот покачал головой и опустил бумажник в карман куртки. Внушительный с виду, он посмотрел на Карло, нахмутив кустистые, как у шнауцера, брови:

– Дома нас ждут с тортом.

– Да мы мигом! Найдем ель, и сразу же назад.

Франко ущипнул себя за нос, как делал всегда, когда колебался. Взглянул на часы, надел шляпу и буркнул:

– 'Ndem^[11].

На «Тойоте Королла» они добрались до парка Семпоне за двадцать минут, свободных мест для парковки не было, поэтому Франко предложил:

- Сходи сам.
- Зять тестя не бросит.
- Так ты же еще не женился на Маргерите!
- Но ведь женюсь.
- I giürament d’amur düran un di^[12].
- Рано или поздно, но обязательно женюсь.

Когда Карло вышел из машины, Франко включил аварийку. Описав полукруг по щебенке на въезде Мальта, они увидели первую ель в начале тропинки. Из рта у них валил пар, напротив дерева они остановились.

Франко снял шляпу.

Карло приблизился к стволу: они висели на гвозде у верхней ветки. Три ключа – дотянуться до них можно было, только если один подсадит другого.

Подошел и Франко.

Карло взглянул на него:

- Мы их достанем, подсади-ка меня.
- Женщинам – ни слова. – И потер руки, будто замерз.
- Мы их достанем.

Франко наклонил голову:

- Mí sun cuntèent insá^[13].
- Я хочу на виа Эупили!
- Mí sun cuntèent insá, – повторил Франко, ущипнув себя за нос и отступив назад.

Когда подошла его очередь, Карло ущипнул себя за нос. Это стало его жестом «на удачу» – об этом не знали ни Маргерита, ни Анна, – всякий раз, щипая себя за кончик носа, он вспоминал растерянного Франко под той елью.

Его проводили в зал с большим деревянным столом, окна которого выходили на заснеженный перекресток пьядца делла Република. На стенах висели плакаты с фразами из манифеста Деперо и мужчиной в фетровой шляпе с кружкой пива в руке. Карло снял пальто, опустил рюкзак на пол и сел. Когда в комнату вошли, он поднялся и пожал вошедшим руки. После дежурных фраз о погоде ему

сообщили, что сначала зададут серию вопросов, а вторую часть собеседования проведут на английском. Можно приступать?

Карло кивнул.

– Синьор Пентекосте, вы отдаете себе отчет, что у вас слишком пестрое резюме?

– Вы имеете в виду, разноплановое?

– По образованию вы филолог, работали копирайтером, планировщиком, по совместительству вели курс по техникам повествования в университете, работали редактором в туристическом издательстве.

– Конгениальный микс.

– Конгениальный микс или неспособность остановиться на чем-нибудь одном?

– Я бы скорее назвал это универсальностью.

– Должность маркетолога в нашей компании – это большой шаг вперед для вас.

– Маркетинг объединяет в себе многое из того, что меня привлекает.

– Например?

– Возможность придумать историю и рассказать ее.

– То есть манипулировать аудиторией?

Карло задумался.

– Скорее, соблазнять ее.

– Даже если речь идет о пиве?

– Здесь все дело в результате.

– Что вы подразумеваете под результатом?

– Страсть, которую можно пробудить в людях.

– То есть вы хотите сказать, что и обучение студентов, и составление каталога о Мальдивах, и реклама солодового пива для вас означают одно и то же – возможность пробудить страсть?

– В любом из этих случаев результатом будет эмоциональное вовлечение.

– А вам известно, что с 2010 года у покупателей все меньше проявляется инстинкт, который мы называем «удовольствие от потребления»? Эмоциональное взаимодействие с продуктом на сегодняшний день снизилось на две трети. Как, по-вашему, можно выйти из этой ситуации?

- Убедить их выпить по кружечке пива?
- Раздался смех.
- Значит, вы человек, способный убеждать?
- Скорее внушать.
- Вы ссылаетесь на ваш опыт преподавания?
- И на него тоже.
- Я вижу, вы ушли из университета.
- Мне мало платили.
- То есть в вашем случае экономическая мотивация превалирует над заинтересованностью?
- Нет, для меня важны оба этих аспекта. А также стимул.
- Стимул?
- Стимул к жизни.
- Еще?
- К развитию.
- Хорошо. Сейчас я перечислю занятия, а вы оцените степень своей эмоциональной вовлеченности, или, если хотите, стимула, по десятибалльной шкале. Отсутствие вовлеченности или стимула – ноль. Полное погружение – десятка.
- Хорошо.
- Прочитать лекцию о творчестве Шекспира перед пятнадцатью студентами?
- Я плохо знаком с творчеством Шекспира.
- Ваша оценка?
- Семь.
- Отредактировать руководство пользователя для последней версии iPhone?
- Один.
- То же руководство – с советами, как iPhone может облегчить нашу жизнь?
- Пять.
- Работа гидом на художественной выставке?
- Какого художника?
- Оценка!
- Назовите художника.
- Пикассо.
- Пять.

- Выставка эволюции бутылок coca-cola?
- Восемь.
- Рассказать публике о новом типе пылесоса?
- Четыре.
- Произнести речь о психологических преимуществах путешествий первым классом, несмотря на стоимость?
- Восемь.
- О ядовитом гербициде?
- Семь.
- Семь?
- Это что-то новенькое.
- Об обычном гербициде?
- Ноль.
- О напитке со вкусом клубники с эффектом похудения?
- Три.
- Вести страничку популярной музыкальной группы в «Фейсбуке»?
- Шесть.
- Назовите ваш вариант с оценкой десять.
- Десять?
- Именно.
- Каждое утро приходите на работу в интересный коллектив. Работать по восемь часов в сутки над тем, что не отравляет мозг. Получать зарплату с нормальным соотношением «усилие – удовлетворение». Уделять время семье.
- Что вы подразумеваете под соотношением «усилие – удовлетворение»?
- Я не хочу думать, что меня эксплуатируют.
- Вы в курсе, что должность, на которую вы претендуете, среднего звена?
- Конечно.
- Значит, вы в курсе, что у вас будет как минимум два проверяющих и два руководителя?
- Конечно.
- Моложе вас.
- Не вижу проблем.
- Бессемейных.

- В каком смысле?
- В том смысле, что они иначе распоряжаются своим временем.

Некоторые работают по субботам.

- Не вижу проблем.

Лоренцо.

– Вы в курсе, что в период рекламных кампаний наши сотрудники работают сверхурочно?

- Меня поставили в известность.
- Вижу, что вы владеете английским на уровне А2.
- Да.
- А французским – на уровне В1.
- У меня было больше практики.

– Сейчас я перечислю различные хобби, а вы оцените их по десятибалльной шкале. Чтение?

- Восемь.
- Садоводство?
- Даже не знаю. Четыре?
- Путешествия?
- Десять.
- Ужин у друзей?
- Семь.
- Дегустация сыров?
- Семь.
- Курсы сомелье?
- Два.

– Социальные сети?

– Шесть.

– Мы заметили, что вы не активный пользователь.

– Лучше знать меру.

– Знать меру?

– Иначе можно потерять контроль.

– Потерять контроль – не значит ли это полное вовлечение?

– С какой стороны посмотреть.

– Понятно.

– Правда?

– Последние пять вопросов, и мы переходим к беседе на английском. Насколько вы расположены к позитивным переменам?

Через семьдесят минут он вышел на улицу, побродил около вокзала, запах снега пощипывал ноздри. Осторожно вдыхая морозный воздух, Карло вошел в бар и заказал эспрессо макиато. Расстегнул пальто, достал телефон и, набрав Маргериту, сказал в трубку:

– Все прошло хорошо.

– Как тебе люди? Я имею в виду атмосферу.

– В общем, мне все понравилось. Приятные люди.

– О чем тебя спрашивали?

– Как Анна?

– Мама в порядке.

– Мы мило побеседовали.

– Дорогой, я так рада!

– Правда?

– Да.

– Все будет хорошо, вот увидишь!

Он сжал трубку:

– Сегодня утром Лоре мне сказал: папа, у тебя все получится.

Маргерита повторила:

– Папа, у тебя все получится.

Когда он вышел из бара, ноги гудели от усталости, но голова оставалась ясной. Он зажмурился и открыл глаза не сразу, в несколько приемов. Направился к Центральному вокзалу и взял билет на «Белую стрелу» в 10:35. Ему одновременно и хотелось, и не хотелось, в конце концов, ему было просто необходимо тайком сесть в поезд и провести три часа у окна, наблюдая за пейзажами Ломбардии и Эмилии-Романьи. Он вытащил из рюкзака блокнот, будто безрассудный поступок, на который он решился, мог вызвать прилив писательского вдохновения. Ему хватило бы и одной красивой фразы, чтобы почувствовать восторг, одной лишь фразы, чтобы поверить, что он получит место маркетолога в пивной компании, что напишет книгу, что то время, когда он едва не оступился из-за двадцатидвухлетней девушки, канет в прошлое. Поезд тронулся, и Карло уставился в окно – практически сразу его взгляд приковали уютные виды Пьяченцы. Снег сгладил все неровности, накрыв сады пушистым покрывалом, из труб валил сероватый дым. Однажды, еще подростком, он был в Римини вместе с Букки и остальными. По вечерам они ходили на дискотеку «Байя Имперiale», а жили в одном пансионе в Ривабелле, о нем он не

помнил ничего, кроме вывески цвета охры и диванов со встроенными пепельницами. Что он скажет Маргерите? Позвонив матери, Карло попросил ее забрать Лоренцо из садика, он зайдет за ним перед ужином. Что он скажет Софии?

Сверившись с расписанием обратных поездов, подсчитал, что в его распоряжении не более трех часов. Отложил в сторону телефон и откинулся на сиденье: насколько он легкомыслен – от нуля до десяти? Улыбаясь, он вспомнил лицо мужчины, засыпавшего его вопросами на собеседовании: лоснящийся череп, очки в пластиковой оправе, галстук под выступающим кадыком. Карло с легкостью представил, как тот зимой выгуливает собаку, скорее всего таксу. В целом симпатичный малый, Карло понравилось, как он сдерживал гримасы, нервно качал ногой под столом и глотнул воды, перед тем как обронить в самом конце: мы дадим вам знать. Мы дадим вам знать, тещина нога, Лоренцо, плавающий по-лягушачьи на Эльбе прошлым летом, – мысли в голове сорокачетырёхлетнего мужчины, направляющегося... А куда, собственно, он направляется? Единственная мысль в голове: София в подсобке хозяйственного магазина, и он наконец в положении стоя завершает то, чего ему никогда не удавалось завершить, пока она держит его за руку, как держала в тот последний день в квартире на Острове. Выглянув в окно, он отметил, что в Парме снег не такой густой, там и сям выглядывали прогалины темной земли. В Болонье ему захотелось сойти и пересесть на поезд, идущий в Милан. Свернув шарф на манер подушки, он задремал. В Чезене его растолкал контролер. Карло показал билет, затем натянул пальто, завязал шарф, прошел в тамбур и тут только почувствовал, что во внутреннем кармане что-то лежит. Двумя пальцами он нащупал флакончик с лекарством от аллергии, вытащил из кармана, пока поезд замедлял ход, повертел его в руках, сжал, тут дверь открылась: поезд прибыл в Римини.

Карло закутался в пальто, он помнил эту площадку и галдеж напротив вокзала. Двадцать пять лет назад они с друзьями шумной гурьбой высыпались из электрички и смешались с летней толпой, продававшей билеты на «Желтый флаг» и «Леди Годиву». Если тогда Ривьера встретила их ярким светом, то сейчас все было подернуто легким туманом. Он оказался на пешеходной улице, по левой стороне стоял Дуомо – от фасада цвета слоновой кости веяло таким холодом,

что он весь оцепенел. Проходя мимо ряда магазинов, он заметил впереди площадь: жители Римини прятались под навесами. Он стал ногами на нарисованную на брусчатке звезду, достал телефон, сверился с картой и понял, что это площадь Трех мучеников. До Ларго Бордони предстояло пройти еще два километра, море осталось с противоположной стороны, ему хотелось хотя бы взглянуть на него. Он почувствовал голод, втянул носом пар изо рта с привкусом соли и недавней метели.

– А теперь – вперед, – сказал он себе и зашагал под музыку, доносившуюся из небольших динамиков, развешанных вдоль улицы. Он шел вровень с велосипедом, которым управлял усатый мужчина, маневрировавший среди прохожих.

– Сауро! – прокричали усачу из газетного киоска, тот поздоровался в ответ.

Карло старался идти за ним следом. Велосипед остановился у винной лавки под вывеской «Морри», центр Римини остался позади, и он понял цель своей поездки: университетский туалет, София, прижавшаяся к нему бедрами, вонь аммиака, губы и пористый язык, ее шепот: «Не надо», «Такие дела», желание – все это шло от этих улиц, деревьев, людей. Он не сомневался, что пережил все и не пережил ничего, да и как этому было уместиться в памяти? С оживленной улицы он попал на окраины – такие спокойные по сравнению с миланскими: ухоженные дома, велосипеды, оставленные у подъездов. Оказавшись на аллее на виа Дарио Кампана, он сверился с картой и понял, что через двенадцать минут будет на месте, дошел до поросшей травой круговой развязки и рубинового домика – до Ларго Бордони оставалось не более двухсот метров.

У него было такое же чувство, как перед дверью 67-го номера или перед чужой кроватью: чувство, будто он должен выполнить важное поручение. Многоквартирные дома неподалеку наводили тоску своей унылой геометрией, Карло взглянул на часы: десять минут третьего, скоро в магазинах закончится перерыв, может, хозяйственный магазин уже открыт? Он остановился у ворот жилого дома: тут помещались супермаркет Despar и рыбная лавка. Прохожие переходили дорогу с полными сумками, здоровались, останавливались поболтать и снова спешили по своим делам. Карло расслабил шарф. София писала в своем рассказе, что жила в одном из таких домов, на первом или

втором этаже, в день аварии «Фиат Пунто» стоял перед подъездом, они сели в машину и включили радио.

Наконец он на месте, на Ларго Бордони. В пешеходной части улицы теснились молочная лавка, бар, газетный киоск, прачечная; над ними простиралась терраса, на которую выходили окна квартир. Проходя мимо магазинчиков, он увидел, как открывается цветочная лавка на противоположной стороне улицы. За развилкой он заметил клумбу и стоящие вокруг скамейки, наконец его взгляд уперся в вывеску: «Хозяйственный магазин Казадеи». Свет внутри не горел, у входа находился стеллаж с лейками. Он приблизился и увидел, что одна витрина мигает пурпурными огоньками, рождественская гирлянда яркой дорожкой бежала вокруг выставленного товара. Карло заглянул внутрь: от холода стекло запотело, он различил прилавок с цветными крышками из пластика, карабинами и кольцами для ключей, в глубине у стены стоял стеллаж с ящичками, надписи на которых он не мог разглядеть. От его руки, прислоненной к запотевшему стеклу, образовался след. Мимо него кто-то прошел, Карло резко обернулся, потом заметил какое-то шевеление в глубине магазина. Продолговатая тень перемещалась от одной полки к другой – мужчина, сделав Карло знак подождать, звякнул ключами и открыл дверь:

– Если вы что-то хотели, мы тут.

– Да нет, я просто смотрел.

– У нас переучет, я выключил свет, чтобы меня не отвлекали.

Скоро откроемся. – Старик был тощий, когда он говорил еле слышным голосом, его веки истончались.

– Вам точно ничего не нужно?

– Точно. Спасибо. Извините, если помешал.

– Да ради бога. Хорошего вам дня.

Это мог быть ее отец. Жаль, что он не пожал ему руку. Заботливый человек из рассказа Софии, не любивший принимать решения: слишком молчаливый, слишком вежливый, он проявлял решительность только с клиентами. Взглянув на него в последний раз, Карло отправился было обратно, как вдруг его кольнуло предчувствие: он обернулся и увидел ее. Она приближалась с другой стороны Ларго Бордони. Видно было плохо, но Карло не сомневался, что это она. Убедившись в том, что не ошибся, он отошел от витрины и спрятался за угол магазина.

Старик открыл ей дверь и что-то сказал. София, сняв пальто и сумку, повесила их на вешалку, неспешно надела синий халат и расправила его на себе. Как она хороша. Это она. Слегка осунувшееся лицо, короткая стрижка, длинная гибкая шея. Она что-то сделала около прилавка, и в магазине загорелся свет, тогда она дотронулась рукой до мочки уха. Время убрало с ее щек детскую припухлость, он узнал ямочки, которые появлялись всякий раз, когда она пыталась сосредоточиться на лекциях. Его накрыла ностальгия, а он знал, что за ностальгией скрывается нежность. Как ему хотелось почувствовать эту нежность раньше, когда он был просто профессором, а она – просто студенткой. Как ему хотелось не иметь ничего общего с другими женщинами, смыть с себя чужие тела и причислить их к ряду болезненных отказов. Несмотря на холод, он не завязал крепче шарф, а, поправив рюкзак, оперся плечом о стену и стал тайком подглядывать через витрину. Он смотрел, как София закатала рукава, ее руки были унижены браслетами. Теперь он чувствовал и боль, и облегчение от возбуждения, которое его преследовало, оно не дремало, но он научился им управлять. Девушка среди полок хозяйственного магазина, чьи черты и движения были ему знакомы, обрела четкую форму в четко очерченной рамке, без противоречий и острых углов, вобрав в себя красоту потерянного времени. Ему захотелось попрощаться с ней, он смотрел, как она говорит что-то старику, роясь в ящичке у того за спиной.

София поднялась на стремянку, из-под халата выглядывали сильные ноги, затем слезла и сказала отцу:

– Съешь что-нибудь.

– *Á no fêma*^[14].

Однако она протянула ему пластиковый контейнер с кускусом и овощами:

– Съешь хоть пару ложек.

Отец указал на одну из витрин:

– С Рождества прошло уже два месяца.

Пробравшись сквозь выставленный товар к витрине, он схватился за край пурпурной змейки-гирлянды и принялся стаскивать ее, наматывая себе через плечо.

– София, выдерни вилку из сети.

Но та только рассмеялась, увидев отца в образе новогодней елки – сухой как щепка, оплетенный мигающими огоньками.

– Погоди-ка, – она вытащила телефон и сделала фото.

– Ох ты у меня и хвастунишка!

– Ну стань в позу!

– Еще чего!

– Ну пап!

Свернув пурпурную змейку, он отключил гирлянду:

– И не вздумай выложить это в интернет!

– Ну можно, а?

– Нет!

– Ты у меня красавчик, сам погляди!

Отец отложил в сторону гирлянду и принялся искать журнал, куда они записывали заказы. София протянула ему телефон: как же он постарел, огоньки, по крайней мере, добавили ему красок.

– *Fá cum ut pèr*^[15].

– Значит, выкладываю.

Обработав фотографию так, чтобы лицо отца оставалось в тени, она добавила надпись «Дед Мороз упорствует, наступит ли весна?», семь хештегов и выложила в «Инстаграм».

Маргерита наткнулась на этот пост через сорок две минуты, пока ждала ответ по поводу престижной трехкомнатной квартиры в районе Москва. Смешной и милый снимок почти веселого отца. Наверное, они хорошие люди, подумала Маргерита. Она захотела было набрать мужа, но передумала: в принципе, ей хватило его бодрого голоса после собеседования, она понимала, что этот день нужно просто пережить. Расположившись поудобнее на стуле, она посмотрела на улицу. С ее места было отлично видно корсо Гарибальди и гуляющих прохожих. Ей нравилось, когда молодые пары читали объявления в витрине агентства, а затем заходили в офис. Она всегда старалась перехватить их и быть предельно честной: завуалированно предупреждала обо всех рисках, вышедшем из строя оборудовании, шумных соседях, изменениях в оплате услуг кондоминиума. И все из-за махинаций с Конкордией и осознания того, что ее работа доставляет ей неприятности – небольшие, но ощутимые. Находиться весь день в офисе с семьей коллегами, каждый из которых себе на уме, трудиться во благо американской фирмы, сидеть за письменным столом со

стандартным набором канцелярских принадлежностей – в конце рабочего дня ей хотелось придать этому хоть какой-то смысл.

Каждый раз, проходя мимо своего бывшего агентства, она заламывала руки: в последнее время она ходила туда намеренно – на месте агентства открыли бар, но паркет и отделка стен остались прежними. Маргерита заходила в бар, заказывала напиток и смотрела на паркет и стены, успокаивая себя тем, что все еще вернется на круги своя.

Так и не дождавшись письма с подтверждением о продаже трехкомнатной квартиры в районе Москова, Маргерита поднялась со своего места. Объяснив коллеге, что ей необходимо проведать мать – ничего серьезного, с клиентами она переговорит по телефону, – Маргерита вышла с работы и пешком дошла до Монтенаполеоне, заглянула в «Кова», рассматривая пирожные, остановила выбор на «дипломатичи». Она представила мать у витрины среди покупательниц в дорогих мехах: портниха с виа делле Леге, такая маленькая, что и не разглядишь из-за спин клиенток. Скромные матери в кондитерских для богачей и заботливые отцы в новогодних гирляндах.

Когда Маргерита пришла домой, Анна дремала.

– Смотри, что у меня есть! – сказала она, наблюдая, как мать распакивает глаза, словно младенец. Маргерита положила упакованные пирожные на кровать.

– «Дипломатичи»?

Маргерита кивнула и показала их ей.

– Солнышко, давай оставим это на вечер, когда придут мальчики? Они их тоже любят.

Отец Софии взял две коробки и погрузил их в «Рено Сценик», припаркованный напротив магазина. Карло отошел на пару шагов от витрины, затем еще на несколько шагов, унося с собой образ Софии на стремянке. Его маленькая балерина на кончиках пальцев с точеными, изящными и легкими ножками. Прощай, София, пробормотал он, отдаляясь от Ларго Бордони. Он быстро шагал, засунув руки в карманы пальто, думая о старике, опутанном гирляндой, и его дочери. Оказавшись около рубинового домика, почувствовал, что пришла пора отпустить позднюю молодость.

Теперь он спешил к морю, и все время, пока туда шел, ему казалось, что Римини понимает: он пришел попроситься. Все люди, велосипеды и улицы суетливо уступали ему дорогу и указывали путь: от окраин до моста Тиберия и рыбацкого квартала. Миновав исторический центр, он прошел по вокзальному переходу и дошел до фонтана – четыре каменные лошади извергали из ноздрей струи воды. Невдалеке высился «Гранд-отель», Карло подошел к нему в клубах спустившегося тумана. Пересек набережную и по тропинке дошел до пляжа, на выцветшем фасаде которого красовалась цифра «4», не останавливаясь, миновал небольшую дюну. Море было спокойно, редкие волны омывали берег. Из рта у него шел пар, он тщетно пытался отыскать взглядом лодку в морской дали. Туман накрыл его с головой.

Однажды, когда Анна с мужем и дочерью ужинали, на виа делле Леге раздался телефонный звонок. Так поздно им еще никто не звонил. Перепуганная Анна бросилась к аппарату, едва дыша, подняла трубку и услышала голос женщины из ателье, для которого время от времени выполняла заказы. Та хотела поговорить со швеей, подгонявшей платье по фигуре. Анна ответила, что это она и есть, попросила женщину представиться еще раз, а затем внимательно выслушала просьбу и пообещала сделать все, что в ее силах. Положив трубку, Анна вернулась к столу и сказала, что сейчас к ней придут люди по срочному делу.

– Прямо сейчас? – уточнил Франко, убирая со стола.

Анна кивнула. Маргерита, покормив куклу Маризу остатками хлеба, слезла со стула и пристроилась на диване.

К ним постучались через полчаса: две закутанные в пальто женщины прошли в квартиру, а мужчина остался на лестничной клетке. Анна проводила клиенток в гостиную, те принесли с собой платье в чехле. Франко с Маргеритой закрылись в спальне.

Втроем они открыли чехол и достали оттуда платье: Ив Сен-Лоран. Анна уже имела дело с работами кутюрье, главным тут было то, как платье сидит на фигуре. Расстелив на столе хлопковую ткань, Анна аккуратно положила сверху платье, она смотрела на него, как смотрят на картину: темная юбка, дорогие материалы, полет фантазии на ткани.

– Платье навеяно работами Матисса, – пояснила одна из женщин. В ушах у нее блестели дорогие серьги, а из-под пальто проглядывало вечернее платье. – Я надела другое, на случай, если у вас ничего не выйдет.

– То платье, что на вас, тоже превосходно.

– Но мне прислали это. Мне показалось, что...

Анна кивнула.

– Когда вас ждут на празднике, синьора?

– У меня в запасе не более полутора часов.

На поясе был пришит светло-голубой бант, верхняя часть платья представляла собой темную кофту с небольшим вырезом и длинным рукавом, Анна отметила сатиновые вставки. Платье порвалось с одной стороны, дыра доходила до самой юбки.

– Сделаю все, что смогу. Но мне нужно, чтобы вы примерили платье.

– Вы так любезны. В ателье сказали, что вы такая одна в Милане.

– В такое время, пожалуй, да.

Они рассмеялись. Анна предложила гостям кофе, однако те вежливо отказались и присели за стол. Принявшись за работу, она больше не смотрела в их сторону. Дырку можно было спрятать под двойной симметричной складкой. Ей понадобилось сорок пять минут, она отвлеклась только раз, когда дверь спальни открылась и Маргерита прошла в туалет. Услышав шум сливного бачка и голос Франко, на диалекте прикрикнувшего Маргерите пошевеливаться, Анна смутилась.

– Сколько лет вашей девочке? – поинтересовалась женщина.

– Четыре.

– А у меня сын и дочка.

Анна ниже склонилась над платьем, листья Матисса отливали красным, зеленым, желтой охрой. Она провела по ним двумя пальцами – это было так волнующе – и представила руку модельера, порхавшую над наброском, оправу очков и волосы, зачесанные на одну сторону. Они были ровесниками, и Анне он казался скромным, как и она сама. Так, склонившись, Анна несколько минут осматривала свою работу, затем отстранилась и попросила женщину его примерить.

Они помогли женщине раздеться, та стояла почти нагишом посреди гостиной. Анна поразилась, насколько хороша ее гостья,

глянцевые журналы лишь умаляли ее красоту. Затем Анна принесла зеркало, которое держала за книжным шкафом. Редкие книги занимали только одну полку, остальное было заставлено безделушками и статуэтками.

– Теперь оно даже лучше, чем было, – проговорила женщина.

Анна провела рукой по сшитой ткани:

– Только не слишком выпячивайте грудь.

– Сегодня оно зацепилось за вешалку.

– Бывает. – Разгладив платье, Анна поправила бант на поясе – ее гостя была такой стройной, – выровняла ожерелье и приподняла вырез. – Вот.

В последний раз посмотрев на себя в зеркало, женщина обернулась к Анне, потрепала ее по плечу и сказала:

– Да вы настоящий модельер.

– Я просто швея, синьора.

Женщина подала знак своей подруге позаботиться о вознаграждении, та протянула Анне конверт из рисовой бумаги.

Поблагодарив женщин, Анна одной рукой прижала конверт, а другой помогла надеть пальто, проводила до двери и сказала:

– Прощайте.

Женщина замешкалась на лестничной клетке:

– Мой муж ждет в машине.

– Ой! – вскрикнула Анна.

– Я скажу ему, что теперь у нас есть отличная швея в Милане, – улыбнувшись, она начала спускаться, из-под пальто мелькнул алый лист – сам Ив спускался по лестнице дома на виа делле Леге.

Алый лист Сен-Лорана и тонкая талия женщины, именно об этом думала Анна, когда к ней в комнату вошли Маргерита, Карло и Лоренцо и снова предложили пирожные.

– Будешь «дипломатичи»?

Едва на них взглянув, Анна силилась вспомнить выражение лица Франкина, когда протянула ему конверт из рисовой бумаги и попросила открыть. Тот буквально остолбенел – столько банкнот!

– Ты правда не хочешь пирожное?

– Принеси мне, пожалуйста, визитную карточку из Турина. – Маргерита задумчиво почесала лоб. – Ну, ту визитку из Турина, –

повторила она, протянув тарелку с десертом Карло. Лоренцо во все глаза смотрел на бабушку и жевал марципан. Анна обернулась к внуку:

– Сейчас бабушка раскроет тебе один секрет.

Маргерита вернулась и протянула ей визитку цвета слоновой кости, Анна аккуратно взяла ее пальцами, выглядывавшими из-под гипса. И хотя почерк был четкий, буквы расплывались у нее перед глазами.

Карло забрал у нее визитку и продекламировал написанное низким голосом: «Благодарим Вас за доброту и мастерство. От имени Сен-Лорана. М. А.».

Лоренцо откусил марципан, Анна ему подмигнула:

– Это был подарок судьбы.

– Знаешь, я совершенно не помню тот вечер.

Маргерита подняла спинку кровати.

– Ты была совсем крохой, солнышко.

– Папа рассказывал, что после того случая вам пришлось отключить телефон.

– После того случая от клиентов не было отбоя, но телефон мы никогда не отключали.

– Франко говорил, что Адвокат^[16] потом заходил к вам за костюмом.

Карло положил подбородок на голову сына.

– Франко любил все приукрасить...

Она впала в ностальгию с тех пор, как начала делать вид, что идет на поправку. А на самом деле страдала от глухой боли, от которой раскалывалась голова, пульсировали виски и камнем сдавливало грудь. Она терпеть не могла жаловаться, поэтому лгала ночной медсестре и той, что приходила днем; она лгала даже Андреа на последнем сеансе. Глядя в окно, Анна искала заснеженные крыши, но снег растаял. Затем ее потянуло в сон: порой, перед тем как заснуть, она, выбрав доверительный тон, мысленно обращалась к Мадонне – это был женский разговор. Она вымаливала милости для других, для себя же просила одного – не мучиться. Этот червь точил ее днем и ночью: болезненное, немощное тело приковало ее к кровати, превратив в обузу для родных, а ей так хотелось вечером пройтись по виа Монтенаполеоне и полюбоваться яркими витринами. Анна кивком подозвала Карло (зять понимал ее без слов). Тот опустил Лоренцо на пол и попросил помочь

маме на кухне. Как только они остались вдвоем, Анна схватила его за запястье.

– Если дойдет до... Сделай все так, как с Франко.

– Анна!

– Я очень тебя прошу!

– До этого не дойдет.

– Не давай, чтобы я...

Он погладил ее пальцы:

– Что с тобой?

– Я... – пробормотала она, сжав его руки, – я боюсь.

Карло остался с Анной, пока та не заснула. Затем потушил верхний свет, оставив включенной только лампу у швейной машинки, вытащил из рук Анны визитку и положил на тумбочку. Прошел в гостиную. Маргерита мыла тарелки, напевая какую-то мелодию, он прижался к ней сзади, руки Маргериты застыли под струей воды, он прошептал: продолжай. Маргерита снова взялась за мочалку, Карло стоял рядом с ней, уткнувшись подбородком в плечо. Потом сказал, что сегодня они переночуют здесь. Маргерита, ополоснув еще одну тарелку, уточнила, было ли это маминой просьбой, а он повторил: давай переночуем здесь. Она кивнула, он взял ее за руку, капли стекали на пол. Маргерита обернулась, заметила, что за окном снова пошел снег, посмотрела ему в глаза и сказала: сегодня я испугалась, что ты не вернешься.

Андреа откинул капюшон мастерки, выставив голову на колючий холод, закрыл машину, перешел через дорогу, у подъезда, перед тем как войти, еще раз взглянул на мартовскую зиму в Милане.

Обтрусив обувь на коврик у входа, начал подниматься по лестнице, перепрыгивая через ступеньку, и понял, что хочет поскорее оказаться дома. С тех пор как он делил квартиру с Джорджо, он часто так поднимался, останавливался на лестничной клетке и испытывал нечто вроде облегчения. Повернув ключ в замке, чуть было не спросил разрешения войти. В квартире царил полумрак; не зажигая света, он застыл на пороге, потом сделал шаг вперед в полной уверенности, что внутри никого нет. Затем разглядел Джорджо на диване в гостиной – тот спал, его очертания проступали вытянутой, неровной синей линией.

Притворив тихонько дверь, чтобы не будить Джорджо, пусть отдыхает, Андреа замер и улыбнулся – с улицы доносился голос, казалось, он шел из-под снега.

– Франкин, я бирюзовая рыбка, Франкин, я...

Голос эхом доносился с улицы, Карло даже не сразу понял, что это Анна. Встав с кресла, он прошел в ее комнату, свет с заснеженных крыш сочился в квартиру, освещая спящую Анну. Карло послушал с порога ее свистящее дыхание и прошел мимо закрытой двери, где спали Маргерита и Лоренцо, в гостиную. Подошел к выключенному проигрывателю с пластинкой Лучо Далла, приглушил свет торшера и направился к книжному шкафу: ему захотелось прикоснуться к книжным корешкам. Книги стояли ровными рядами, некоторые были обернуты в пластиковую обложку, на каждом титульном листе Анна указывала год и месяц прочтения тома. Карло отошел от шкафа, он был совершенно спокоен и направился к креслу человека, научившего его жизни, показавшего ему ель и три ключа: «Mí sun cuntèent insá». Нечто сродни верности.

Положив ноги на стол, он зарылся в кресло так, что затрещала обивка. И задремал; свет торшера проникал сквозь веки, он не стал его выключать – ребенком он часто засыпал с горевшим светильником. Его разбудил голос Анны, на этот раз четкий, он прошел к ней. Анна лежала в том же положении: голова склонилась к правому плечу, с подбородка тонкой струйкой стекала слюна. Карло подошел поближе: распахнутые глаза Анны смотрели на шкаф, она не дышала.

Бирюзовая рыбка охраняла ее покой.

Когда они отъехали от магазинчика, София увидела Ина Казу и жасмин на балконах, отец ехал медленно, и около рубинового домика София попросила разрешения сесть за руль. Он включил поворотник и съехал на обочину, хотя до оптового склада было рукой подать. Поменявшись местами и пристегнув ремни, они доехали молча до северных бастионов. Затем София включила радио и, миновав исторический центр, свернула к причалу. Склад находился перед зданием военно-морского флота, однако София повернула в противоположную сторону. Отец дал ей знак возвращаться обратно, но она продолжала движение. Когда до Ривабеллы оставалось каких-то

пару километров, отец спросил, куда она направляется. К маме, ответила София.

Тогда отец замолчал и напряженно сидел до самого кладбища. Съехав на проселочную дорогу, они объехали вокруг кладбищенских стен. Припарковались на траве, София первой показалась из машины, отец медлил, а выбравшись наружу, закурил сигарету. По морщинам на его лбу и неуверенной улыбке София поняла, что ей придется идти одной.

Миновав прилавок с цветами, она оказалась у входа, взглянула на памятник в форме носовой части «Рекса» – могилу Феллини, Мазины и их ребенка: в бронзе постамента отражались солнечные блики. Свернув налево, она замешкалась, силясь вспомнить дорогу. Огоньки умерших вели ее к маме.

Могила оказалась третьей справа, розы, которые приносил отец, еще не завяли. София вытащила руки из карманов и расправила стебли. Потом посмотрела на нее: кудрявые волосы, рассыпанные по плечам, смущенный взгляд. Она всегда робела перед объективом, хотя ей и нравилось фотографироваться. Мама, я здесь. Маргерита вошла в комнату, из которой еще не вынесли противоположную кровать и швейную машинку: я здесь. Отворив створки шкафа, сначала одну, затем вторую, окинула взглядом вещи, ее вещи, дотронулась до блузки с ярким принтом, которую мама надевала с приходом тепла, – с этой блузки для них начиналось лето.

Сколько у нее уйдет времени, чтобы освободить шкаф, сложить пиджаки, штаны и туфли, что-то откладывая в сторону, что-то оставляя себе? Ей хотелось рассказать Анне, что Карло взяли на работу на испытательный срок, а Лоренцо был уверен, что бабушка плавает в море. Ей хотелось рассказать, что каждый раз, входя в квартиру, она видит ее на табурете, у проигрывателя, с ногами на столе, а порой даже говорит с ней. Привет, шептала Маргерита, замерев на пороге гостиной. Затем шла в ванную и рассматривала марлю и все те приспособления, которыми мыла ее. Рассматривала и свои руки, подмывавшие Анну, – жаль, что ей не суждено было сделать это лучше, нежнее, непринужденнее, не давясь от приступов рвоты; быть с Анной даже тогда, когда та об этом не просила; свозить ее куда-нибудь, хотя бы в ее ненаглядный Санкт-Петербург.

Сняв с вешалки цветастую блузу, Маргерита положила ее на кровать, потом проделала то же самое с остальными вещами. Когда дошла очередь до свадебной накидки, Маргерита взяла ее в руки, сняла целлофан, подошла к окну и увидела, что ткань отлично сохранилась; вывернув ее обратной стороной, она надела накидку себе на плечи – свободная невеста пятидесятых. Я здесь.

notes

Примечания

1

Пер. В. Кобец.

Текс Виллер – главный герой итальянского комикса «Текс».

3

«Интеррейл» – безлимитный билет на проезд между странами Европейского союза.

Марко Паннелла – итальянский политик и журналист, один из основателей Радикальной партии Италии.

Сильвио Берлускони – итальянский государственный и политический деятель, четырежды занимал должность председателя Совета министров Италии.

«Drive In» – итальянская телепередача, шедшая в эфире с 1983 по 1988 год, в которой принимал участие Сильвио Берлускони.

7

Вителло тоннато – блюдо из тонко нарезанных кусочков маринованной телятины, приправленных крем-соусом.

Доменико Модуньо – итальянский певец, композитор, актер и общественный деятель.

Автосцепка Шарфенберга – автоматическое сцепное устройство жесткого типа, применяемое на железнодорожном и легкорельсовом транспорте для сцепления между собой единиц подвижного состава.

Тальятелле (диалект.).

Идем.

«Любовные клятвы дольше дня не длятся» (ломбардская поговорка).

Мне хватит и этого.

14

Нет аппетита.

15

Делай что хочешь.

Джованни Аньелли. (Примеч. перев.)